БЕЛАРУСЬ вчера и сегодня

Адам Мальдис

Белорусские сокровища за рубежом

Минск
«Літаратура і Мастацтва»
2009

УДК 930.85 (476)
ББК 71 (4Беи)
М 21

Серия основана в 2009 году

Выпуск издания осуществлен по заказу
и при финансовой поддержке
Министерства информации Республики Беларусь

Мальдис, А. И.
М21 Белорусские сокровища за рубежом / А. И. Мальдис. — Минск : Літаратура і Мастацтва, 2009. — 208 с. : ил. — (Беларусь: вчера и сегодня).

ISBN 978-985-6720-94-2

В сегодняшних условиях возвращение музейных, библиотечных и архивных ценностей, 90 процентов которых находится за пределами страны, — это прежде всего их выявление и совместное использование.

В книге, основу которой составляют публикации автора в газете «СБ. Беларусь сегодня», рассказывается о наших ценностях, оказавшихся (преимущественно в результате военных действий) на территории сопредельных (Россия, Литва, Польша, Украина), западноевропейских (Великобритания, Германия, Франция) стран, а также в Иране, Китае, США, Швеции.

УДК 930.85(476)
ББК 71(4Беи)

ISBN 978-985-6720-94-2

Сокровищам необходим поиск

Когда листаешь библиографию работ Адама Мальдиса, помещенную в книге «Беларусь і беларусы ў прасторы і часе» (Мінск, 2007), видишь, что примерно третья часть из них посвящена вопросам реституции — поиска, атрибуции, возвращения или совместного использования кладов материальной и духовной культуры белорусского народа, которые при разных обстоятельствах, в том числе и военных, оказались на территории других, преимущественно соседних государств. Историки здесь расходятся: одни утверждают, что на белорусских землях осталось только десять процентов наших ценностей, другие уменьшают эту цифру до пяти, а некоторые — даже до одного процента. Более точную картину могли бы дать три каталога наших потерь — архивных, библиотечных и музейных. В других странах такие издания уже появились или готовятся. Предусматриваются они и у нас.

Из названной библиографии видно, что книга, которую почтенный читатель сегодня держит в руках благодаря издательству «Літаратура і Мастацтва», имеет примерно сорокалетнюю родословную. В 1974-м году вышли из печати «Таямніцы старажытных сховішчаў: Да гісторыі беларускай літаратуры XVIII—XIX стагоддзяў» Адама Мальдиса. Сюда вошли напечатанные ранее в периодике «Скарбы продкаў», где в подразделе «Пра Крыж Ефрасінні Полацкай і сёе-тое іншае» впервые в белорусской печати было сказано, откуда и при каких обстоятельствах исчезла первейшая белорусская национальная реликвия и тысячи других ценностей из Могилевского исторического музея, поставлен вопрос об их поисках, которые вскоре начались на государственном и общественном уровнях.

Потом география поисков расширилась. Индивидуальные усилия Адама Мальдиса приобрели коллективность, когда председатель созданного двумя годами раньше Белорусского фонда культуры Иван Чигринов предложил ему, учитывая многочисленные публикации в печати, возглавить комиссию «Вяртанне» («Возвращение»). Вокруг нее сплотились многие энтузиасты. Их усилиями начал издаваться одноименный серийный сборник. Первый вышел в 1992-м году и включал списки могилевских, минских, несвижских и гомельских потерь. Четвертый был составлен из материалов Международной конференции «Реституция культурных ценностей: Проблемы возвращения и

совместного использования (юридические, научные и моральные аспекты)», проведенной в 1996-м году в Минске под эгидой ЮНЕСКО. Седьмой имел название «Нясвіжскія зборы Радзівілаў». Приведенные в сборниках «Вяртанне» списки вывезенных сокровищ, несомненно, будут широко использованы при составлении каталогов, о которых говорилось выше.

Одновременно с изданием сборников в Национальном научно-просветительном центре имени Франциска Скорины при Министерстве образования Беларуси под руководством Адама Мальдиса создавалась база данных по вопросам реституции в комплексе с проблемами диаспоры, общественно-культурных связей между странами и народами, музееведения, архивоведения, библиотековедения и краеведения. Информация собиралась и предоставлялась для пользования как в виртуальном, так и в текстовом (книги, вырезки из периодики) и библиографическом (картотеки) виде. Были установлены плодотворные связи с зарубежной (прежде всего немецкой, польской и российской) научной общественностью. Вопросы реституции рассматривались на конгрессах Общественного объединения «Международная ассоциация белорусистов», председателем которого являлся Адам Мальдис.

Накопленные годами сведения он объединил в большую серию подытоживающих статей, помещенных в течение последних двух лет в газете «СБ. Беларусь сегодня» под рубрикой «Сокровища». Известные и неизвестные факты здесь группируются по странам — соседним и далеким. Автор стремился о сложном рассказать занимательно и образно, придавал статьям форму эссе.

Следует подчеркнуть, что названные статьи о наших сокровищах за рубежом вызвали отклики не только читателей, но и государственных учреждений — как белорусских, так и зарубежных. Например, после статьи «Вывезено за Буг», где говорилось, что коллекции Эмерика Гуттен-Чапского из Станьково, завещанные городу Кракову, находятся там без надлежащего присмотра, а доступ к ним почти невозможен, буквально за несколько месяцев польскими властями были приняты решительные меры, о которых говорится в следующей статье «Станьково — Краков». Теперь собрания белорусского благотворителя объявлены европейской ценностью. Произошли положительные сдвиги после публикаций про слуцкие пояса и несвижские портреты Радзивиллов.

И вот статьи под рубрикой «Сокровища» с незначительными изменениями собраны вместе в книге. Надеюсь, что она послужит в повседневной работе ученым, работникам культуры, дипломатам, созданной в прошлом году Межведомственной комиссии при Совете Министров Республики Беларусь по выявлению, возвращению, совместному использованию и введению в культурный обиход национальных культурных ценностей, которые оказались за границами Беларуси. Автор книги входит в состав этой комиссии.

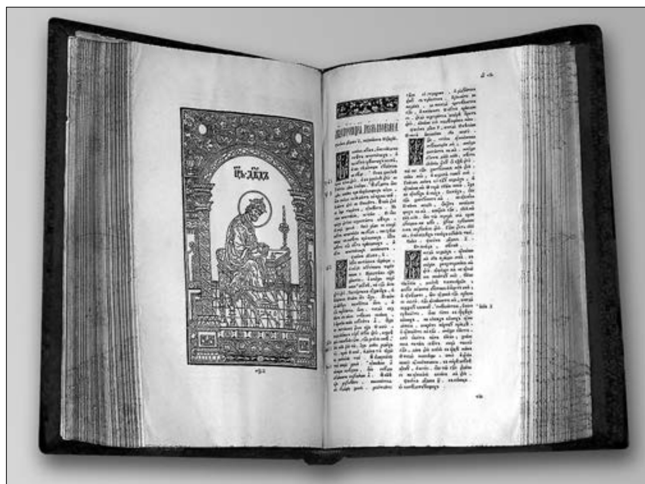
Павел ЯКУБОВИЧ,
главный редактор газеты «СБ. Беларусь сегодня»,
заслуженный деятель культуры Республики Беларусь

Явление Слуцкого Евангелия

Возвращена первая из многочисленных ценностей, хранившихся до войны в могилевском музее

...На торжестве в Национальной библиотеке одновременно отмечали два якобы разных события: 400-летие со дня смерти уроженца Турова князя Константина Острожского и возвращение обществу духовного памятника — Евангелия, переписанного слуцким князем Юрием Олельковичем в 1581 (а не в 1582-м, как считалось ранее) году. Это стало первым значительным мероприятием среди предусмотренных соглашением о сотрудничестве, подписанным Белорусской православной церковью и Министерством культуры. На самом же деле обоих подвижников-просветителей объединяло как семейное, так и духовное родство: распространение Слова Божия рукописным и печатным путем.

Слуцкое Евангелие.

Перед нами — подлинник!

Возвращение из 60-летнего небытия и виртуальное воссоздание Слуцкого Евангелия были бы невозможны без упорного тщания митрополита Минского и Слуцкого Филарета. 12 июня 2003-го года на Епархиальных чтениях он впервые сообщил радостную весть о том, что исчезнувший в 1941-м году памятник национальной культуры нашелся! Его передал Владыке один из священнослужителей, коему, в свою очередь, подарил реликвию некий прихожанин. Евангелие, естественно, стало собственностью экзархата. Но митрополит позаботился, чтобы рукопись оставалась доступной и научной общественности: книгу временно передали в Национальную библиотеку Беларуси, там благодаря финансовой помощи Фонда фундаментальных исследований ее оцифровали, а еще сопоставили с описаниями памятника, сделанными в Слуцке до Первой мировой войны Ф. Серно-Соловьевичем, А. Снитко и другими учеными. Экспертиза дала возможность прийти к единому мнению (до того оставались сомнения): вернулась не копия, а оригинал!

Затем в Институте языкознания имени Якуба Коласа Национальной академии наук приступили к более тщательному исследованию Евангелия, его орфографических, фонетических, лексических, оформительских особенностей. Выводы тоже оказались однозначны: церковнославянский текст переписывало лицо, хорошо знавшее белорусский разговорный язык, а высокохудожественное оформление памятника сделало его уникальным, бесценным.

От имени митрополита Филарета приветствие участникам торжества передал епископ Бобруйский и Быховский Серафим. Выступившие

на презентации заместитель директора библиотеки Татьяна Кузьмич, заместитель уполномоченного по делам религий и национальностей Владимир Ламеко, директор Института языкознания Александр Лукашанец, профессор БГУ Иван Чарота говорили о большом национальном, славянском и мировом значении воскресшей ценности. Известный книговед, член комиссии «Вяртанне» Белорусского фонда культуры Татьяна Рощина высказала надежду, что вслед за Евангелием наконец найдутся и другие многочисленные ценности, среди них и Крест Преподобной Евфросинии Полоцкой, до войны находившийся в Могилеве. Участники торжества перешли в выставочный зал, где с благословения митрополита Филарета Слуцкое Евангелие выставили для обозрения.

— Смотрите: оно же светится, сияет! — воскликнула одна моя знакомая, давно заинтересованная в возвращении памятника, указывая на страницу Евангелия, где в орнаменте неповторимо сочетаются золотой и зеленый цвета. И, зная, что я тоже лет около 40 хлопочу о возвращении могилевских сокровищ, добавила: — Поздравления сегодня причитаются и вам, всей комиссии «Вяртанне».

И мне вспомнилось, как все начиналось.

Знаковая реликвия

Слуцкое Евангелие — действительно первая и притом весьма значительная культурная ценность, которая объявилась, была возвращена народу, из тех тысяч, как сегодня говорят, артефактов, которые до лета 1941-го года хранились в просторной комнате-сейфе здания Могилевского обкома партии. Это здание строилось до революции для поземельно-крестьянского банка, потом здесь разместился Могилевский государственный музей, куда (в предполагаемую столицу республики) в конце 20-х — начале 30-х годов прошлого столетия свозились ценности со всей Беларуси (!). Но времена и цели менялись. Музей переселили в иное место, покинув в комнате-сейфе обкома партии наиболее ценные экспонаты.

Крест Преподобной Евфросинии Полоцкой и Слуцкое Евангелие — наиболее ценные национальные реликвии, находившиеся в комнате-сейфе. С их поисков начиналась работа общественной комиссии «Вяртанне» при Белорусском фонде культуры, которой я имею честь руководить на общественных началах уже двадцать лет. За это время собран и частично, в семи одноименных сборниках, опубликован обширный материал по музеям, библиотекам и архивам. По-моему мнению, настала пора хотя бы в весьма сжатом виде рассказать о работе комиссии, чтобы тем самым содействовать реституции некоторых других ценностей, а заодно и развеять немало мифов и наслоений, накопившихся в различных публикациях.

Слуцкое Евангелие на выставке в Национальной библиотеке Беларуси.

Откровения могилевского краеведа

Комиссия появилась не на голом месте. Поиски начались лет сорок назад. По рекомендации АН БССР, где я тогда работал, в начале февраля 1970-го года ЦК КПБ направил меня с лекциями в Могилев. На одном из вечеров ко мне подошел пожилой интеллигентного вида человек, отрекомендовался любителем древностей и неожиданно тут же пригласил к себе домой: «Хачу вам нештачка расказаць і паказаць».

В скромном деревянном домике инженера Иеронима Филиповича оказалось множество папок с материалами для исторической хроники города. Особенно меня заинтересовали сведения о могилевских религиозных деятелях и писателях Г. Конисском и С. Богуше-Сестренцевиче. Кое-что я тут же предложил сосватать для книговедческих сборников академической библиотеки.

И вдруг хозяин задал неожиданный вопрос. В его интонации явно чувствовался некий подвох. Или подтекст.

— Ці ведаеце вы, дзе зараз знаходзіцца Крыж святой Ефрасінні Полацкай? А Слуцкае Евангелле? А залаты ключ ад Магілёва?

— Ключы — не мая сфера інтарэсаў. Евангеллем нядаўна цікавіўся ў Слуцку, але там нават у музеі пра яго ўпершыню чулі. Пра Крыж нядаўна чытаў у газеце «Голас Радзімы». Нібыта ў першыя дні акупацыі горада каля былога музея ішоў нямецкі афіцэр. І раптам ён пабачыў праз акно, што ў падвале блішчыць нешта залатое. Зацікавіўся, зайшоў, спусціўся ўніз. Але далейшыя дзверы былі ўмацаваны жалезнымі кратамі. Тады афіцэр загадаў, каб палонныя (самі немцы, маўляў, баяліся міны) разрэзалі іх аўтагенам. Аказалася, ззяла не што іншае, як Крыж Ефрасінні Полацкай. Узяў ён яго, іншыя каштоўнасці і вывез з сабой у Германію. А пасля вайны прадаў на рынку нейкаму амерыканскаму багацею.

Здание в Могилеве, где хранились ценности, в том числе и Крест Евфросинии Полоцкой.

— На рынку? І таму дакументаў нідзе ніякіх не засталося... Ну-ну. Цікава. Зноў жа падвал... Аўтаген... Лухта ўсё гэта! Друкуюць, каб збіць з тропу. Я сам да вайны працаваў у тым музеі, які спачатку месціўся ў будынку былога зямельнага банка. Заўтра пакажу яго вам — вельмі прыгожы... Крыж і Евангелле, на свае вочы бачыў некалькі разоў, засталіся там у пакоі-сейфе. Мусіць, улады збіраліся прадаць гэты «опіум» за граніцу як антыкварыят. Але пакой-сейф месціўся не ў падвале, а на першым, падвышаным паверсе. Ідучы па вуліцы, нічога там не пабачыш... І з аўтагенам — няпраўда: краты заставаліся цэлымі нават пасля вайны. Толькі нядаўна іх знялі, паставілі ў кут. А нямецкі афіцэр? Тут нехта свядома блытае карты.

— Згодны з вамі. Магілёў доўга абараняўся, можна было паспець усё вывезці.

— І вывозілі! Чуў, што вывозілі. Калі б музейныя каштоўнасці трапілі да акупантаў, то чаму тады не пакаралі за бяздзейнасць ранейшага, даваеннага і пасляваеннага, дырэктара Мігуліна? Той адкрыта вярнуўся ў горад на другі дзень пасля вызвалення, адразу пачаў будаваць сабе дом. Аднойчы, праўда, пасадзілі, але нешта ўдакладнілі — і выпусцілі. Адзінае, што, мне здаецца, вартае ўвагі ў тым артыкуле, дык гэта пра

амерыканскага бізнесмена. Цяперашні дырэктар нашага музея Скварцоў на сваё запытанне ў Эрмітаж, дзе ж шукаць даваенныя экспанаты, атрымаў адказ: нашы супрацоўнікі знайшлі след, які вядзе да Морганаў. Зрэшты, самі можаце паглядзець пісьмо з Ленінграда. І да Мігуліна схадзіце. Ён многае ведае, але не гаворыць. У пакоі-сейфе знаходзіліся ж не толькі Крыж ці Слуцкае Евангелле, але і залатыя прадметы з раскопак у Пампеях, каштоўная зброя, ікона Бялыніцкай Божай Маці, кубак Пятра Першага, каля дваццаці іншых царкоўных кніг у дарагіх акладах і шмат чаго яшчэ. Усё гэта магло трапіць у Амерыку не толькі праз захад, але і праз усход — як аплата паставак па ленд-лізу або вынік прыватных махінацый… Пацікаўцеся ўсім, вам у сталіцы гэта лягчэй зрабіць, чым нам у Магілёве. Усе мае захады выклікаюць тут толькі кпіны.

Назавтра состоялась интересная встреча с директором музея Иваном Скворцовым. Он показал мне довольно сухие, незаинтересованные ответы, скорее отписки, из Эрмитажа: мол, ищите за океаном. О полученных сведениях директор сообщил в Минск, в Министерство культуры, но реакции не последовало. А разговор с Иваном Мигулиным не получился:

— Ничего я вам не скажу. Меня уже спрашивали те, кому положено. Да и кто вы такой?!

Но рассказанное Иеронимом Филиповичем уже задело за живое: исчезли такие ценности и никому до этого нет дела! Перед отъездом осмотрел здание банка-музея-обкома. С тротуара, через окно, действительно, невозможно увидеть то, что будто бы валялось, бесхозное, на полу первого этажа.

Вернувшись из командировки, обо всем рассказал в отделе культуры ЦК. Но там посоветовали: не лезьте не в свои дела. А вскоре (проверил по записям: 23 февраля) на собрании партийной организации академии с докладом выступал секретарь ЦК КПБ Станислав Пилотович. Взбудораженный услышанным в Могилеве, я послал ему записку такого содержания: не пора ли поставить перед международными организациями вопрос о возвращении нам из Америки легендарного Креста и других могилевских ценностей?! Их возвращение сработало бы на Беларусь, ее престиж… Отвечая на вопросы, Станислав Антонович в конце несколько помедлил и, подумав, сказал:

— Вот тут товарищ Мальдис предлагает искать у капиталистов следы одного нашего Креста… Впрочем, попрошу автора записки после окончания подойти ко мне.

Когда все начали расходиться, я подробнее изложил тогдашнему главному идеологу республики суть проблемы. Внимательно выслушав, Станислав Антонович одобрил мою заинтересованность, задумался, кому поручить дело. Предложил все изложить на бумаге.

А 10 апреля меня и известного археолога Георгия Штыхова позвал к себе заместитель Председателя Президиума Верховного Совета БССР

Иван Климов. В его кабинете уже сидели Иван Скворцов и Иван Мигулин. Последний выглядел взвинченным: его трость непрерывно шаркала по полу. Иван Фролович начал с вопроса ко мне: откуда известно, что ценности оказались у Моргана? Я сослался на письмо из Эрмитажа, полученное могилевским музеем. Скворцов тут же протянул бумагу. Тогда внимание сконцентрировалось на Мигулине: ведь выходило, что это он оставил Крест врагу. Директор музея начал отчаянно оправдываться: как он, вместо того чтобы оберегать ценности, погнался за тремя немецкими шпионами и оказался в глубоком тылу. Да и что тот Крест — не такое продавалось за границу в 30-е годы… И что то Евангелие — их было, разных, куда более богатых, около двадцати. Даже золотые украшения из Помпей не сумели спасти… И не у него все это было, не в музее, а в обкоме, комнате-сейфе. Там хозяйствовали перед приходом немцев одни партийцы, москвичи какие-то.

Иван Фролович мрачнел, наконец прервал Мигулина, кому-то по-дружески позвонив, пересказал историю. Тот, очевидно, товарищ по довоенным временам, сказал нечто такое, что сразу успокоило хозяина кабинета.

— Знаешь, дед, — обратился он к Мигулину, — ни одному твоему слову не верю. Я вот поговорил с одним товарищем, с которым вместе отвечал в 1941-м за эвакуацию из Могилева. Так вот, твоя вина в том, что ты не пришел ко мне и не объяснил, что Крест стоит дороже, чем какой-нибудь станок… А Морган… — с явным скепсисом добавил Климов. — Может, потом все попало и к Моргану. Попробуем на всякий случай подготовить бумаги нашему послу в США.

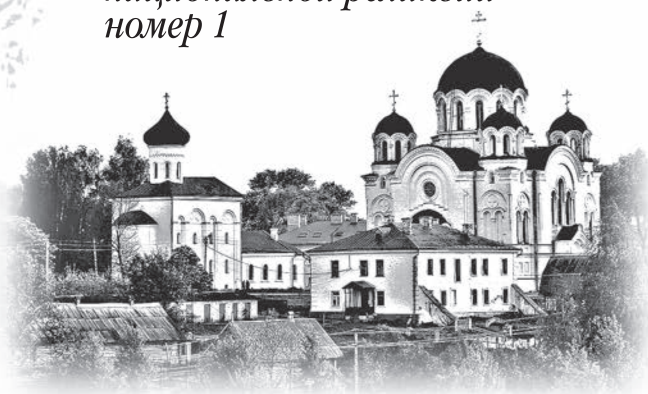
Тогда я не понимал, откуда вдруг взялся такой скепсис, потеря интереса. «Немецко-американский след» подробно и с пафосом, слепо веря в, очевидно, специально запущенный и устраивающий многих миф, я описал в газетной статье. Думаю, благодаря этой публикации потом и оказался во главе комиссии «Вяртанне».

Понимание пришло 20 с лишним лет спустя, во время очередной сессии Генеральной ассамблеи ООН, 11 октября 1990-го года. В тот день, когда были безрезультатно испытаны все другие способы, белорусские дипломаты, прихватив с собой и меня, как говорится, с открытым забралом поехали к директору нью-йоркского Фонда Пирпонта Моргана и довольно уверенно выставили имеющиеся аргументы в пользу того, что могилевские ценности находятся там, в музее, в одном из 12 подвальных отсеков…

Парадоксальность же того дня заключалась в том, что, вернувшись в Белорусское представительство при ООН, мы увидели там свежий номер газеты «Советская Белоруссия» от 28 сентября и в нем статью под названием «Тайна Креста» В. Юшкевича, тогда председателя Могилевского отделения Фонда белорусской культуры. И вдруг осознали: «восточный след» куда реальнее западного.

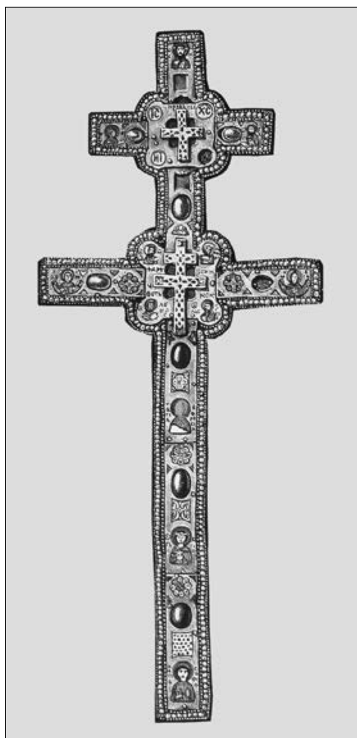
Крест Евфросинии Полоцкой

Три версии исчезновения национальной реликвии номер 1

Крест, изготовленный полоцким мастером Лазарем Богшей по заказу преподобной Евфросинии Полоцкой, — ценность как духовная, так и материальная. В его деревянное (кипарисовое) основание были заложены мощи святых, полученные преподобной во время пилигримки в Иерусалим. Для украшения Креста, при создании миниатюрных ликов святых использованы золото и серебро, драгоценные камни. Для исследователей белорусской письменности очень важны надписи на обратной стороне и по бокам реликвии (напомню, что один из текстов угрожает проклятием, страшной небесной карой тому, кто осмелится вывезти Крест из Полоцка). И наконец, мастер проделал тонкую ювелирную работу, применил филигранную технику нанесения эмали. В итоге получилось чудо, уникальный памятник искусства, чтимый не только православными, но и всеми христианами.

Отбросим мифы

Крест преподобной Евфросинии Полоцкой.

Подробно останавливаться на описании Креста, его драматической истории на протяжении столетий не буду, ибо они изложены в десятках книг и сотнях статей. Подчеркну лишь, что до Первой мировой войны почти все время он хранился в Полоцке, в Спасо-Евфросиньевском храме, построенном в XII веке. После 1920-го года церковные ценности конфисковало государство. Через специально приезжавшего в Полоцк белорусского историка и писателя Вацлава Ластовского в 1928-м году Крест передали в Белорусский государственный музей в Минске. Затем по решению сверху его отправили в Могилев — предполагаемую столицу республики, где поместили сначала в музейную экспозицию, а потом вместе с другими ценностями упрятали (поскольку набожные посетительницы поклонялись Кресту) в комнате-сейфе.

По свидетельствам очевидцев, последний день нахождения реликвии в Могилеве — 13 июля 1941-го года. 15–16 июля фашистские войска уже сомкнули кольцо вокруг города.

А дальше? Появились косвенные доказательства исчезновения и местонахождения Креста — мифические и реальные. Рассмотрим самые главные, опираясь на материалы, собранные комиссией «Вяртанне» при Белорусском фонде культуры за последние 20 лет. И оставим в стороне все менее реальные и нереальные версии, полученные из тех или иных источников.

Западный след

Долгое время я слепо верил, что Крест Евфросинии Полоцкой при посредничестве таинственного немецкого офицера действительно попал в США, в руки Моргана (некоторые авторы называли его Рокфеллером). Более того, в это верила и часть элиты заокеанской белорусской диаспоры.

В 1990-м году в Нью-Йорке в ежегоднике «Запісы» Белорусского института науки и искусства в США я нашел материалы о том же Кресте со ссылкой на мою статью в газете «Літаратура і мастацтва». Там же опубликованы и весьма любопытные акты приемки-передачи Креста, составленные и подписанные Вацлавом Ластовским. А дальше рассказывалось о том, как два белорусских эмигранта посетили фонд, библиотеку и музей Пирпонта Моргана и попросили показать им национальную реликвию, но получили от ворот поворот. «Значит — там!» — твердо решил я.

Мою убежденность еще укрепило и такое совпадение. Перед самой поездкой в США в Минске и Полоцке состоялись торжества, посвященные 500-летию со дня рождения Франциска Скорины. После посещения Спасо-Евфросиньевского храма я оказался в автобусе рядом с сотрудником Эрмитажа, доктором исторических наук Борисом Сапуновым. Грех было не использовать такой случай, который был как знамение свыше, и я задал нашему гостю вопрос: «Из чего, собственно, исходили сотрудники Эрмитажа, когда в ответе могилевскому музею утверждали, что Крест осел в коллекции Моргана?» Помедлив, Борис Викторович неохотно признался, что это он готовил письмо могилевчанам, основываясь на статью другого сотрудника Эрмитажа, Бебута Александровича Шелковникова, который, находясь в Нью-Йорке, настойчиво пытался прорваться в запасники моргановского музея, но какие-то молодые люди его предупредили, мол, не вертись тут, а то можешь не вернуться домой… Мол, в статье Шелковникова о древних эмалях, опубликованной в одном специальном американском журнале в 70-х годах прошлого столетия, кое-что об этом говорилось… Но возвратить святыню, сказал ленинградский гость, явно стараясь погасить мою заинтересованность, белорусам вряд ли удастся: ведь Крест был куплен на аукционе в Западной Европе (каком? когда?) более 25 лет назад, поэтому все права утеряны.

В Моргановском фонде

Печальный опыт Бебута Шелковникова заставил меня в том памятном 1990-м году действовать несколько иначе. Узнав, что в Моргановском фонде в отделе славянских рукописей и редких книг работает Евгения Зазовская, ученица моего польского друга-профессора Здислава Недели, отыскал ее и попросил стать моим экскурсоводом. Среди показанных ею рукописей и книг оказались букварь Кариона Истомина, ученика Симеона Полоцкого, роскошный альбом «Беловежская пуща», другие раритеты.

Но меня тянуло в музей. Там оказались Библия Гуттенберга, немало крестов и реликвий (чешских, немецких) времен Евфросинии Полоц-

Спасо-Евфросиньевский храм в Полоцке. XII век.

кой, приобретенных Пирпонтом Морганом (1837—1913) во время учебы в Европе. Значит, в принципе, наша реликвия могла заинтересовать наследников американского миллионера, особенно увлекавшегося стеклянными изделиями эпохи Средневековья. Но поиски ее в экспозиции оказались тщетными. А может, она — в запасниках? Не теряя надежды, спросил об этом у доктора Зазовской.

— Под полом здания имеются огромные хранилища. Они поделены на 12 отсеков. У каждого — свой отдельный хранитель. Он знает только то, что находится в его отсеке. А общей картиной не владеет никто. Может, только председатель совета директоров или директор библиотеки... Должна обратить ваше внимание на то, что теперь все эти собрания принадлежат не Морганам: еще в 1924-м году они приобрели статус общественного фонда. Совет директоров продолжает покупать экспонаты на аукционах, приобретает целые коллекции. Но все — гласно.

В тот день, 3 октября, и родилась идея: нашим дипломатам открыто пойти с письмом-обращением в Моргановский фонд (копию отправили по почте). 11 октября нас любезно принял директор библиотеки, который сам давал пояснения во время интереснейшей экскурсии. По-

том состоялось неожиданное для него вручение послания, которое мы сопровождали такими вот пафосными словами:

— Вы не представляете, как у нас почитают преподобную Евфросинию Полоцкую! В случае возвращения ее реликвии, пусть за выкуп, представителя фонда в аэропорту будут встречать на коленях тысячи верующих…

Я имел возможность наблюдать со стороны за человеком, в чьих руках концентрировались огромные богатства. И заметил, что вдруг эти руки задрожали. Но директор тут же овладел собой и сухо обещал, что ответ мы получим через две-три недели.

Примерно через два месяца (и это показалось подозрительным), когда меня уже не было в Нью-Йорке, представительство Беларуси при ООН получило письмо из Фонда Пирпонта Моргана, где сообщалось, что в собраниях этого магната и мецената Креста нет, а за коллекции других Морганов совет директоров не ручается.

Однако окончательно в мифичности «западного следа» меня убедило не это реагирование, а статья Б. Шелковникова, послужившая главным аргументом в ответах Эрмитажа могилевчанам. Долго искал я ее в нью-йоркской Публичной библиотеке. Наконец с трудом нашел, ибо была она напечатана в журнале The Journal of Glass Studies не в 70-х годах, как меня настойчиво убеждали, а в 1966-м. Никаких доказательств того, что Крест достался фашистским оккупантам, а через них — американцам, там не оказалось.

И все же, насколько мне известно, на всякий случай белорусы сделали соответствующую заявку в Интерпол. Но в ней не хватало главного — аргументированных доказательств.

Постепенно «западный след» в общественном мнении стал уступать место более реальному и зримому «восточному». Появился он благодаря публикациям в «Весніку Магілёва» и «Советской Белоруссии» двоих могилевчан: председателя областного отделения Белорусского фонда культуры Виктора Юшкевича и сотрудника пресс-группы управления КГБ Республики Беларусь по Могилевской области Сергея Богдановича.

Опустим в названных статьях то, что уже говорилось на страницах «Советской Белоруссии» и других изданий, и акцентируем внимание на, казалось бы, второстепенных местах и положениях, которые, однако, могут способствовать успешному завершению поисков.

Восточный след

Оказывается, после статьи в «СБ» от 28 сентября 1990-го года, прочитанной нами в Нью-Йорке как раз в день визита в Моргановский фонд, В. Юшкевич получил несколько откликов. Среди них и письмо

жителя Могилева Ковалева, сообщившего, что он знал человека, который в 1941-м году эвакуировал имущество из комнаты-сейфа обкома партии. «Картины, иконы, золото, серебро отвезли в Москву и сдали в банк. Когда их там принимали по описи (!), неожиданно появился Берия. Он внимательно рассматривал предметы и восхищенно цокал языком. Более двух тысяч предметов привезли».

Один из шоферов, вывозивших ценности в Москву, откликнулся на статью Сергея Богдановича в «Весніку Магілёва». Это был Петр Харитонович Поддубский, к сожалению, недавно умерший. С. Богданович участвовал в Международной научной конференции под эгидой ЮНЕСКО «Реституция культурных ценностей. Проблемы возвращения и совместного использования: Юридические, научные и моральные аспекты» (Минск, июнь 1997 г.). Текст его обширного доклада «Предварительные итоги поиска Креста Евфросинии Полоцкой» публиковался в сборнике «Вяртанне 4» (1997), куда и отсылаю читателей. Здесь же позволю себе ради убедительности привести только две цитаты из текста: «Война застала красноармейца Поддубского в Могилеве, где он служил шофером. В самый горячий момент боев за город его вызвал комендант Воеводин и приказал вывезти некий ценный груз. Какой — не сказал. 13 июля он подогнал к зданию обкома машину. Люди в гражданском начали загружать в кузов упаковки и мешки. Петру Харитоновичу, стоявшему недалеко от машины, хорошо запомнилась фраза одного из них: «Какой крест красивый!»

И далее: «К машине Поддубского присоединились две полуторки с банковскими ценностями. А в кабину к нему сел Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, первый секретарь ЦК КП(б)Б, после чего колонна двинулась в путь. Маршрут до Москвы был очень сложным: часто бомбили вражеские самолеты. Но груз через два дня доставили в российскую столицу в управление Красной Армии, здание которого размещалось на Ленинских горах. То, что именно в это время они выезжали из города, подтвердили потом в своих воспоминаниях Пономаренко и Воеводин».

Вот почему, как это установил историк-архивист Виталий Скалабан, Пантелеймон Пономаренко и в 1943-м, и в 1944-м году (но не позже!) говорил о Кресте как о чем-то реально существующем, находящемся, так сказать, в обозримом пространстве — в Москве.

Что еще вывезли?

В статьях В. Юшкевича в газете «Веснік Магілёва» пристального внимания заслуживают еще некоторые моменты. Оказывается, автор несколько раз встречался с довоенным и послевоенным директором моги-

Памятник Святой Евфросинии Полоцкой в городе Полоцке.

левского музея Иваном Мигулиным и выяснил: тот хорошо знал (имел довоенные описания?!), что конкретно находилось в комнате-сейфе, расположенной в здании обкома партии (а до этого — банка, областного музея). В противном случае Мигулин не смог бы 22 декабря 1944-го года по памяти (?!) составить «Список разграбленных немецкими оккупантами культурно-исторических ценностей, хранившихся в Могилевском государственном историческом музее до Великой Отечественной войны 1941—1944 гг.» и «Акт о стоимости потерь».

Поскольку внимание исследователей и журналистов преимущественно сосредоточивалось на списке тех же ценностей, но составленном И. Мигулиным для минских властей гораздо позже, 17 сентября 1947-го года, предлагаю впредь ориентироваться прежде всего на документ 1944-го года как куда более полный (он включает 89 позиций вместо 24). Копия этого документа имеется в комиссии «Вяртанне» Белорусского фонда культуры.

В обоих списках «крест Евфросинии Полоцкой, деревянный, обложенный золотыми и серебряными пластинами, украшенный драгоценными камнями и перегородчатой эмалью», фигурирует под номером 3, а в оценочном акте — уже под номером 10 (названа цена 6 миллионов рублей. Для сравнения: столько же стоит согласно акту «Екатерина святая» Боровиковского). Под номерами 1 и 2 указаны соответственно «золотой и серебряный ключи города Могилева» и «серебряные печати города Могилева, данные ему с Магдебургским правом».

До номера 16 все в обоих списках более или менее совпадает (ох, и лукавил же товарищ Мигулин, когда в 1947-м году утверждал, что опять пишет по памяти). Но дальше идет весьма существенный разнобой. Это еще ничего, что в списке 1944-го года Слуцкое Евангелие фигурирует отдельно под номером 21, а в списке 1947-го года оно объединено с двадцатью другими Евангелиями в окладах «работы белорусских мастеров XVII—XVIII веков». Куда более важно, что в списке 1947-го года почему-то уже нет иконы Белыничской Богоматери XV века, украшенной драгоценными камнями, Спасской Богоматери в окладе 1670-го года, множества других икон «в золотых и серебряных с позолотой окладах, украшенных брильянтами». Нет золотых и серебряных дарохранительниц, дискосов, потиров, кадильниц, «крестов золотых, украшенных брильянтами», «колец с драгоценными камнями», «оружия, отделанного серебром и позолотой, работы русских и зарубежных мастеров XVII—XVIII столетий», кольчуги из Аналинского кургана Быховского уезда, тронного кресла Екатерины II и саней Наполеона, четырех картин Ватто и пяти Боровиковского. Под номерами 76—89 идут большие коллекции «белорусской одежды», работ по дереву, фарфоровых изделий, минералов, «рукописных и старопечатных книг и грамот», палеонтологическое, минералогическое, энтомологическое и орнитологиче-

ское собрания, наконец, «коллекция икон письма XII—XVIII вв. работы белорусских мастеров», состоящая из 150 (!) единиц хранения. Одним словом, богатства несметные.

И ничто из этого, за исключением Слуцкого Евангелия, как говорится, не «засветилось» за все послевоенное время. Значит, находится, потаенно хранится в одном и том же месте! Где? Особенно меня тревожит это «восхищенное цоканье языком» Берии (такое вряд ли придумаешь).

После Москвы на втором месте — Эрмитаж. У меня создалось впечатление, что ссылки на умершего профессора Шелковникова делались, скорее всего, для того, чтобы отвести подозрения. Характерно, что как только белорусы активизируют поиски Креста (а надо бы одновременно всего могилевского собрания), опять всплывает «западный след». То утверждается, что ценности могли уплыть за океан как плата за поставки по ленд-лизу. Но С. Богданович убедительно доказал, что как таковой оплаты не было. То в российской печати распространяется версия, будто бы Крест и все прочее попало в руки фашистов, команды Розенберга в Смоленске (мол, не довезли ценности до Москвы, спрятали по дороге). Но ведь со слов Поддубского известно, что колонна объехала Смоленск с правой стороны, в Москву прибыла, в противном случае П. Пономаренко не говорил бы о Кресте как о реально существующем предмете. Да и судя по бумагам Розенберга (а немцы отличаются педантизмом) — никаких следов нет. Книги (300 ящиков!), вывезенные в 1943-м году из Могилевской библиотеки в Белосток, зафиксированы (это, очевидно, и породило слухи о «немецком следе»), а ценности из комнаты-сейфа — нет.

Различия между списками 1944 и 1947-х годов наводят на мысль: хозяин вывезенных могилевских ценностей поменялся как раз между этими датами, о чем мог знать и Пономаренко, и те, кто допрашивал Мигулина и вынес ему весьма мягкий, неадекватный вердикт. Виталий Скалабан, позвонивший мне после публикации первой статьи под рубрикой «Сокровища», считает, что теми же обстоятельствами объясняется и странная задержка с открытием после войны могилевского и минского исторических музеев. Кто-то боялся разоблачений по свежим следам?

Таким образом, и сегодня остаются актуальными слова Сергея Богдановича, сказанные им на Международной научной конференции 1997-го года: «Необходимость поиска ценностей из могилевского собрания на территории России очевидна».

Полоцкий след

Что же касается отдельно взятого Креста Евфросинии Полоцкой, то в Могилеве вполне мог находиться не оригинал, а… копия. На эту

мысль наводит описание реликвии, сделанное Вацлавом Ластовским и опубликованное в «Запісах». Как опытный историк, собиратель музейных экспонатов он должен был знать, что Крест (его основа) сделан из кипариса. В акте же приемки-передачи в качестве материала фигурирует дубовое дерево. Кроме того, ученый фиксирует факт замены некоторых драгоценных камней стекляшками. Тем самым не давал ли понять Ластовский сведущим потомкам, что в его руках оказался не оригинал, а подделка, что реликвия (с его молчаливого одобрения) осталась там, где ее изготовили? Ведь полоцкое духовенство, монахи ощущали угрозу экспроприации и могли изготовить копию, благо, как видно из эмигрантской печати, одна уже имелась в храме на территории Латвии... Конечно, не исключена замена драгоценных камней стекляшками, но подделка всего изделия была по силам только мастеру. Имелся ли таковой в первые годы советской власти в Полоцке? Ответить на этот вопрос способны лишь архивисты. Как и выяснить, кто, когда и кому отдавал Крест из храма.

Кстати, скептики утверждают: и теперь в Полоцке, в Спасо-Евфросиньевском храме хранится лишь копия Креста, а значит, «подделка»... Здесь я должен решительно возразить: не копия, а «крест, созданный наподобие» Креста Евфросинии Полоцкой. Помнится, к этой формулировке в свое время пришли мы после долгих споров на общественной комиссии, и предложил такое определение Владыка Филарет. Ведь то, что создано в Бресте в результате многолетних трудов и поисков мастером с Божьей милости Николаем Кузьмичом, воспроизведшем древнюю технику нанесения эмалей, имеет самостоятельную художественную ценность. Духовную же, чудодейственную силу новой реликвии придают святые мощи, привезенные Владыкой из Иерусалима.

Сказанное отнюдь не означает, что мы имеем моральное право прекратить поиски оригинала национальной реликвии номер 1. Остается надежда на случай, как это произошло со Слуцким Евангелием, а также на добрую волю власть имущих лиц в сопредельной стране.

Хочется закончить оптимистически. В свое время болгарская белорусистка Венета Георгиева-Козарова спросила знаменитую пророчицу Вангу, где находится Крест Евфросинии Полоцкой. «А чего белорусы волнуются? — ответила та. — Крест скоро найдется».

Трофеи военные и мирные

Тайны закрытых фондов

После публикации статьи «Крест Евфросинии Полоцкой» («СБ» за 4 апреля 2008 г.) несколько знакомых коллекционеров и научных сотрудников спросили у меня, почему такой, а не иной зачин публикаций под рубрикой «Сокровища» и планируются ли статьи о ценностях, вывезенных в Германию и Польшу. Я ответил, что, конечно же, планирую. А также о ценностях, вывезенных в Украину, Литву, страны Западной Европы, США.

Что же касается начала серии, то оно определилось естественным путем, под влиянием презентации в Национальной библиотеке Беларуси Слуцкого Евангелия — первой нашей значительной реликвии, возвращенной, прямо скажем, из небытия. Евангелие, как и Крест Евфросинии Полоцкой, другие ценные экспонаты, хранившиеся в Могилевском историческом музее, явились самой крупной нашей духовно-культурной потерей, связанной с событиями Второй мировой войны. С ними могут быть сопоставимы, и то довольно условно, потери гомельского, барановичского и минских музеев.

Продолжим рассказ о том, что оказалось (или могло оказаться) на территории России в результате, прямом или косвенном, военных действий.

Два вагона из Пинска

Начну с малоизвестного факта, свидетельствующего: далеко не все стоит списывать на войну, злые намерения иных стран либо сталинского режима. Многое остается и на нашей совести.

До начала Второй мировой войны в Пинске работала католическая семинария. Благодаря стараниям ее ректора, епископа Минского, а потом Пинского, ныне канонизированного Зигмунта Лозинского, в библиотеке и архиве семинарии накопилось немало ценностей. Впрочем, приведу слова секретаря Пинского обкома КП(б)Б Авксентия Минченко, чье письмо нашел в брестском архиве и в свое время прислал в комиссию «Вяртанне» доцент (ныне заведующий кафедрой) Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина Александр Вабищевич. Докладная записка секретаря обкома, посланная в ЦК КП(б)Б на имя Пантелеймона Пономаренко, начинается следующими строками (особенности оригиналов здесь и далее сохраняются):

«В г. Пинске при бывшей католической духовной семинарии осталась библиотека примерно в количестве 40 тысяч томов, состоящих главным образом из богословской, научно-исторической, художественной и др(угой). литературы. Литература была на различных языках — латинском, греческом, французском, польском, русском, языках народов Востока и т.д. Среди книг этой библиотеки имелись ценнейшие издания XV, XVI, XVII и XVIII вв., например: Вольтер — полное собрание сочинений до 1 тысячи томов издания 1792 года. Имелся также и рукописный фонд. Библиотека представляет большую научную ценность.

Помещение бывшей духовной семинарии было занято под военный госпиталь. Руководство госпиталя весь фонд литературы свалило в беспорядочном состоянии в одну комнату и неоднократно настаивало освободить помещение.

В мае (1940 года. — А. М.) секретарь Обкома по пропаганде тов. Улазов обращался в Академию наук БССР к тов. Горину и просил оказать помощь в разборе и определении использования этой библиотеки. Однако со стороны Академии наук не были приняты соответствующие меры».

Оказывается, приехавший в Пинск сотрудник Академии наук не проявил к библиотеке никакого интереса. Ибо не знал языков, на которых написаны книги. После этого визита было направлено письмо на имя секретаря ЦК КП(б)Б Малина с просьбой воздействовать на академию, чтобы та прислала настоящих специалистов. 5 августа адресат ответил: «Академии наук БССР разрешается принять и вывезти в г. Минск библиотеку и архив бывш(ей) духовной семинарии». Но специалистов так и не дождались. Тогда заведующий областного отдела народного образования Старикович обратился в Москву, в Центральный антирелигиозный музей. Там отреагировали мгновенно. 7 сентября газета «Известия» уже сообщила: из Пинска в адрес музея отправлены два вагона древних книг и рукописей (около 7 тысяч томов осталось в Пинском музее, городских библиотеке и парткабинете).

Но эпоха воинствующего атеизма прошла, и музей оказался ненужным. Пинские раритеты передали московской Исторической библиотеке. Как сообщили из первопрестольной белорусисты, там тесно, негде нормально разместить нежданный подарок, сделать его доступным читателю. В связи с этим напрашивается простое решение: поскольку в Пинске возродилась духовная семинария и она испытывает трудности с литературой, вернуть библиотеку и архив их прежнему, законному владельцу.

Неудивительно, что случившееся в Пинске вызвало негодование председателя Президиума Верховного Совета БССР Никифора Наталевича. 5 ноября 1940-го года он обратился ко «Всем председателям областных и районных исполнительных комитетов, городских Советов, директорам музеев». Начинается документ с тревожных слов: «В последнее время наблюдаются случаи вывоза различными научными учреждениями и даже отдельными частными лицами важнейших культурно-исторических ценностей, хранящихся в архивах БССР, музеях, быв(ших) дворцах, имениях и т.п., производимого без ведома и разрешения правительства БССР. Так была вывезена в начале сентября с.г. весьма ценная в историческом отношении библиотека бывшей Пинской католической семинарии в количестве 30 000 томов. Таким же образом было передано хранившееся до сих пор в Слонимском районном музее подлинное письмо Пушкина. Некоторые музеи командируют в БССР своих научных работников исключительно с целью вывоза предметов древности, культуры и искусства». Далее приводились другие вопиющие факты.

А где еще 146 поясов?

Перечитывал я процитированное обращение с горестной мыслью: ну почему ему не появиться хотя бы на полгода раньше?! Тогда бы, может, не попали в Москву раритеты из Несвижского замка, в том числе мебель, охотничьи трофеи, знаменитые слуцкие пояса. Создавали их в мануфактуре («персиарне») Радзивиллов белорусские крепостные крестьяне (порой количество ткачей доходило до 60) под руководством обелорусевшего армянина Яна Маджарского и его сына Леона. Пояса украшались растительным орнаментом (вспомним слова М. Богдановича «Цвяток радзімы васілька»). Почти на каждом из них, в отличие от подделок, виднелись знаки качества, «брэнды» на латинском и польском языках: «Сделано в Слуцке», «Меня создал Слуцк», «В Слуцке», «Слуцк». Золотые и серебряные нити, которыми переплетался каждый шелковый пояс, весили до 800 граммов. Поэтому стоил он до 50 дукатов (150 рублей золотом). Носить слуцкие пояса могли только магнаты и богатая шляхта. Естественно, что их много имелось у «некоронованных королей» Радзивиллов, и все остались в Несвиже после вынужденного отъезда хозяев. Вскоре (накануне нападения гитлеровцев на нашу страну) пояса без разрешения белорусских властей перекочевали в запасники Государственного исторического музея (ГИМ) на Красной площади в Москве.

В свое время российскими чиновниками упорно распространялись слухи, что, мол, около 150 слуцких поясов, находившихся в России, еще в конце XIX века закуплены братом основателя Третьяковской галереи у некоего лица. Но тут сразу возникают вопросы: зачем закупать столько предметов декоративно-прикладного искусства для картинной галереи?! И как они перекочевали потом в ГИМ? Ведь на выставку в Минске 2005-го года слуцкие пояса привозились именно из ГИМа. Правда, только четыре, в печати тогда утверждалось: больше в запасниках просто нет… Четыре из ста пятидесяти или даже из трехсот!

Как установлено членом комиссии «Вяртанне» кандидатом искусствоведения Майей Яницкой, всего в ГИМе теперь должно находиться около 300 изделий слуцкой «персиарни» («Вяртанне». Мінск, 1992. С. 64). И львиная доля (показать описи или иные документы членам комиссии в музее решительно отказались) попала в Москву путем того полулегального вывоза, которым возмущался Н. Наталевич. Ну ладно: цифра 300 может быть спорная. Но ведь остаются 150, признанные российской стороной. Правда, директор Национального музея истории и культуры Беларуси Сергей Вечер называет другие цифры: 20 — в экспозиции и 40 — в запасниках («Літаратура і мастацтва», 4 красавіка 2008 г.).

Да будут справедливо поделены пополам хоть эти 40, которые находятся в запасниках ГИМа! Ибо таких изделий в Беларуси — раз, два и обчелся. Их нет (не фрагментов, а целых, полноценных) даже в самом Слуцке.

Слуцкий пояс.
Конец XVIII века.
Мануфактура.
Хранится в музее
Московского Кремля.

Конечно, ГИМ может здесь настаивать на обмене ценностями. Мне кажется, стоит пойти на это. Ведь у нас есть что предложить. Это и иконы, задержанные нашими таможенниками на западных границах (брестский музей чужих «спасенных ценностей» я не воспринимаю всерьез), и полотна классиков русской живописи, хранящиеся в Национальном художественном музее Беларуси, и, наконец, Тургеневская библиотека, вывезенная гитлеровцами из Парижа и случайно попавшая в Минск. Реституция, обмен ценностями — не обязательно игра в одни ворота.

По саратовскому и волгоградскому следам

Под законы о реституции подпадают также (в случае обнаружения) те ценности, которые в связи с началом военных действий были эвакуированы из Витебска и Минска в Саратов. Предполагается, что туда попали картины Сальваторе Роза, Шагала, Юдовина, Минина, Пэна и

других белорусских, русских и западноевропейских художников. Узнав об этом, в Саратов отправилась наша неутомимая искательница Майя Яницкая. Там, в картинной галерее, она высказала пожелание ознакомиться в научных целях с запасниками. Но ей ответили: «Вы можете смотреть только то, что находится в экспозиции!»

Ну кто, скажите, будет размещать в выставочных залах спорные произведения?!

Тем не менее Майя Михайловна вернулась из Саратова не с пустыми руками. Она нашла приемную дочь наркома труда в первом правительстве БССР, экономиста и писателя Язэпа Дылы и получила от нее для музея «Белорусы в мире» Национального научно-просветительского центра имени Ф. Скорины уникальную карту Беларуси и другие ценные экспонаты. Правда, где они теперь, остается только догадываться.

Потир (чаша, употребляемая в христианском культовом обряде), XVI век. Серебро, чеканка, гравировка. Хранится в Государственном историческом музее. Москва.

А вот «волгоградский след» уже, к сожалению, не может быть обнадеживающим. Летом 1941-го года туда эвакуировали ценности из Гомельского областного краеведческого музея. Надежда на их возвращение жила еще в 1989-м году. На запрос комиссии «Вяртанне» директор музея И. Козлов тогда ответил, что в Гомеле так и не дождались реэвакуации из города на Волге многочисленных экспонатов. В приложенном списке значатся изделия из серебра, иконы, персидские скатерти, картины «Убиение Стефана», «Пастух в горах» и — ни много ни мало — «мраморная скульптура Леонардо да Винчи».

Узнав, что около Волгограда, в музее «Старая Сарепта», работает наш соотечественник и к тому же руководитель Белорусского культурного центра «Спадчына» Виктор Медведев, я послал ему названный выше список с просьбой посодействовать поискам. Вскоре пришел прискорбный ответ: в разгар наступления немцев на Сталинград гомельские и иные ценности погрузили на корабль, чтобы переправить на левый берег Волги. Однако на середине реки в судно попала немецкая бомба, и оно пошло ко дну.

А может, еще не все потеряно? Ведь мрамор не ржавеет. И если место известно более или менее точно, то белорусские водолазы с помощью волгоградских коллег могли бы спасти хотя бы часть гомельских экспонатов.

Отдано на временное хранение...

До сих пор речь шла о тех экспонатах, которые оказались вывезены в Россию накануне и в начале Второй мировой войны. Но ведь была еще и Первая мировая. Она также нанесла значительный урон, особенно церквам, собраниям в старинных усадьбах, эти потери также следует считать военными. Напомним: царские власти дали тогда команду ничего не оставлять врагу. На восток двинулись вагоны с экспонатами частных музеев, подводы с крестьянскими пожитками, тысячи и тысячи беженцев.

На первое место среди потерь 1914—1918-х годов, естественно, надо поставить чудотворную икону Пресвятой Богородицы Коложской, датированную концом XVII — началом XVIII века. По описанию, сделанному гродненским историком Евстафием Орловским, она писана на медной доске, облачена в серебряную позолоченную ризу, украшена драгоценными камнями — гранатами, сердоликами, агатами. Икону эвакуировали из Гродно в Москву, скорее всего, в 1915-м году, вместе с Борисоглебским монастырем. Откуда она так и не вернулась. Исследователь истории из Гродно Юзеф Иодковский утверждал: в 1936-м году икона находилась в Румянцевском музее.

Первым о «восточном следе» иконы заговорил на страницах газеты «Голас Радзімы» наш соотечественник из Москвы, строитель и искусствовед, лауреат Государственной премии Латвийской ССР Роальд Романов. Его призыв начать поиски услышали в Гродно. Когда в Гродно в 2004-м году гостила делегация префектуры Северо-Западного округа Москвы, депутаты Гродненского горсовета обратились к префекту Виктору Козлову с просьбой посодействовать поискам, показали ему Коложскую церковь. Но результатов пока нет.

Что же касается частных собраний, они вывозились на временное хранение в Москву в нанятых и оплаченных вагонах. Их отправили Гуттен-Чапские из Станькова, Немцевичи из Скоков, Браницкие из Роси, Пусловские из Альбертина, Славинские из Ровяничей (на Новогрудчине), Цехановецкие из Бочейкова и другие землевладельцы. Некоторые собрания (Немцевичей, Гуттен-Чапских) подробно описаны в сборниках «Вяртанне», на страницах «Голаса Радзімы». Поэтому особо на них останавливаться не буду. Расскажу лишь о том, что было неизвестно нам и хранилось в Альбертине под Слонимом. Сведения почерпнуты из статьи «Альбертин» Романа Милевского, напечатанной в газете Dziennik Polski, издающейся в Лондоне и присланной мне недавно нашим соотечественником из Англии Михаилом Шведюком.

По словам Милевского «коллекция картин из Альбертина могла бы с успехом стать достопримечательностью не одной европейской галереи. Были здесь (по описаниям) этюд "Головушка" Леонардо да

Фрагменты Слуцких поясов.
1770-е и 1780-е гг.
Шелк, золотая нить. Слуцкая фабрика Леона Маджарского.
Находятся в Государственном историческом музее. Москва.

Винчи, эскиз “Кентавр” Рубенса, две картины Питера Брейгеля (…), “В корчме” Дэвида Тэньерса, а также несколько венецианских портретов. Из польских произведений следует назвать две работы кисти Шимона Чеховича, картину Юльюша Коссака “Привал кавалерии в деревне”, несколько портретов Франтишка Жмурки. Сюда добавим коллекцию семейных портретов, портреты польских королей, гетманов…». Кроме того, в Альбертине хранились ценная «гданьская» мебель, богатейшая коллекция фарфора. В библиотеке имелись издания XVII—XVIII веков, в архиве — пергамины XV века. И все это, как завершает Милевский, «было вывезено в Москву, чтобы спасти от немцев».

Сказанное выше приобретает особый смысл, когда вспоминаю слова графа Ксаверия Пусловского, сказанные при встрече в Лондоне в 1989-м году, а потом повторенные в письмах: в случае, если бы нашлось утерянное, он, как законный наследник Альбертина, отдал бы половину экспонатов, «а то и все» белорусским музеям.

То же самое говорил мне в Лондоне и Несвиже почетный профессор БГУ меценат Анджей Цехановецкий, наследник «по кудели» князей Мстиславских и Заславских, почетный гражданин Заславля. Его отец владел в Бочейкове (ныне Бешенковичского района) богатой усадьбой, откуда в 1916-м году в Москву и в имение Лугань, что около Орла, отправили два вагона имущества. Старанием мецената, передавшего в том же 1999-м году слуцкий пояс Музею древнебелорусской культуры НАН Беларуси (об этом пойдет речь позже), девять портретов Цехановецких и Голынских были выявлены в Орловском художественном музее. Но дальше переписки дело не продвинулось: для того чтобы наследник передал семейные реликвии в Беларусь, не хватало соответствующих межгосударственных соглашений.

А до этого были восстания…

К итогам военных действий следовало бы также отнести конфискации, которым подверглись частные собрания участников антицарских восстаний 1830—1831 и 1863—1864-х годов. В Петербург и Москву вывозились картины, книги, архивные документы.

Для примера сошлюсь на огромные потери, понесенные Сапегами. Их коллекции в Ружанах и Деречине считались по размерам и ценности вторыми на белорусских землях (после Радзивиллов). Член комиссии «Вяртанне» Майя Яницкая нашла список сокровищ, отправленных из Гродно в Петербург. Из 70 страниц документа 22 занимают описания 287 (!) произведений западноевропейского изобразительного искусства. Из них 185 переданы в Эрмитаж (отдельно выделены три наиболее значительных: «Мадонна» Ф. Франчио, «Герчина» Г. Ф. Барьери,

«Чародей и чародейка» П. В. дель Векио). Туда же попали 22 мраморные скульптуры (среди них «Орфей» работы Кановы). 55 картин поступили в Императорскую академию художеств, остальные оказались в Гатчинском дворце. Кроме того, из Деречина вывезли несколько десятков французских гобеленов, 48 мозаичных картин, 5 этрусских ваз, коллекции художественного стекла, мебели, графических произведений, архив древних документов, переплетенных в 287 «кодексов». Частично «сапегинские собрания» в 1920—1930-е годы были переданы в Польшу, но что конкретно — пока нам неизвестно.

Второй красноречивый пример — логойские коллекции братьев Тышкевичей, передавших их для Виленского музея древностей. Коллекции оказались фактически конфискованы после подавления восстания 1863—1864 годов и перевезены в Москву.

Наконец, еще один существенный факт. В 1920-м году, во время советско-польской войны, из Минского собора Святого Духа в Москву вывезли икону XV века, образно названную «Голубое Успение». Теперь, по печатным сведениям, она находится в Третьяковской галерее. Поскольку разрешения на ее вывоз никто у духовенства не спрашивал, этот памятник духовной культуры следовало бы, по-моему мнению, вернуть Белорусской православной церкви.

Тайны закрытых фондов

Все найденные в белорусской земле сокровища — из золота, серебра, драгоценных камней — до решения Совета Министров Беларуси от 18 февраля 1991-го года направлялись в Государственное хранилище ценностей (Гохран) Министерства финансов СССР. У комиссии «Вяртанне» есть материалы, свидетельствующие, что Верховным Советом Беларуси XII созыва в Москву был послан запрос, ответ на который поступил 9 апреля 1991-го года. В нем подробно освещалось содержимое двух «скарбов»: Белыничского, состоящего из 225 золотых монет европейских стран XVI — XVII веков (1977), и Глубокского — 630 золотых царских монет середины XV века (1987). Кроме того, облисполкомы и Минский горисполком за период с 1964-го по 1991-й год отправили в Москву 2088 золотых монет и изделий.

Суммарный вес и стоимость переданных согласно законам того времени сокровищ выглядят весьма внушительно. Я понимаю, в 1991-м году наша страна еще не была настолько сильна, чтобы настоять на принятии закона о пропорциональном разделе сокровищ, находящихся в Гохране. Но моральное, логическое право за нами осталось! Ведь когда распадается семья, ее имущество делится пропорционально личному вкладу. Почему же в данном случае должно происходить иначе?

Штоф.
Произведение мануфактуры Радзивиллов в Уречье (теперь Любанский р-н) XVIII века. Находился в Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде. В 1950 г. передан в Государственный Эрмитаж.

Совместная собственность

Есть случаи, когда физическое возвращение ценностей становится нереальным, ибо собственник подарил их, завещал, продал. В таком случае на смену слову «вяртанне», отпугивающему многих, приходят иные термины и понятия: выявление, совместное использование путем копирования, издание, организация выставок, предоставление в краткосрочный или долгосрочный депозит. Красноречивый пример такого подхода — гомельские коллекции Николая Румянцева, легшие в основу нынешней Государственной библиотеки Российской Федерации (бывшей «Ленинки»). Они подробно описаны в книге московского белорусиста профессора Юрия Лабынцева «Книжное наследие Н. П. Румянцева». Белорусских фондов много и в других библиотеках и архивах. Некоторые из них описаны по просьбе комиссии «Вяртанне» заведующим отделом редкой книги Национальной библиотеки Российской Федерации в Санкт-Петербурге, уроженцем Гродненщины Николаем Николаевым.

Есть белорусские коллекции и отдельные предметы и в музейных собраниях. Постоянный корреспондент комиссии, заместитель директора по научной работе Калужского областного художественного музея, член Союза художников России Василий Пуцко вместе с искусствоведом Галиной Сафоновой обнаружил в своем музее четыре слуцких антиминса (оттиски на полотне оригинальных произведений станковой графики, вырезанных на дереве), датируемых XVII веком. Там же оказалось несколько предметов серебряной церковной утвари (крест-мощевик, циборий, потир, дискос), сделанных в том же столетии московскими мастерами, вышедшими из белорусских земель, о чем свидетельствуют особенности художественной традиции и надпи-

си. В свое время эти предметы были подарены в Пафнутьев-Боровский монастырь как память «по родителем своим», а после его ликвидации попали в Калугу.

Или возьмем икону XII века с изображением лика Одигитрии Полоцкой (Эфесской). В свое время она принадлежала Евфросинии Полоцкой. Во время Ливонской войны, отступая из Полоцка, Иван Грозный захватил вместе с Крестом, о котором уже шла речь, и чудотворную икону. Но Крест, убоявшись проклятия, выписанного на нем, вернул, а икону оставил. Теперь по одним сведениям она находится в Русском музее в Санкт-Петербурге, по другим — в Торопце. Белорусские права на эту реликвию очевидны. Если же она по каким-то формальным причинам останется в России, то экскурсоводам следует в своих пояснениях подчеркивать: этот духовный памятник принадлежит двум странам и народам.

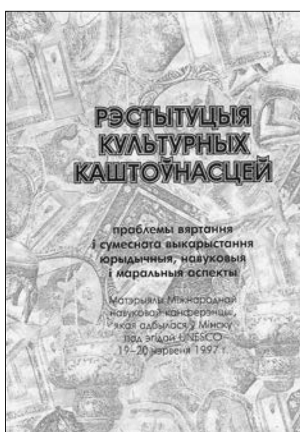
Белорусские культурные ценности разбросаны по всем огромным российским просторам — от Смоленска (там в картинной галерее собрания Сапегов, датируемые XVI—XVIII вв.) через Москву (в 1813-м году генерал Чичагов передал в Успенский собор по заранее составленному реестру церковные ценности, реквизированные в Несвижском замке) до Омска, где в музее изобразительного искусства хранится полотно белорусского художника С. Жуковского «Вечер после дождя». Его произведения, а также работы Бялыницкого-Бирули, Хруцкого встречаются во многих российских музеях. И попали они туда самыми разными путями. Настаивать на возвращении всех их неразумно, да и нереально. Так пусть же служат они доказательствами взаимодействия наших культур, нашего присутствия в России и в мире. Только это присутствие надо не скрывать, а подчеркивать, дабы оно содействовало культурному имиджу Беларуси.

А что же возвращено?

За последние два десятилетия по линии министерств культуры и стараниями комиссии «Вяртанне» Белорусского фонда культуры из России возвращено немало материальных и духовных ценностей. В газете «Вечерний Минск» за 3 февраля 1989-го года читаю: «Сотрудники Государственного исторического музея в Москве передали своим коллегам из Государственного музея БССР около десяти икон и живописных портретов, относящихся к концу восемнадцатого — началу девятнадцатого столетия. Они были найдены еще до Великой Отечественной войны во время совместной экспедиции».

Во многом благодаря личным связям председателя Белорусского фонда культуры Владимира Гилепа из Санкт-Петербурга получена весьма ценная коллекция находок, сделанных при раскопках в Новогрудке

Обложки сборников «Возвращение».

известным археологом Фридой Гуревич. А в Москве наши архивисты отсняли многочисленные документы так называемой Литовской метрики. Некоторые из них изданы отдельными сборниками.

Наконец, приятно вспомнить, что в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия у комиссии «Вяртанне» установились плодотворные связи с Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина. Мне разрешили тогда поработать в закрытой картотеке дублетов редких книг в помещении на Климентьевском переулке, около «Третьяковки». Там удалось «выудить» около сотни позиций, имеющих отношение к Беларуси, в том числе и прижизненные издания Симеона Полоцкого. Их преимущественно направили в Полоцк в готовящийся к открытию музей белорусского книгопечатания.

Тогда же вместе с московским профессором Евгением Немировским мы выяснили (его каталог под моей редакцией издан в Минске), что в российских библиотеках хранится много дублетов (порой по 7—8 экземпляров) скорининских изданий, которых тогда вовсе не было в Полоцке. Скажем, в Государственной библиотеке СССР оказалось 82 экземпляра изданий Скорины, в Государственном историческом музее на Красной площади — 84 экземпляра, в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — 81 экземпляр. Мы настойчиво просили, чтобы дублеты из запасного фонда передали в Беларусь, на родину восточнославянского первопечатника. Но нам так же твердо отвечали: каждый дублетный экземпляр имеет свои отличия — во владельческих надписях, например. Мы поняли: ходатайств одной общественной организации недостаточно, и попросили содействия в Министерстве культуры Беларуси. Помнится, как в октябре 1991-го года в Министерстве культуры СССР вместе с бывшим министром культуры Евгением Войтовичем наши ученые и общественники дружно

отстаивали свои интересы на всесоюзном совещании, посвященном вопросам реституции. И находили понимание у союзного министра Н. Губенко. Но потом усилия ослабли, хотя, по логике, должны были бы по мере интеграции возрастать.

Странно, что до сих пор нет белорусско-российской комиссии по вопросам культурного наследия. В области экономики, военной обороны такое взаимопонимание имеется, а в культуре — не особенно заметно. От этого страдают наши (да и российские) интересы, наш имидж. Если аналогичная белорусско-польская комиссия работает уже около 15 лет и есть определенные итоги (это тема отдельного разговора), то о взаимодействии, устранении старых недоразумений, а то и обид, о совместном использовании культурного наследия министерствами культуры Беларуси и Российской Федерации мне мало что известно.

Судьба слуцких поясов

В Кенигсберге или в минском подземном ходе?

Волны сведений и слухов о слуцких поясах то возвышаются до девятого вала, то вновь ненадолго затухают. Оно и понятно: изделия Яна Маджарского и его сына Леона для Беларуси такая же визитная карточка, как для Чехии — богемский хрусталь, для Германии — майсенский фарфор, для России — палехские шкатулки. Недаром ведь ткацкие шедевры из Слуцка порождали столько подражаний в Европе — не только в польских городах, но даже в далеком французском Лионе.

С одной стороны, о слуцких поясах — писано-переписано, в том числе и мной. Но, с другой стороны, оказалось, что не могу до сих пор найти ответы на некоторые вроде бы простенькие вопросы.

Вот недавно посетила Беларусь группа потомков Радзивиллов во главе с дочерью последнего владельца замка Эльжбетой Томашевской. Она-то и рассказала, что в замке хранилось 16 слуцких поясов. Гости заинтересовались: куда эти пояса могли подеваться? И я не был уверен, что мой ответ тут же не породит очередной миф. Вот, скажем, в Минске на выставке спасенных в войну смоленских ценностей были и два слуцких пояса. И возникает вопрос: а не остались ли пояса в Смоленске, когда везли радзивилловские раритеты из Минска на выставку, приуроченную к Декаде белорусского искусства, в Москву или обратно? Я отвечаю: вряд ли... Однако надо проверить и самый невероятный след.

Правда, в данном случае поиск правильных ответов облегчает то обстоятельство, что незадолго до приезда первой группы потомков Радзивиллов и открытия смоленской выставки произошло еще одно событие — внешне скромное и почти не замеченное прессой, а на деле значительное, проливающее свет на судьбу не только несвижской коллекции, но и некоторых других — например, московской. Речь идет о презентации в Национальном музее истории и культуры Беларуси долгожданного альбома-каталога «Слуцкія паясы», подготовленного белорусскими и российскими историками искусства и любовно изданного на средства Специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке культуры и искусства.

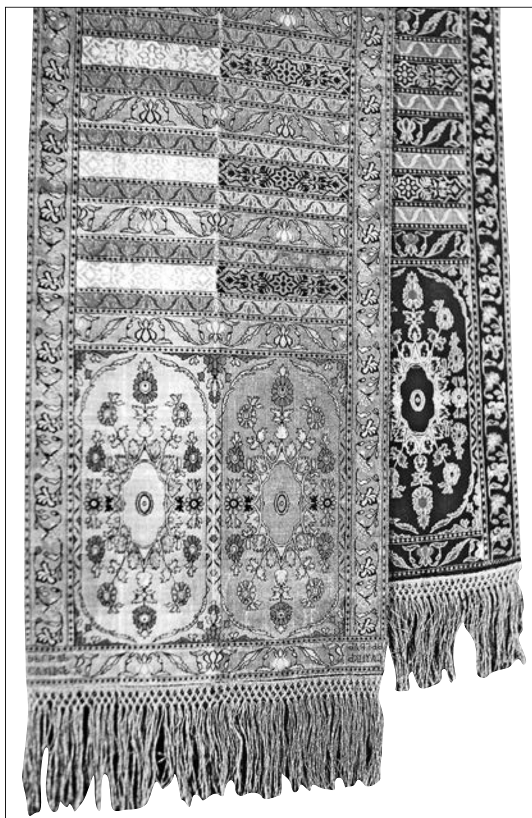
Утраченные ценности: миссия выполнима

Открывается издание «Введением» и статьей ведущего научного сотрудника Национального музея истории и культуры Беларуси Ирины Зварико «На пути к выставке. Судьба слуцких поясов из белорусских музейных собраний в первой половине XX века», где немало интересных сведений о производстве и бытовании слуцких поясов на территории Беларуси. Наверное, немногие знают, что на одно изделие шло до 200 г золота и около 60 г серебра (золотые, позолоченные и серебряные нити вплетались в шелковую основу), что, например, на слуцкой персиарне (вспомним богдановичевское «заміж персідскага ўзору») в 1796-м году на 24 станках было произведено около 200 поясов стоимостью до 50 дукатов каждый — кстати, сумма огромная. И ткали их не завозные заграничные мастера, а жители Слуцка и окрестных селений. Отсюда и «цвяток радзімы васілька».

Четырехсторонние по расцветке (на все — и радостные, и печальные — случаи жизни) пояса считались обязательной частью так называемого сарматского костюма магнатов и зажиточной шляхты. И только в конце XVIII столетия, с распространением на волне Просвещения французской моды в одежде, они отправлялись в домашние сокровищницы или жертвовались местному костелу для пошива из них сакральных одеяний — орнатов.

В конце XIX — начале XX века наблюдается ренессанс популярности слуцких поясов. Они стали интересовать коллекционеров: Радзивиллов, Гуттен-Чапских, Генриха Татура, экспонироваться в музеях. В 1916-м году десять поясов выставлялись в Минском городском музее (как польские пояса), в 1918-м году пять — демонстрировались на «Менскай краёвай выстаўцы», организованной немецким историком доктором Иппелем (один пояс принадлежал меценатке Магдалене Радзивилл, жившей в Кухтичах на Слутчине). В 1927-м году прошла первая в Беларуси специальная выставка, посвященная слуцким поясам, — «в связи с пополнением коллекции». На ней экспонировались пять целых поясов (три — с указанием места производства: SLUCK), остальные 16 — в виде фрагментов, извлеченных из костельных орнатов. Все они принадлежали Белорусскому государственному музею — предшественнику нынешнего Национального музея истории и культуры Беларуси.

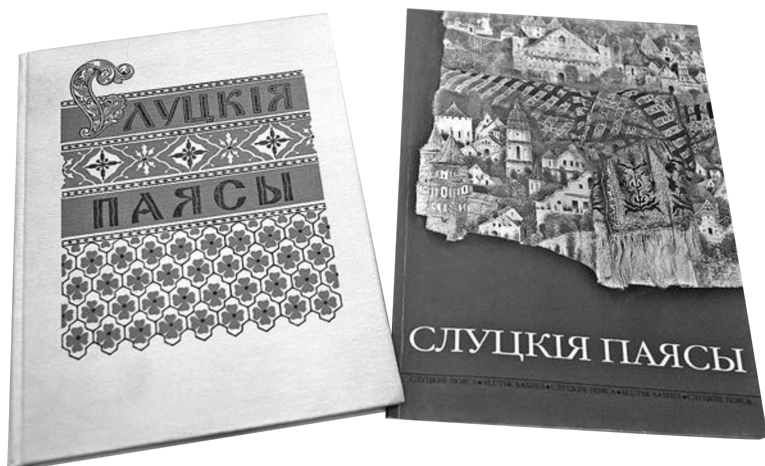
По подсчетам Ирины Зварико, сегодня немногочисленные пояса работы слуцкой персиарни или изделия, выполненные по их узорам другими европейскими центрами ткачества XVIII века, находятся в семи белорусских музеях: Витебском областном краеведческом музее (19 разноформатных вырезок), Гродненском государственном историко-археологическом музее (один целый пояс слуцкого типа), Литературном музее Максима Богдановича (один целый пояс слуцкого типа и один фрагмент), Минском областном краеведческом музее в Молодечно (один целый пояс, сшитый из фрагментов, и один фрагмент), Музее древнебелорусской культуры Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы НАНБ (один слуцкий пояс, составленный из двух частей, один целый пояс слуцкого типа, подаренный Анджеем Цехановецким, четыре орната с использованием фрагментов), Национальном музее истории и культуры Беларуси (два целых слуцких пояса, один целый слуцкий омофор-пояс, четыре пояса слуцкого типа, восемь фрагментов поясов слуцких и слуцкого типа, один орнат, сшитый с использованием фрагмента слуцкого пояса), Национальном художественном музее Республики Беларусь (два фрагмента слуцких поясов, три орната с фрагментами слуцких поясов). Таким образом, суммирует Ирина Зварико, в музеях Беларуси сохранилось 11 (цифра уточняется) целых поясов, из них 5 — произведенных непосредственно в Слуцке, о чем свидетельствуют латинские

Пояса.

и кириллические надписи, и шесть — выполненных по их образцу за границей и потому менее ценных. Но ведь это только капля в море! Произведем небольшие подсчеты. Пусть 1796-й год был уже не самым пиком в производстве. Пусть ежегодно выпускалось не 200 поясов, а в два раза меньше. Отбросим также несвижский период производства — 1743—1760-е годы. Не будем брать во внимание начало XIX века, когда сарматский костюм уже выходил из моды, а потом и запрещался царскими властями. Остается (явно занижено) 50 лет: по 100 поясов в среднем в год — это 5 тысяч раритетов, каждый из которых оригинален (вот почему слуцких поясов в музеях никогда не может быть слишком много). Но где же они?

На презентации альбома «Слуцкія паясы» говорилось, где в первой половине XIX века была сожжена часть поясов, чтобы получить драгоценные металлы в чистом виде, часть передана в костелы для пошива орнатов. Допустим, здесь максимум тысячи две. Однако под конец XIX века стали осознавать художественную ценность каждого пояса. Они

Альбомы-каталоги «Слуцкія паясы».

стали предметом купли-продажи в среде антикваров, при накоплениях в музеях, вывозе за границу. Особенно большие потери Беларусь понесла во время мировых войн и в период советских конфискаций.

Но все равно: цифры 5 штук и 3000 штук — несопоставимы! Значит, надо искать! Возвращать! Но откуда? Оттуда, откуда 4 пояса были недавно предоставлены Национальному художественному музею Беларуси в депозит благодаря бескорыстному содействию Сергея Степашина, — из наиболее многочисленной московской коллекции Щукина? Как увидим дальше, реституции это богатое собрание не подлежит. Здесь мы можем рассчитывать только на обмен или на добрую волю второй стороны. Это же касается и собраний в музеях Литвы, Польши, возможно, Украины.

Несвиж — Минск — Москва — Минск. А далее?

Так есть ли тогда надежда на возвращение? Наиболее реальна она в случае с несвижской коллекцией, о которой упоминала Эльжбета Томашевская. Только княгиня была не совсем точна, говоря о количестве поясов. На самом деле Радзивиллам в 1939-м году принадлежали 32 пояса, что зафиксировано в соответствующей описи имущества. Из них 16 — подлинно слуцких (думаю, именно о них и шла речь). В начале 1940-го года пояса перевезли в Государственную картинную галерею БССР, что и спасло их от возможного вывоза прямо из Несвижа в Москву, как это

случилось с несвижской мебелью, которой сегодня так не хватает для заполнения интерьеров реставрируемого замка. Весной того же года коллекцию отправили из Минска в столицу СССР как основные экспонаты большой выставки, приуроченной к Декаде белорусского искусства (с добавлением 2 поясов из минского исторического музея).

В поисках более конкретных сведений о Декаде белорусского искусства в Москве я просмотрел минскую периодику того времени и нашел вышесказанному подтверждение. Так, в газете «Літаратура і мастацтва» (23 апреля 1940 г.) говорилось: для выставки отобрано около 1000 работ, и среди них — «выдающиеся слуцкие пояса». В публикации «Звязды» (10 мая 1940 г.) оказались существенные дополнения: «Государственная картинная галерея БССР обогатилась (очевидно, подразумевается, что недавно и благодаря Несвижу. — А. М.) исключительно ценной коллекцией знаменитых слуцких поясов... Они отличны по технике изделия и высокому мастерству исполнения... В коллекции — 32 пояса. По своей полноте, богатству и разнообразию рисунков эта коллекция единственная в мире... Картинная галерея БССР отправила коллекцию в Москву, где она будет показана на декадной выставке изобразительного искусства БССР в отделе "Белорусская художественная промышленность и народное творчество"». Но нигде в процитированных и иных белорусских публикациях ни слова прямо не сказано, откуда в галерее вдруг взялось столько ценных поясов, каково их происхождение. Тогда в поисках необходимой информации я начал вновь внимательно листать страницы альбома-каталога «Слуцкія паясы». И в разделе «Библиография» наткнулся на сведения о неизвестной мне прежде статье Елены Карпенко «Коллекция слуцких поясов в Государственной картинной галерее: проблема изучения и поиска», напечатанной в книге «Мікалай Міхалап: Першы дырэктар. Матэрыялы навуковай канферэнцыі» (Минск, 2003). И нашел там как раз то, что требовалось. Оказывается, московская «Литературная газета» за 5 июня 1940-го года точно указала происхождение поясов: «В выставочном павильоне ЦПКиО, архитектурно оформленном бригадой художников под руководством В. Алтуфьева, 6 июня откроется выставка изобразительного искусства БССР. Среди экспонатов — древнейшие памятники: гравюры и рукописи начала XVI в., старинные портреты, ценнейшая коллекция тканых поясов, принадлежавшая ранее князьям Радзивиллам, и картины XVIII и XIX веков». «Это единственное известное нам сегодня упоминание о происхождении коллекции в официальном источнике, которое проясняет историю слуцких поясов», — комментируется дальше статья в «Литературной газете».

Публикации Елены Карпенко, Надежды Усовой и Ольги Лобачевской в сборнике, посвященном Николаю Михолапу, имеют особенную ценность потому, что в них сообщается о сделанных в Москве (очевид-

но, в качестве иллюстраций к предстоящей лекции в Третьяковской галерее сотрудника минской галереи Сендера Палееса) 23 фотографиях с изображениями поясов (точнее, их фрагментов). Обнаружила их в библиотеке-архиве Научно-исследовательского института художественной промышленности Министерства местной промышленности РСФСР известная белорусская исследовательница Ольга Лобачевская, передавшая впоследствии находку Национальному художественному музею Беларуси. Надо найти остальные фотографии (или негативы к ним) радзивилловских поясов, призывает Е. Карпенко, сопоставить с каталогом московской выставки, составленным С. Палеесом, и тогда можно будет приступать к поискам на Западе. Это, мол, они, возвращенные перед самой войной из Москвы в Минск, в начале оккупации были вывезены в Кенигсберг и попали в «Опись экспонатов Государственной картинной галереи Белорусской ССР, похищенных и уничтоженных фашистской армией в 1941—1944 гг.», подписанную уже не Николаем Михолапом, а новым директором галереи (впоследствии — музея), активной собирательницей Еленой Аладовой. Поэтому, считает Е. Карпенко, в поисках несвижской коллекции следует обратиться за помощью в информационное подразделение в Санкт-Петербурге Центра сохранения культурного наследия имени Николааса Витсена (голландского ученого XVII века), где создана база данных о похищенных и утраченных художественных ценностях.

Такой запрос, насколько мне известно, был отправлен, но результата пока не дал.

Возвращаясь в прошлое…

Вместе с тем Елена Карпенко допускала мысль, что пояса уцелели и после войны попали в один из музеев России или Украины. Дело в том, что сама Е. Аладова отправку ценностей в Кенигсберг видеть не могла — она тогда уже находилась в эвакуации. В галерее еще несколько дней оставался со штатом довоенный директор Николай Михолап. Он приказал привезенный из Москвы длинный и весьма тяжелый (нити из золота и серебра весили много) ящик с поясами припрятать в подвале (по другой версии — в бомбогазоубежище, по третьей — в подземном ходе, по четвертой — среди дров для отопления). А потом, не получив хотя бы одной машины для эвакуации ценностей и, очевидно, рассчитывая на скорое возвращение советских войск, сам закрыл галерею на ключ, а затем отправился подальше от Минска, в глубь России. Некоторые же работники музея, ответственные за фонды, в городе остались…

Рассказ о вывозе (а по существу — мародерстве) во время оккупации минских ценностей в Германию и Австрию мне пришлось также

слышать в октябре 1990-го года в Нью-Йорке. Но тогда речь шла об иконах и светских картинах, о слуцких поясах даже не упоминалось. Ничего не говорилось о поясах и в обращении гауляйтера Кубе к рейхсляйтеру Розенбергу от 29 сентября 1941-го года (т.е. по свежим следам), где шла речь о необходимости вернуть ценности из Кенигсберга и Линца в Минск.

А теперь процитирую «Мои воспоминания» Елены Аладовой: «Первые дни войны. Немцы уже под Минском. Последняя ночь, проведенная нами в городе, в Государственной картинной галерее по улице Карла Маркса, 29. До этого два дня упаковывали экспонаты галереи. Самые лучшие полотна вытаскивали из рам и укладывали в ящики. Много пришлось повозиться с коллекцией слуцких поясов. Их было 48 (?! — А.М.) единиц: среди них — “литые”, золототканые фабрики “Лео Можарский в городе Слуцке”, фабрики Пасхалиса в Липкове, краковской фабрики Масловского. И все они лежали в очень тяжелом ящике в хранилище. Мы — три женщины и один мужчина, наш сотрудник, — едва могли его сдвинуть с места…

Утром директор галереи Николай Прокофьевич Михолап объявил нам, что нужно немедленно уходить, так как немцы уже близко и вот-вот войдут в Минск. Да, медлить было нельзя. Я говорю директору, что нужно каждому из нас взять с собой хотя бы по одному слуцкому поясу, ибо кто знает, что с ними может случиться. Но, как на грех, хранитель З. Конопацкая и бригадир-смотритель Т. Конопацкая с ключами от хранилища куда-то исчезли, и найти их в такой неразберихе не было никакой возможности».

Аладова с Михолапом и некоторыми другими сотрудниками галереи устремились по пылающему городу в Колодищи, военные разрешили им устроиться на платформы чуть ли не последнего эшелона, и они с большими трудностями направились в глубь России. Вернулись оттуда в 1944-м году: Аладова — уже директором галереи, Михолап — руководителем республиканской художественной промышленности. Оба — при ответственных государственных должностях. Но так получилось, что судьбой пропавших поясов, насколько мне известно, им заниматься не приходилось. Правда, Михолап повторял узоры орнаментики поясов на вазах и даже на осветительных мачтах на главном столичном проспекте. Рассказы о вывозе ценностей галереи в Пруссию он воспринял, очевидно, как данность, не стал никуда обращаться, чтобы проверили эту и другие версии — хотя бы расспросили оставшихся в Минске хранительницу фондов Зарему Ивановну Конопацкую и ее сестру Таиду.

Свои сомнения я изложил заместителю директора Национального художественного музея Беларуси, известному искусствоведу Наталье Усовой, и услышал в ответ: «Имеют право на существование разные вер-

сии. Будь моя воля, я начала бы с поисков следов сестер Конопацких. Пробовала даже, но в Минске слишком много однофамильцев. Мне пришлось читать черновой вариант воспоминаний Елены Аладовой об июне 1941-го года. Там о поясах говорилось несколько иначе».

Коллекция Щукина

Однако что думает обо всех этих загадках Ирина Зварико? Спрашиваю:

— А не могла ли в безвременье, перед самой оккупацией или в начале ее, оставшаяся в Минске хранительница фондов Конопацкая спрятать пояса так, что они не попали в руки немцам? Я не раз слышал версию, притом от разных людей, что ящики с поясами перенесли в один из подземных ходов, которых, по различным сведениям, полно под Минском. Мол, туда, где начинался ход, под галереей или рядом с ней, потом упала бомба и на некоторое время либо навсегда сделала поиски невозможными.

— Такие рассказы и я слышала. Но в 1944-м, когда Аладова и Михолап вернулись в Минск, уже царила версия о вывозе всех ценностей картинной галереи в Германию. Так ли оно произошло на самом деле, никто до сих пор документально не подтвердил.

— Перейдем к другой волнующей меня проблеме — к огромной коллекции слуцких поясов, собранной в Москве Петром Щукиным и хранящейся сейчас в Историческом музее в Москве. Когда четыре пояса из этого собрания привезли в Минск на выставку, пошла молва, будто бы в войну их вывезли из Белоруссии и, следовательно, они подлежат реституции.

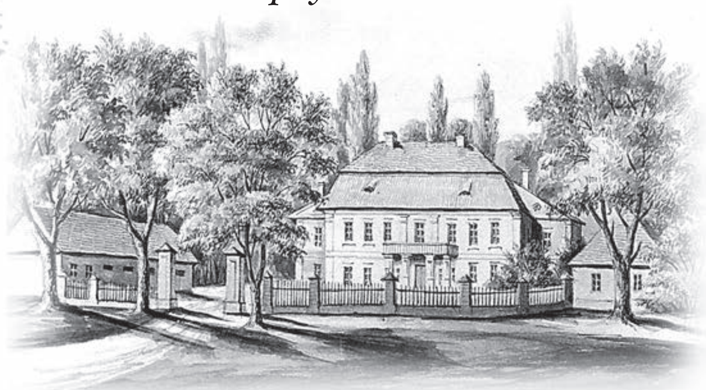
— Фигура Петра Щукина, образованного и богатого коммерсанта, стоит в одном ряду с известными русскими меценатами Третьяковым, Мамонтовым, Морозовым. Его собирательская деятельность продолжалась почти 20 лет. Он покупал пояса в разных местах Российской империи. Когда в апреле 1905-го года Щукин передал свои коллекции (а это предметы изобразительного и декоративно-прикладного западноевропейского, славянского, восточного искусства, а также библиотека, рукописный архив с очень ценными раритетами и многое другое) в дар Императорскому Российскому историческому музею, его пожертвование превысило в количественном и стоимостном выражениях фонд самого музея! Но не только этот факт деятельности Щукина восхищает. Удивительным кажется то, что человек, воспитанный на русских национальных традициях, с глубоким знанием дела сформировал прекрасную коллекцию слуцких поясов. Когда изделия, сотканные в слуцкой персиарне, коллекционировали любители антиквариата, собирали в

магнатских дворцах и шляхетских усадьбах Белоруссии, Литвы, Польши, Украины или на Смоленщине, это понятно: сентиментальность, дань исторической памяти… Но Щукин ведь восхищался этими произведениями как эстет, как знаток сложнейшей техники изготовления, доведенной слуцкими мастерами до виртуозности (чтобы изучить ее, он стажировался на ткацкой фабрике в Лионе). Коллекция формировалась целенаправленно, при посредничестве известных варшавских и виленских антикваров, опираясь на твердую научную основу. Всего в московском Государственном историческом музее сейчас хранится более 80 целых и 60 фрагментов слуцких и слуцкого типа кунтушовых поясов щукинской коллекции. Из них на выставку 2005-го года в Минск привезли четыре образца, которые и оставили в художественном музее как временный депозит.

Меня же еще тревожит доступ белорусских исследователей к московской коллекции Петра Щукина, самой большой в мире. Четыре пояса, переданных во временный депозит, — не выход из ситуации. Необходимы более масштабные обменные выставки. И не только с Россией, но и с Польшей, Литвой, Украиной. Нужно иметь хотя бы виртуальные изображения всех известных поясов. Что касается щукинской коллекции, для ознакомления с нею белорусов следовало бы сделать возможными специальные научные и туристические поездки, а также для ознакомления со скорининскими изданиями и многими другими национальными ценностями, которые не должны быть закрытыми для нас.

Портреты Немцевичей оказались в Калуге ...

Появились основания, чтобы их вернуть в Скоки

В 2007-м году казалось, что в 13 статьях, опубликованных в «СБ» под рубрикой «Сокровища», изложено все или почти все, что было известно мне или поступило на адрес общественной комиссии «Вяртанне» Белорусского фонда культуры о белорусских культурных и духовных ценностях, находящихся за пределами нашей страны. Но жизнь не стоит на месте: появляются очередные публикации, всплывают новые факты,

а известные требуют дополнительного, вдумчивого осмысления. Вот почему возникла необходимость написать еще несколько статей под той же рубрикой. Они приобретают особый смысл в связи с тем, что в начале 2008-го года наконец начала работать, весьма целенаправленно и плодотворно, Комиссия при Совете Министров по выявлению, возвращению, совместному использованию и введению в оборот национальных культурных ценностей, оказавшихся за пределами Беларуси.

Калужские находки

Когда в 1991-м году организовалось общественное объединение «Международная ассоциация белорусистов», участником ее конгрессов и конференций, автором статей в ее сборниках «Вяртанне» и на страницах газет стал Василий Пуцко, член Союза художников России, заместитель директора по научной работе Калужского областного художественного музея. До тонкостей знающий историю изобразительного и декоративно-прикладного искусства восточнославянских народов, он открыл не одну страницу плодотворного взаимодействия их культур.

И вот где-то в 1997-м году вместе с Галиной Сафоновой, научным сотрудником другого калужского областного музея — краеведческого, Василий Пуцко прислал нам довольно объемный иллюстрированный труд «Калужские портреты из усадьбы Немцевичей в Скоках на Брестчине». Он начинается с общих размышлений о сложной судьбе белорусских ценностей в годы Первой мировой войны.

Авторам, в частности, не совсем точно представлялась судьба большой коллекции портретов, вывезенных в 1915-м году из построенной в 1770-е годы усадьбы Немцевичей Скоки бывшей Гродненской губернии (теперь это Мотыкальский сельсовет Брестского района Брестской области). Кстати, изменение административного деления усложнило, как увидим дальше, поиск и возвращение коллекции.

Из Скоков? Вероятно...

В фондах Калужского областного художественного музея, открытого в 1922-м году, В. Пуцко удалось обнаружить книгу № 4 экспонатов этого музея, начатую 2 июня 1936-го года. В ней «врассыпную» перечислены 22 портрета, «вероятно» (это слово повторяется часто), вывезенных в 1915-м году из Скоков в связи с наступлением немцев. Описаны они весьма приблизительно («портрет неизвестного поляка»), неквалифи-

цированно. Около многих записей помечено: «Исключен 19.04.1936 г.», из чего следует, что портреты собирались куда-то передать или продать за границу. Но, очевидно, соглашение достигнуто не было и некоторые «исключенные» произведения инвентаризировали снова, а пять портретов исключили повторно в связи с передачей их в 1959-м году Гродненскому (!) государственному историко-археологическому музею (коль Скоки раньше относились к Гродненской губернии). Судя по дальнейшей переписке калужан, они там не нашли должного использования, не были введены в «научный обиход».

6 из 22

И тем не менее в фондах Калужского областного краеведческого музея наши коллеги обнаружили пять портретов, фигурирующих в книге № 4 с пометкой «исключен». В весьма сокращенном виде их описания выглядят так.

Первый портрет — погрудное изображение польского короля и великого князя литовского Сигизмунда II Августа, предстающего в костюме испанского типа и с цилиндрической шляпой на голове. На обратной стороне портрета имеется фамильный герб Урсын Немцевичей. Как известно, Сигизмунд II Август, вошедший в белорусскую историю и литературу скорее как второй муж Барбары Радзивилл, умер бездетно, завершив династию Ягеллонов.

Преемником на престоле стал муж его сестры Анны, семиградский князь Стефан Баторий. Он изображен на втором погрудном портрете, во многом идентичном, как устанавливают калужские авторы, портрету Войцеха Стефановского, исполненному во Львове в 1576-м году. Но есть и существенные отличия. На варианте из Скоков видоизменены и упрощены многие детали. А, главное, Стефан Баторий выглядит здесь значительно моложе. На его лице нет морщин, взгляд «не выдает той утомленности, которая характерна для прижизненных и похоронных портретов короля».

На третьем портрете представлен Папа Римский Пий VIII, восседавший на ватиканском престоле очень короткое время (1829—1830 гг.). Изображение, утверждают авторы, «выгодно отличается высоким художественным уровнем исполнения», но восприятию мешают осыпи краски.

Четвертая картина — погрудный портрет неизвестного пожилого шляхтича с закрученными вверх усами. Судя по одежде, работа относится к середине XVII века.

На обратной стороне пятого полотна, датированного 1785-м годом, — трехстрочная надпись: «Марцелий Урсын Немцевич, подчаший Подляского воеводства». Значит, здесь изображен отец известного писателя и общественного деятеля Юлиана Немцевича.

Портрет короля
Сигизмунда II Августа.

В. Стефановский.
Портрет короля Стефана Батория.

Наконец, в Калужском областном художественном музее обнаружился шестой портрет, находившийся прежде в Скоках. На нем изображен «мужчина в богатой шубе»: как посчитали в конце 1920-х годов, русский поэт Ю. Нелединский-Мелецкий, и поместили в соответствующую экспозицию. Но потом оказалось, что это повторенный мастером живописи Антонием Станиславом Бродовским портрет того же Юлиана Немцевича, датированный 1820-м годом.

Да простит меня читатель, что сокращенный вариант описаний оказался не очень коротким. Но когда речь идет о возможном возвращении в Беларусь, в Скоки, где сейчас восстанавливается дворец Немцевичей второй половины XVIII века, ценностей, вывезенных владельцами на временный депозит в связи с военными действиями, важна каждая подробность. Когда я впервые прочел исследование Василия Пуцко и Галины Сафоновой, показалось, что аргументов для возвращения достаточно. Но калужские искусствоведы в своих выводах очень осторожны. Они часто употребляют слова «возможно», «вероятно», «скорее всего». В работе полно скепсиса: «Нам неизвестно, где первоначально были размещены эти портреты и в каком количестве», «К сожалению, не найдены какие-либо определенные сведения о портретной галерее Немцевичей периода ее нахождения в Скоках, позволяющие судить о количестве картин и составе портретированных». Так что, мол, требуются новые документальные подтверждения, совместные усилия бело-

А. С. Бродовский.
Портрет Ю. Урсына Немцевича
(«Портрет неизвестного в шубе»).

русских, российских и польских искусствоведов. И такие подтверждения, «определенные сведения», неожиданно для меня появились.

Брестский «съезд» Немцевичей

Для последовательности, однако, вернемся в май 2002-го года. Брестская областная библиотека проводила тогда международную научную конференцию, посвященную выдающемуся польскому писателю и общественному деятелю Юлиану Немцевичу. В ней принимали участие представители разветвленного рода Немцевичей, прибывшие из Франции, Канады и Польши. Среди них была и дочь последнего владельца Скоков Станислава Немцевича — Тереса Верига. Она родилась в Скоках (в 1925 году), и во время поездки в родовое имение жадно вглядывалась в стены двухэтажного дворца — такие знакомые и такие уже чужие.

На конференции оказался также заведующий кафедрой физики Брестского технического университета кандидат физико-математических наук Анатолий Гладыщук. Юлианом Немцевичем прежде он специально не занимался, заинтересовался же им, потому что сам жил в Скоках, хорошо знал усадьбу, ориентировался в ее окрестностях. И потому внимание зарубежных гостей постепенно стало концентрироваться на нем. Тереса Верига обещала ему прислать экземпляр еще неопубликованных воспоминаний своего отца.

Через месяц пришла бандероль с рукописью под названием «Моим внукам». В рукописи — множество неизвестных ранее сведений, в том числе и о портретах, украшавших дворец. Затем последовали редкие из-

Брестский район, Скоки. Усадьба, принадлежавшая в XIII—XIX веках Юлиану Урсыну Немцевичу.

дания «Воспоминаний моих времен» самого Юлиана Немцевича. В них таились разгадки многих загадок. Например, что за кирпичная башня возвышается невдалеке от Скоков, на «Рахвале». Раньше считалось, что это — обелиск в честь Конституции Речи Посполитой, принятой 3 мая 1791-го года. Теперь же выяснилось, что башня возведена в честь святого Рафала на месте, где когда-то стоял деревянный, из лиственницы, дом, в котором родился Юлиан Урсын Немцевич.

Постепенно у Анатолия Гладыщука набралось много интересных материалов. Возникла дилемма: писать книгу или не писать? С одной стороны, он — не литератор. С другой — никто не знает Скоки, их историю так хорошо, как он. И еще проблема: без перевода «Воспоминаний моих времен», очевидно, не обойтись. Но какой текст положить в основу: французский или значительно отличающийся от него польский? И брестский физик, не обремененный литературными предрассудками, сотворил нечто оригинальное по жанру — книгу «Нямцэвічы: сапраўдныя гісторыі». Он взял девять наиболее ярких сюжетов из «Воспоминаний» Юлиана Немцевича, связанных преимущественно с Брестчиной, скомпоновал их по-своему, приложил необходимые комментарии и документы, прибавил еще три «сапраўдныя гісторыі», связанные уже с другими представителями древнего рода, восходящего к XVI веку и к Березе-Картузской, и получилась оригинальная книга, открывающая неизвестные страницы истории не только Брестчины, но и всей Беларуси.

Где велась подготовка Брестского мира?

— Как где? — возмутится иной читатель. — Уже само название свидетельствует, что в Бресте. Очевидно, в крепости, — добавит менее уверенно.

То же утверждают и историки. Везде фигурирует только Брест-Литовск. Однако, как убедительно показывает Анатолий Гладыщук, при отступлении российских войск, в ночь с 12 на 13 августа 1915-го года, крепость была сожжена. На ее территории действовала лишь церковь. Сгорела и центральная часть города. Такая же судьба ожидала и Скоки. Но в последний момент хозяйка усадьбы пани София каким-то чудом получила от генерала казачьей дивизии, командующего поджогами, слово чести, что он оставит дворец в покое. Отправив обоз с ценностями в Калугу, сами Немцевичи срочно выехали в Киев, а затем — в Крым. Вскоре опустевшие Скоки занял переехавший из Слонима принц Леопольд Баварский, командовавший тогда 9-й немецкой армией. 1 августа 1916-го года принц получил воинское звание прусского фельдмаршала и как генерал-фельдмаршал вскоре был назначен командующим всем Восточным фронтом.

Из Баварского королевского архива

И вот уцелевшая и даже обеспеченная электричеством усадьба Немцевичей почти в течение двух лет стала эпицентром многих важных европейских событий.

Гладыщук подозревал, что в Скоках принц вел — не мог не вести — дневник. Однако каких-либо доказательств тому не было, изданного текста — тоже. И тогда брестский физик, просто надеясь на удачу, обратился с частным письмом к баварскому королевскому двору Виттельсбах, существующему и сегодня. Надеялся, оно попадет к наследникам принца Леопольда, умершего в 1930-м году, но таковых не нашлось, и послание оказалось у наследников баварского короля Людовика III, старшего брата принца Леопольда, что в результате сыграло позитивную роль: принцесса Тереса ответила обнадеживающе. Вскоре эта история (профессионалы могут только кусать локти) закончилась хеппи-эндом: от директора закрытого Баварского домашнего королевского архива доктора Герхарда Имлера на имя Анатолия Гладыщука поступила бандероль с текстом дневника принца Леопольда и фотографиями, сделанными в Скоках, правда, с обязательным условием: при опубликовании ссылаться на разрешение архива.

Дневник принц Леопольд вел с немецкой педантичностью. Каждая запись начинается с описания погоды. Затем идет рассказ о военных и политических событиях. Многие из них формально происходили в Брест-Литовске (туда выезжали только на концерты в варьете), фактически же и засекреченно — в уютных Скоках, расположившихся в деся-

ти километрах севернее города. Как свидетельствуют дневниковые записи и снимки, именно в усадьбе Немцевичей происходили основные переговоры между делегациями. Здесь же, в Скоках, в большой столовой, 15 декабря 1917-го года (температура тогда была плюс 1, дул западный ветер, снег таял) в 11 часов вечера подписали, как свидетельствует снимок, договор о перемирии. В дневнике говорится, что командующий фронтом обратился к присутствующим с краткой речью и передал по одному экземпляру договора представителям Австро-Венгрии, Турции, Болгарии и России. И далее на смену флегматическому изложению приходит патетика: «Это было всемирное историческое событие, которое, очевидно, ни один участник не забудет!»

Акт подписания фотографировался с блицсветом для будущих поколений. Но портреты на стенах не зафиксированы – они находились тогда уже в Калуге и к тому времени, скорее всего, были там реквизированы.

Из Скоков? Потомками доказано

Но скоковские портреты и картины хорошо видны на фотографиях, сделанных в 1913-м году варшавянином Александром Краусгаром и тогда же опубликованных в его книге. Потом Тереса Верига передала эти снимки Анатолию Гладыщуку как зримое дополнение к рукописи Станислава Немцевича «Моим внукам».

Особенно ценна фотография столового зала в партере. Хорошо видно, что на северной стене в верхнем ряду под потолком находились по четыре портрета справа и слева от дверей. И еще три (с бликами света от окон) размещались ниже. На обороте фотографии записаны имена Немцевичей, запечатленных на верхних портретах: Самуил, Александр, Анджей, Станислав, Ядвига из Суходольских, Марцелий, Текля из Выгановских, Ян. Эти же и другие портреты, в том числе названные калужскими искусствоведами, подробно описаны с указанием деталей и цвета в воспоминаниях Станислава Немцевича. Все это, вместе взятое, а также ссылки на калужские публикации, неизвестные мне ранее, дают твердые основания для окончательной идентификации портретов, указанных в описи 1937-го года, и возвращения в Скоки уже выявленных, что соответствовало бы и законам реституции, и воле наследников прежних владельцев усадьбы.

Какие же еще исторические ценности находились в Скоках? Что еще следует искать и возвращать? На снимках первого и второго салонов второго этажа запечатлены довольно легко узнаваемые картины. По словам Станислава Немцевича, это «Матерь Божья с Господом Иисусом в розах» Фра Бартоломео, по две картины Тенирса и Баччиарелли

и одна — Ван Дейка. В «Альбоме» Ю. Немцевича имелись рисунок Леонардо да Винчи и два карандашных наброска Яна Матейко. Большую ценность представляли коллекция золотых и позолоченных табакерок, подаренных писателю именитыми лицами, и коллекция автографов (среди авторов — писатели Беранже, Рылеев, видные государственные деятели Польши, России, США). Куда же все девалось? На последних страницах рукописи «Моим внукам» говорится: «Большинство семейных памятных вещей в предметах и документах, как и архив Берестейского воеводского трибунала, перед немцами было вывезено под Калугу. Пропало все вместе с портретами во время революции 1917-го года. Пропали там, между прочим: табакерка от Павла I, ордена св. Станислава, принадлежавшие Юлиану и генералу Станиславу, орден Virtuti Militari Кароля, кипы рукописей Юлиана (…), документы и королевские декреты, имеющие народную ценность».

Немало ценностей, спасенных во время Первой мировой войны, должно теперь находиться в Польше. Где-то в конце 1930-х годов некоторые памятные вещи отправлялись из Скоков в один из банков Кракова. Судя по письму из Франции Ежи Немцевича, опубликованному в книге Анатолия Гладыщука, в Польше оказались картины Бартоломео, Тенирса и Баччиарелли, а также много хранившегося в усадьбе «саксонского фарфора, бронзы и коллекция монет». Как видим, поиски на западе не менее существенны, чем на востоке.

Гродненские следы

Меня тревожит также судьба пяти скоковских портретов, переданных в свое время из Калуги Гродненскому историко-археологическому музею, куда раритеты попали случайно. Где и как они используются теперь? Стоят в запасниках? Это не самый худший вариант.

А еще хотелось бы знать, что стало с кладом, найденным у деревни Тетеревка Берестовицкого района Гродненской области, у самой белорусско-польской границы. Помнится, 26 августа 1989-го года одна из газет писала, что там, где до войны находилось имение с тем же названием и хозяйствовали представители рода Немцевичей — Ежи и его жена Людвика из Коссаковских, пограничники, копая песок в карьере, наткнулись на ящик, который рассыпался при первом прикосновении. Внутри ящика оказалось семейное сокровище, имеющее большую историческую ценность. Вместе со столовым серебром, украшенным гербами Четвертинских, обнаружили серебряную булаву с профильным изображением короля Речи Посполитой Яна III Собесского, серебряный кувшин, кубок с шестью выгравированными сценами из жизни Христа. По словам Ежи Немцевича, который маль-

чиком присутствовал при закапывании сокровищ, там же находилась и сабля адъютанта Костюшко. Но когда на место находки оперативно прибыли специалисты из Гродненского историко-археологического музея, реликвии уже не оказалось…

Впрочем, и булаве, и кувшину, и кубку не место в Гродно.

По примеру Несвижа

Легко убедиться: Скоки надо восстанавливать, как Несвиж, как Мир, как Меречевщину Костюшко. С той только разницей, что сделать это будет легче: усадьба меньше и сохранилась лучше. Да оно и понятно: Несвиж — это замок, это магнаты, некоронованные короли белорусско-литовских земель, а Скоки — типичная усадьба состоятельной шляхты среднего сословия (сегодняшнего среднего класса) XVII—XIX веков. К тому же шляхты образованной, деятельной в общественно-культурной жизни. Сюда следовало бы вернуть из сопредельных славянских земель (я еще не затронул Украину, куда восходят, как сообщил Анатолий Гладыщук, православные корни Немцевичей) музейные сокровища, делавшие усадьбу столь притягательной в течение столетий.

Могут Скоки стать притягательными и теперь. Ведь рядом — Волчин, родина последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского, а дальше, по прямому пути из Бреста на север, — Беловежская пуща. В возрождении усадьбы Немцевичей, к тому же места памятных исторических событий времен Первой мировой войны, должны быть заинтересованы, по крайней мере, пять стран — Беларусь, Польша, Россия, а также Германия (откуда будто бы, судя по фамилии, начался род) и Соединенные Штаты Америки, для которых Юлиан Немцевич, будучи адъютантом Костюшко, национального героя США, свершил много полезных дел. Немцевичи, а вместе с ними и подзабытые Скоки принадлежат общеевропейской и мировой истории.

Дар или депозит?

Судьба библиотеки Иоахима Литавора Хрептовича, последнего канцлера Великого княжества Литовского

Отвечая на вопросы читателей, полученные после серии статей «Корень и крона истории» («СБ» за 25—28 сентября 2007 г.), я обещал минчанину А. Мельникову, что об одном из наиболее ярких представителей белорусских элит ВКЛ, владельце усадьбы Щорсы на Новогрудчине — Иоахиме Литаворе Хрептовиче — напишу отдельную статью. Первоначально она предполагалась под рубрикой «Соотечественники». Но потом, при работе, оказалось, что материал как бы распадается на две части: о самом Хрептовиче, вдумчивом политике, хозяйственнике-реформаторе, меценате и образованнейшем человеке, и о его любимом детище — богатейшей щорсовской библиотеке, прошедшей драматические перипетии, не закончившиеся до сегодняшнего дня. Порой библиотека в моем сознании затмевала ее создателя. Поэтому пришло решение сочетать обе темы. Тем более что, как увидим, обе актуальны.

Автор белорусского стихотворения

В 1970-м году мне посчастливилось три поисковых месяца провести в польских архивах, библиотеках и музеях. Варшава, Краков, Вроцлав. Новый год встречал в Познани. Оттуда доезжал в Курник, где в замке находится известная библиотека Титуса Дзялыньского. Это ему в 1822-м году продал за 2000 талеров 96 рукописей несвижский библиотекарь К. Квятковский, укравший их из собраний Радзивиллов.

Под номером 1280 там оказалось стихотворное поздравление, с которым брат и сестра обращаются к дедушке и бабушке в связи с новосельем. На празднество, очевидно, собралось немало гостей-соседей, перед ними-то внукам и надо было блеснуть своими познаниями в области поэтики и риторики. На каком языке? Вроде бы и сомнений нет: на престижных в то время польском или латинском, в крайнем случае — на церковнославянском. Но все оказалось отнюдь не так: элиты с детства владели и белорусским.

Всем многі век у новай хаце
Пры гойнай неба заплаце.
Жывіце без всякай тугі
І як паны, тако ж і слугі
Пры новай гадзіне.
Палац гойны, в нім прыгожа,
Паўбірана ўсюды гожа,
Гдзе пойдзеш, напасеш очы,
Глядзеўбысь аж да цёмнай ночы
Пачаўшы ад світу.

И еще 50 стихотворных строк в том же хвалебном тоне. Среди них нахожу я имя декламатора (а значит, по канонам образования того времени, и автора) — Иоахим. Названы имена новоселов: «Казімер і Тэафіля», их сына Адама и сестры юного поэта Анны... Сочетание имен показалось мне знакомым, и я тут же бросился к гербовникам Бонецкого и Несецкого. Так оно и есть: дедом Иоахима Хрептовича был маршалок конфедерации Новогрудского воеводства Казимир Неселовский, автор нескольких поэтических книг, изданных в Пинске и Варшаве; его жена — Теофиля из Раэсов, а сын — Адам Неселовский, также издавший в Пинске два поэтических сборника. Все правильно: в семье Неселовских, живших в усадьбе Ясенец Новогрудского уезда, должен был обитать и обитал дух поэзии. Нашлась в гербовниках и Анна, единственная сестра Иоахима Хрептовича. А поскольку последний родился 4 января 1729-го года там же, где стоял старый дворец, — в Ясенце над берегами реки Сервеч, авторство поздравления можно считать доказанным, как и то, что оно создано в 1740-е годы.

Из древнего «русского» рода

В гербовниках содержатся сведения, правда, не подтвержденные документально, что Хрептовичи восходят к XV веку. Сам Иоахим в «Мемуарах рода Хрептовичей» начинает повествование с половины следующего столетия — с того момента, когда Щорсы разделили между сыновьями Якова Хрептовича Богданом, Данилой, Василием и Митькой.

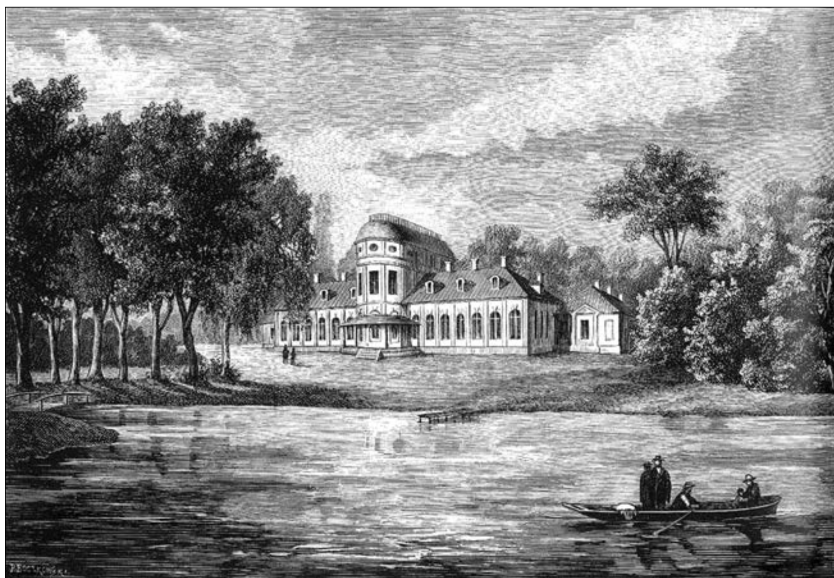
Перечисленные имена свидетельствуют: это род православный, белорусский. Правда, историки подчеркивают: со временем Хрептовичи заметно полонизировались. Но еще в XVII столетии «очередные поколения придерживались русского языка и веры». Эти традиции проявились в противостоянии Хрептовичей унии ВКЛ с Польшей, а позже — в ориентации на Российскую империю, в чем неоднократно упрекали Иоахима как дипломата. А он отвечал оппонентам: лучше и ближе Россия, чем Пруссия.

Получив хорошее образование в Браневе, Несвиже и Виленской академии, И. Хрептович быстро и легко сделал успешную карьеру. В 1752-м году он уже новогрудский стольник, с 1758-го — полковник войск ВКЛ, затем — маршалок Литовского трибунала, подканцлер и канцлер ВКЛ, министр иностранных дел Речи Посполитой. Поддерживал ее короля и часто служил ему посредником в связях с Петербургом. Наконец, Хрептович — один из самых активных депутатов сейма 1788—1792-х годов.

Вместо барщины — аренда

Однако не будем сосредоточиваться на политической карьере И. Хрептовича, довольно подробно описанной белорусскими и польскими историками, и остановимся на его реформаторской и меценатской деятельности, куда менее у нас известной. Под воздействием физиократических идей французского Просвещения он стал убежденным противником крепостного права, в своих имениях Щорсы, Негневичи и Вишнево заменил феодальные повинности личной свободой, арендой господских земель. Из деревень крестьяне расселялись в отдельные усадьбы, могли идти работать на мануфактуры. Примечательно, что к Хрептовичам уходили крестьяне из имений других хозяев.

Идеи рационального хозяйствования Хрептович распространял в своих брошюрах и журнальных статьях, излагал крестьянам сам. В итоге резко возросли урожаи зерновых: если раньше одно зерно давало 2—3 новых, то теперь до 20. Появилась заинтересованность в труде, а с ней и зажиточность, уверенность в себе, интерес к знаниям. Приходскую школу в Щорсах посещало до 24 крестьянских детей. Этнографы

Щорсы. Дворцово-парковый ансамбль. Конец XIX века.

XIX века отмечали: местное население здесь резко выделялось своей хозяйственностью, смекалистостью, интересом к искусству.

«Северные Пулавы»

В XVIII веке во всей Речи Посполитой славилась как «средоточие изящных искусств» усадьба Чарторийских в Пулавах. Туда устремлялись поэты, художники, архитекторы. Но в 1780-е годы, когда Щорсы оправились от пожара, усадьба Хрептовичей стала во многом опережать Пулавы. По проекту Д. Сакко и К. Спампани здесь возвели дворец, в архитектуре которого неповторимо сочетались черты барокко и классицизма. Невдалеке возвысилась новая униатская церковь, украшенная, как и дворец, творениями живописцев. В усадьбе разбили пейзажный парк.

Но наиболее притягательную силу Щорсам придавала знаменитая библиотека, разместившаяся в специальном флигеле, сохранившемся до наших дней. Книги для нее разыскивали и скупали по всей Речи Посполитой специальные агенты. Вскоре собралось до 10 тысяч томов, довольно много рукописей. Отмечу, что в первой половине XIX века щорсовская библиотека выполняла на белорусских землях роль публичной, государственной: здесь искал материалы для своих поэм

Адам Мицкевич, трудились десятки известных ученых, фольклористов, этнографов. Значит, было над чем.

Но времена менялись. В белорусских городах открылись общественные библиотеки. На смену Хрептовичам в Щорсах, утратившим свое величие, пришли их наследники Хрептовичи-Бутеневы. А им библиотека была, скорее, в тягость. И вот в начале XX века книжные и рукописные собрания И. Хрептовича оказались на украинской земле.

Версия, очень приблизительная

В послевоенные времена в Минске бытовала «упрощенная» версия передачи щорсовских собраний в Киев: недостаток информации всегда компенсируется мифами. В печатных источниках и устно утверждалось: в начале Первой мировой войны, боясь немецкого захвата, Михаил Хрептович-Бутенев велел перевезти библиотечные собрания в университет святого Владимира, а в завещании предписал, чтобы после войны ценности вернулись в Беларусь, в первый университет, который откроется на родине Хрептовичей. Эти обстоятельства, конечно же, увеличивали шансы на обратное получение книг и рукописей, ибо они уже подпадали под законы реституции. Поэтому и в Москве, на совещании в Министерстве культуры СССР (1991), и в Минске, и в Киеве члены комиссии «Вяртанне» дружно настаивали на возвращении ценностей, а украинские коллеги довольно легко соглашались на это. Тем более что Государственная (теперь Национальная) библиотека Беларуси только что безвозмездно передала украинцам довольно много книг из парижской библиотеки Петлюры, оказавшихся после войны в Минске. На нежданный дар надо было чем-то ответить…

Но потом мы стали получать из Киева письма с другой тональностью: мол, передача библиотеки состоялась еще до войны, в 1913-м году, а в завещании Хрептовичи-Бутеневы согласились на ее перемещение в Киевский университет. В ответ члены комиссии «Вяртанне» резонно требовали: покажите нам это таинственное завещание! В ответ — молчание, которое только увеличивало недоверие.

Всего не предусмотришь

Действительность оказалась сложнее мифов. Я уже давно знал, что один из активнейших членов комиссии «Вяртанне» доцент БГУ Михаил Шумейко привез из киевских архивных хранилищ неизвестные раньше белорусам документы об условиях передачи библиотеки, но полностью их не опубликовал. Поэтому, приступив к работе над дан-

Щорсы.
Усадьба Хрептовичей.
Вход в библиотеку.

ной статьей, направился на истфак БГУ к Михаилу Федоровичу, чтобы окончательно выяснить ситуацию.

И вот оказалось, что разговоры о перевозе щорсовских собраний в Киев начались еще в 1909-м году. Тогда библиотека университета святого Владимира обратилась к своему руководству с предложением направить в Щорсы профессора Митрофана Довнар-Запольского, уроженца Речицы, и поэтому человека, несомненно, заинтересованного, для переговоров о передаче библиотеки в Киев. Последние тянулись года четыре. Наконец, в 1913-м году появился соответствующий документ. Им предусматривалась передача библиотеки на временное хранение сроком на 25 лет. А там следовало рассмотреть вопрос наново: то ли вернуть собрания Хрептовичам-Бутеневым в Щорсы с условием, что хозяева обеспечат доступ к ним читателям, то ли передать их Виленскому университету (единственному, который в то время был на слуху на белорусско-литовских землях), если тот к тому времени откроется вновь. Если же через 25 лет ситуация не прояснится, тогда вернуться к вопросу о праве собственности еще через 25 лет. Если и тогда иное решение не будет принято — библиотека навсегда останется в Киевском университете.

Но… Документ 1913-го года не только усложнен и противоречив — к тому же сохранился он в машинописной копии, никем не подписанной и не заверенной (правда, и на фальсификат она не похожа, ибо на ней имеются следы сверки с другим текстом), поэтому юридическим документом не является. Существует ли подлинник акта передачи — неизвестно.

А через год после передачи библиотеки в Киев началась Первая мировая война, перечеркнувшая прежние привычные реалии. Киев, Щорсы и Вильно оказались в разных государствах, чего никто не мог предвидеть. В 1919-м году вновь открывается Виленский университет, в 1921-м возникает Белорусский. Минские ученые, ряды которых пополнил и Довнар-Запольский, заявляют: они — наследники библиотеки. Наркомат образования БССР обращается к правительству УССР с просьбой передать собрание в Минск и находит там понимание. 16 декабря 1924-го года малый президиум «Укрголови Укрголовпрофосвіти» принимает решение: «Погодитися з проханням Білоруськоі Наркомосвіти і повернути Бібліотеку» («Вяртанне-1». Мінск, 1992. С. 167).

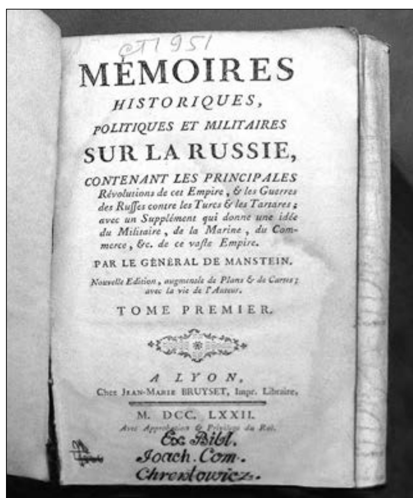
Получив такую выписку из решения, ректор БГУ Владимир Пичета выехал в Киев и… возвратился оттуда ни с чем. Почему? Мне кажется, свою роль сыграло заключение украинского профессора Александра Оглоблина, которого познакомили со всей документацией по делу после получения запроса из Минска. Дважды перечитал я это заключение, любезно предоставленное мне Михаилом Шумейко, и понял: Оглоблин, человек, несомненно, добросовестный, просто растерялся: во-первых, неподписанная копия акта передачи юридическим документом не являлась, во-вторых, в документах ничего не говорилось о Минске, фигурировал только Виленский университет, который также заявлял уже о своих правах, в-третьих, акт передачи составлен двусмысленно, не предусматривал произошедших государственно-политических изменений… Так кому же передавать и на каком основании?

Дальнейшие перипетии

Дабы больше не связываться с сомнительным достоянием, Киевский университет вскоре передал библиотеку Хрептовича другому учебному заведению, оставив себе только рукописи. В свое время я просматривал их, сравнивая с описанием, сделанным в Щорсах еще в XIX веке Станиславом Пташицким, и пришел к выводу: многого уже нет, в частности, бумаг, касающихся Богдана Хмельницкого.

Не стало и значительного количества книг. На момент передачи в библиотеке насчитывалось около 5,5 тысяч изданий (около 7 тысяч томов), теперь же, после двух эвакуаций (в Саратов и Уфу), осталось около двух тысяч названий. Нынче они хранятся на Подоле, в здании возрожденной Киево-Могилянской академии. Член комиссии «Вяртанне» Анатолий Фурс дважды выезжал в Киев, чтобы познакомиться с тем, что сохранилось, написал о библиотеке несколько статей.

Теперь украинские коллеги в растерянности. Очевидных белорусских прав они полностью не отрицают, но ссылаются на отсутствие

MÉMOIRES
HISTORIQUES,
POLITIQUES ET MILITAIRES
SUR LA RUSSIE,
CONTENANT LES PRINCIPALES
Révolutions de cet Empire, & les Guerres des Russes contre les Turcs & les Tartares; avec un Supplément qui donne une idée du Militaire, de la Marine, du Commerce, &c. de ce vaste Empire.
PAR LE GÉNÉRAL DE MANSTEIN.
Nouvelle Édition, augmentée de Plans & de Cartes; avec la vie de l'Auteur.
TOME PREMIER.
A LYON,
Chez JEAN-MARIE BRUYSET, Impr. Libraire.
M. DCC. LXXII.
Avec Approbation & Privilège du Roi.
Ex Bibl. Joach. Com. Chreptowicz.

Единственная сохранившаяся в Беларуси книга из библиотеки Хрептовичей.

достаточных юридических оснований для возвращения, предлагают совместно составить и опубликовать научное описание щорсовского собрания. А может, и действительно, не теряя надежды на новые находки подлинных документов, пока считать дело всей жизни Иоахима Хрептовича совместным белорусско-украинским достоянием, как это сделано с библиотекой И. Хрептовича, современника и во многом единомышленника последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского, также хранящейся в Киеве.

Конечно, остается еще упование на добрую волю украинских властей. Но, как мне кажется, она в первую очередь должна быть проявлена в отношении Оршанского Евангелия конца XII — начала XIII века, находящегося сегодня в той же библиотеке Национальной академии наук Украины.

Подобрано в Орше на полу

…В ноябре 1812-го года помещик И. Мельяновский направлялся из Петербурга в Киев. Проезжая через разграбленную и сожженную французами Оршу, он все же, как и прежде, решился заехать на ночлег в Кутеинский мужской монастырь, только что переживший погром. На полу в храме гость заметил древнюю книгу с позолотой на досках-обложках и — прихватил ее с собой.

В Киеве Оршанское Евангелие нашло покупателя, сменило немало хозяев и, наконец, попало в музей рукописной и старопечатной книги при духовной семинарии. После революций 1917-го года раритет перекочевал в университетское хранилище.

Оршанское Евангелие, сегодня состоящее из 142-х печатных листов, имеет для нас несомненную духовную, научную и художественную ценность. Оно включает 310 мастерски исполненных буквиц-инициалов, миниатюры евангелистов Луки и Матфея. По мнению П. Батюшкова и Г. Кржижановского, текст памятника «отражает в себе особенности Белорусского наречия». Конечно, Оршанское Евангелие можно отнести к военным потерям — ведь И. Мельяновский поступил подобно наполеоновским солдатам… Но допустим мысль, что киевские покупатели книги могли и не знать о трагическом прошлом своего приобретения… Конечно, все эти суждения несколько субъективны. Поэтому приходится здесь надеяться не столько на безвозмездный возврат, сколько на проявление доброй воли соседей.

Судьба коллекции

Основная часть минских собраний Генрика Татура была перевезена во Львов к митрополиту Шептыцкому

В конце позапрошлого и начале прошлого столетий в Минске славился частный музей предводителя местного дворянства, неутомимого археолога Генрика Татура (1846 — 1907). Музей размещался на окраине города в двух деревянных домиках, почти недоступных для рядовых посетителей. «После его смерти, — говорится о Татуре в 18-томной «Беларускай Энцыклапедыі», — его собрания были проданы, многие вывезены за границу».

Но кому проданы и куда вывезены?

Здание Музея народного искусства. Львов.

По решению вдовы

Судьба коллекций первого минского музея, естественно, не могла не заинтересовать комиссию «Вяртанне» при Белорусском фонде культуры. Исследовать тему взялись историки искусства Юрий Пискун и Алексей Хадыка. Пискун выявил ряд документов, связанных с музеем. Хадыка побывал в львовском Музее украинского искусства (бывшем Львовском национальном музее и будущем его филиале) и описал хранящиеся там белорусские экспонаты, вывезенные, как свидетельствует одна из версий, из Минска или Вильно «за кордон», на территорию Австро-Венгрии, на обыкновенной крестьянской телеге (или телегах), прикрытой сверху строительным кирпичом. А чтобы «камуфляж» не вызвал сомнения, на границе «для пущей убедительности» его подкрепили золотыми монетами, перекочевавшими в карманы царских и австрийских стражей.

Как узнал из документов Юрий Пискун, вдова собирателя сначала разделила все экспонаты по меньшей мере на две части. Одну из них приобрел граф Тышкевич (из логойской ветви рода), перевезший сокровища в свое имение Красный двор (Раудонас дварас) за Вильно. Потом новый владелец будто бы предполагал передать эту часть будущему Виленскому польскому музею художеств и науки. А через Минского епископа вдова передала родовому городу Тышкевичей чудотворную икону Логойской Божьей Матери. Где теперь находится святыня — неизвестно.

Вторая часть — старопечатные издания и рукописи XVI—XVIII веков — предназначалась Российской академии наук. Об приобретении

этих изданий и рукописей ходатайствовал академик Алексей Шахматов, интересовавшийся белорусским языком и фольклором. Для знакомства с собранием Г. Татура в Минск направили специалиста В. Срезневского.

Вот что имелось в Минске…

2—4 апреля 1907-го года русский ученый осмотрел собрания только что ушедшего из жизни минского археолога и краеведа. В своем докладе Российской академии наук он написал: «Музей и библиотека Г. Х. Татура представляют собой (…) собрание картин и икон (две комнаты) и библиотеку (одна комната). Предметы музея Татура самые разнообразные. Здесь находим результаты его раскопок курганов (костяки, каменные орудия, различные украшения), древнепольские (очевидно, здесь путается Польша с Речью Посполитой. — А. М.) доспехи и оружие (например, лук Понятовского, шлем эпохи 30-летней войны, пороховница 1641-го года с инкрустацией на коже, громадный рыцарь на коне, закованный в панцирь, с гербом Радзивиллов на груди); знамена, обширное собрание антиминсов, церковная утварь, облачения, крест, пожалованный Сигизмундом I Логойскому костелу; коллекции слуцких поясов и тканей, монет, посуды, пуговиц, марок и проч.; библиотека (…), тут же карты в свитках, рисунки, альбомы (…).

Незадолго до смерти Татур начал приводить в порядок свое собрание, но смерть застала его в самом начале работы; приведенными в порядок (…) оказались только картины и иконы (…), библиотека Татура (как и все его собрание) посвящена преимущественно Белоруссии и только отчасти, в силу необходимости, Польше. Ее можно разделить на две главные части: книги и рукописи».

Далее В. Срезневский кратко охарактеризовал латинские и польские книги из собрания Г. Татура. Среди первых выделялись описания белорусских земель авторства Гваньини и Герберштерна, «грамматики и словари польские и литовские» (хотел бы я знать, что здесь имелось в виду под литовскими изданиями — не было ли там утерянного словаря белорусского наречия, составленного могилевским архиепископом Станиславом Богушем-Сестренцевичем?). Неизвестно также, что собой представляли «интересные издания, печатанные на польском и белорусском языках одновременно и попеременно».

Общее количество польских и латинских книг XVI—XVIII и начала XIX веков, по мнению В. Срезневского, «можно приблизительно определить цифрою 2000». Среди них имелись Литовский Статут 1588-го года, издания Виленского братства, филоматов, полемическая литература, «надгробные проповеди», календари XVII века с приписками пользователей.

Доклад Срезневского позволяет нам охарактеризовать рукописное собрание Г. Татура. Оно подразделялось на: «1) Рукописные книги и тетради и 2) грамоты и акты». Последние «надо считать тысячами». Были там и акты на пергаменте. Три документа русский ученый скопировал и передал в Российскую академию наук.

Из материалов, найденных и описанных Юрием Пискуном, мы узнаем, что, вернувшись в Петербург, 2 мая 1907-го года В. Срезневский выступил с докладом о собраниях Татура на заседании Историко-филологического отделения Российской академии наук. На закупки в Минске решили выделить одну тысячу рублей — сумму на те времена немалую, но и не такую уж большую. Однако до конца дело, похоже (надо проверить), не довели, так как до Петербурга дошли сведения, что граф Тышкевич закупил (дополнительно?) также книги и рукописи из минского собрания.

Что же случилось? Почему вдова Г. Татура изменила первоначальные решения?

«Сговор» трех археологов

И тут (а может быть, еще и раньше), кроме Минска, Логойска и Петербурга, к происходившему подключились Львов и Вильно. Пора познакомить читателя с двумя главными действующими лицами всей истории. Один из них — известный украинский профессор-славист Илларион Свентицкий (1876—1956). Это он организовал Львовский национальный музей (позже — Музей украинского искусства) и до своей смерти оставался его директором. И. Свентицкий (по мнению поэта Сергея Панизника, — Святицкий, ибо происходил из белорусского рода Святицких, хотя родился на Украине, в Буске) был большим другом белорусской культуры, написал книгу «Возрождение белорусского письменства» (1908). Второй — публицист, белорусский общественный и политический деятель Иван Луцкевич (1881—1919).

Обратим внимание на следующий немаловажный факт. Иван Луцкевич в 1904-м году окончил Петербургский археологический институт. Почти одновременно там учился и Свентицкий. Общие возрожденческие интересы не могли не содействовать их знакомству. Они, несомненно, виделись и во Львове, через который Луцкевич ездил, чтобы продолжить учебу, в Вену. А еще встречи обоих археологов с третьим, Генриком Татуром, могли (совпадает время) состояться в Минске, где некоторое время жил Луцкевич и через который, несомненно, пролегал путь Свентицкого из северной столицы.

В 1907-м году, когда развернулись главные для нас события, Татура уже не было. Но о его воле — сохранить музей в целости, — несо-

мненно, помнили. Правда, о том могла не знать недальновидная вдова, делавшая ставку на Тышкевича и Российскую академию наук. Но когда первый приобрел свою часть (скорее всего, археологическую), а вторая выделила всего тысячу рублей, руки у Луцкевича и Свентицкого оказались развязанными. Правда, необходимых денег у них тоже не было. Но тут нашелся меценат — львовский униатский митрополит Шептыцкий. Рождается идея о создании первого белорусского зарубежного («закордонного») музея. Митрополиту Шептыцкому все преподносится как привлекательный для него проект «музея Унии» (хотя экспонатов, связанных с историей униатства, в собраниях Татура было, прямо скажем, маловато).

Доказательства? Вот они!

Что оказалось во Львове

В фундаментальном львовском издании 1926-го года «Чверть століття на Митрополичному престолі» читаем: «Митрополит Шептыцкий, благодаря которому возник во Львове Украинский Национальный Музей, — сначала под видом музея церковного стремился по возможности полно собрать памятки Унии. Иван Луцкевич помогает ему в собирании этих памяток в Беларуси, где их немилосердно уничтожала российская власть (...). Сюда же — во Львов, благодаря щедрости митрополита, попадает большая часть белорусских памяток из коллекции минского археолога Татура после смерти последнего — когда сумасшедшая вдова уничтожала ненавистные ей вещи или распродавала их первому встречному. Разбрасывала то, что ее муж с таким пиететом собирал всю жизнь (...)» (с. 45).

Почему же Иван Луцкевич, искренний патриот, чьим именем в 1921-м году назвали Виленский белорусский музей, содействовал вывозу национальных ценностей за границу? Мне раньше неоднократно приходилось слышать версию: виленский собиратель вывез коллекции Татура во Львов лишь на временное хранение, с возвратом из депозита при более благоприятных обстоятельствах. Но если бы все происходило именно так, Антон Луцкевич, продолжатель дела брата в 1920—1930-е годы, постарался бы вернуть минские ценности в возглавляемый им же Виленский белорусский музей, тем более что в одном и том же государстве (Речи Посполитой) это было вполне реально. Распространяя подобное мнение, собеседники настаивали, чтобы комиссия «Вяртанне» хлопотала о возвращении коллекций Г. Татура из Львова в Минск.

Но в статье А. Луцкевича «Митрополит Шептыцкий и белорусское движение», помещенной в уже названном львовском сборнике 1926-го года, говорится о другом: мол, его брат содействовал передаче, фактически — продаже творений белорусского искусства во Львов, за пределы

Пояс.
Около 1760—1778 гг.
Слуцк. Мануфактура.
Львовский музей
украинского искусства.

Российской империи, чтобы уберечь собрание Татура от уничтожения либо раздела на части. Ведь создание Виленского белорусского музея в 1907-м году выглядело весьма проблематично, вернее, даже еще не ставился вопрос о нем.

Документы о том, что музейное собрание Г. Татура не передано в депозит, а куплено Львовским национальным музеем, найдены А. Хадыкой и опубликованы Ю. Пискуном («Вяртанне». Мінск, 1994. С. 17—19). Поскольку та публикация уже стала библиографической редкостью, а туманный «львовский след» долго считался, в том числе и мной, чуть ли не мифом, позволю себе процитировать наиболее существенные положения документа.

Благодаря доброжелательности украинских коллег теперь мы можем сослаться на «Книгу прироста церковного музея за № 2630 — 5916». Коллекция Татура, «приобретенная в Минске (за 7500 руб.)», зафиксирована там 15 февраля 1908-го года. Под номерами 3605—3617 фигурируют антиминсы, под номерами 3635—3649 — иконы на досках,

3666 — «пороховниця», уже известная нам по описанию Срезневского, затем идут кресты, чаши и так далее и так далее.

Белорусские экспонаты, скорее всего, из музея Татура, упоминаются в книгах поступлений львовского музея еще дважды: в декабре 1907-го года — как «закупно білоруськіх речей в Івана Луцкевіча», и 12 июня 1912-го года — как «білоруска збірка від Ексцеленціі Мітрополита Шептицького». В последнем случае, под номерами 12962—12971 и 12976, указаны пояса, преимущественно слуцкие, а также «комізелька детяча, малинова, срібло ткана, з слуцкоі материі», дорогие плащаницы.

Кроме первоначальных, в книгах поступлений указываются также более поздние номера, под которыми экспонаты передавались во Львовский национальный музей, а затем в Музей украинского искусства. Так что выявить сегодня ценности из минского музея Татура вроде бы не представляет особой трудности. Но...

«Говорить об этом не положено...»

О белорусских экспонатах в львовском музее я узнал впервые в 1965-м году от Владимира Короткевича. Услышав, что собираюсь туда в командировку, чтобы отбирать дубли редких книг для безвозмездной передачи их в белорусскую академическую библиотеку, писатель явился ко мне по-соседски, с кипой номеров журнала «Полымя», где только что напечатали его роман «Каласы пад сярпом тваім»: «Перадасі гэта Валадзіміру Лучуку, ёсць такі добры ўкраінскі хлопец, для перакладу. Бо па пошце пасылаць і доўга, і не танна. Папрасі ў яго як кампенсацыю, каб ён звадзіў цябе ў музей, у зборы мітрапаліта Шаптыцкага. Там, чуў ад многіх, ёсць нямала беларускіх абразоў, слуцкіх пасаў. Самому мне яшчэ не ўдалося вырвацца ў Львоў, каб пабачыць, то хоць ты раскажаш ці апішаш».

Однако во Львове оказалось, что Лучук уехал отдыхать на Волынь, и я, оставив журналы, отправился самостоятельно искать улицу Драгоманова. Под номером 42 на ней оказалось чудесное по своему внешнему виду здание Государственного музея украинского искусства, основанного, как свидетельствовал приобретенный путеводитель, в 1905-м году. В тот момент я не обратил на эту дату особого внимания, а теперь понимаю: минские события вокруг наследия Татура разворачивались как раз тогда, когда новому музею требовались солидные поступления.

Но в залах музея ничто не напомнило мне о Беларуси. Везде — украинские дореволюционные и советские художники.

Вместо ответа на мой вопрос о белорусских экспонатах дежурившая сотрудница позвала другую. Та испуганно сказала:

— А вы-то откуда это знаете?.. Говорить об этом не положено. Какие белорусы? Вы же видите: музей украинского искусства...

Во время следующей командировки во Львов я пошел в тот же музей уже с Владимиром Лучуком, у которого там был кто-то хорошо знакомый. Но и тот говорил уклончиво. И сегодня я его понимаю: ведь предмет разговора уж очень деликатный — и для украинцев, и для белорусов.

С. Ю. Жуковский. «Радостный май». 1912 г. Львовская картинная галерея.

Интересно, подумалось, а вот Сергею Панизнику, который четыре года учился во Львове на военного журналиста, удалось увидеть там белорусские ценности или нет? Звоню ему.

— Вядома, пабачыў, — отвечает тот с чувством явного превосходства. — Сама Вера Іларыёнаўна, дачка Іларыёна Свянціцкага, паказвала мне і слуцкія паясы, і абразы з Беларусі. Вадзіла ў сутарэнні музея, у запаснікі значыць. Потым дачка яе рабіла тое ж... Занатуй сабе таксама, што слуцкія паясы я бачыў не толькі ў Музеі ўкраінскага мастацтва, але і ў гістарычным музеі на Рынку. Таксама ў запасніках. Адкуль яно там узялося — не ведаю.

— І што? Так у запасніках ляжыць і цяпер?

— Не ведаю, браце. Даўно не быў у Львове. Зрэшты, а дзе ж яму ляжаць? Выстаўляцца ў залах як мастацтва ўкраінскае?

— Чаму ўкраінскае? Няхай ва ўкраінскім музеі будзе беларуская зала ці залы. Як задумвалася першапачаткова. З указаннем таго, што гэта калісьці закуплена, выратавана, можа, ад пагібелі. Што гэта цяпер нас не варагуе, а лучыць. Што такім чынам Беларусь прысутнічае ва Украіне... Бо іншага выхаду я не бачу.

— І я не бачу.

— Прывезлі б львавяне экспанаты з Татураўскага музея на выставу ў Мінск. Можа, што, кіруючыся добрай воляй, сімвалічна вярнулі б…

Белорусские залы

После разговора с Сергеем Панизником попросил сына поискать по львовским сайтам. Интересно, что в здании на улице Драгоманова теперь… Оказалось, там сегодня расположились два отдела — народного и современного искусства Львовского национального музея, размещенного на площади Свободы, 20. Год основания — тот же, 1905-й. Количество экспонатов перевалило за 100 тысяч. Но в короткой аннотации снова не нахожу ничего белорусского. Может, перевезли куда? На всякий случай звоню профессору Вячеславу Рагойше. Его жена, Татьяна Кобржицкая, львовянка родом, курирует в БГУ украинистическую группу студентов.

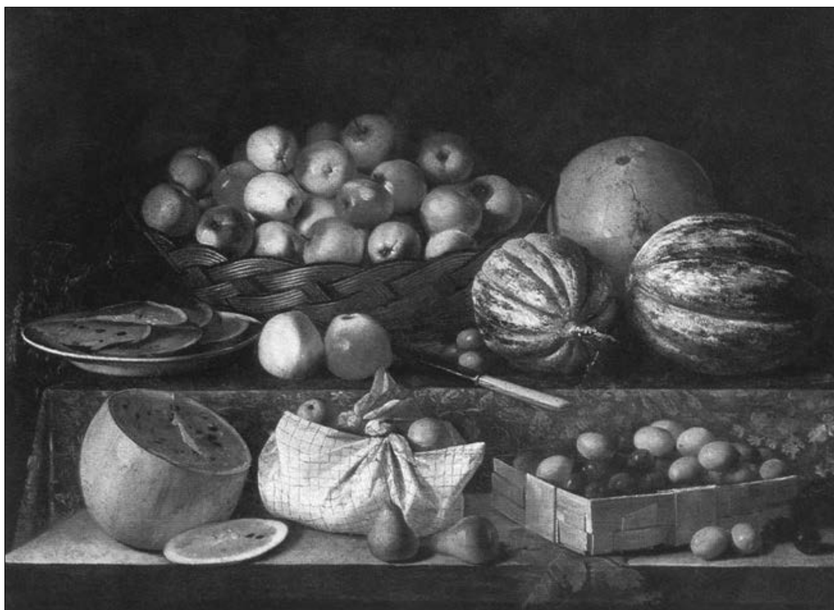
— Дзе ж яму быць? — Вячеслав Петрович отвечает вопросом на вопрос. — Па-ранейшаму, відаць, ляжыць патаемна ў падвале.

— Давай, глянем на ўсю праблему з другога боку. Пакольні, у адрозненне ад спрэчнай бібліятэкі Храптовічаў, калекцыі Татура не перададзены ўкраінцам, а прададзены, сёння ніякіх юрыдычных правоў мы не маем. Хіба што львавяне скажуць самі: нам гэта не патрэбна, бярыце сабе. Але такое мала верагодна. Тады што застаецца? Прапанаваць, каб яны праявілі добрую волю, арганізавалі адкрытую і даступную беларускую экспазіцыю?

— Цалкам падзяляю тваю думку. Гэта паслужыла б падтрымкай для беларускай дыяспары ў Львове. Яна даволі шматлікая і актыўная. У гэтым мы з жонкай пераканаліся, калі нам у Львове ўручалі Міжнародныя прэміі імя Івана Франка. Аднекуль жа даведаліся, дружна прыйшлі. Нашы львоўскія суайчыннікі свой бізнес маюць, газету выдаюць. Толькі збірацца ім няма дзе…

А вот статуи надо бы вернуть

Однажды, после того как вышел на экраны фильм «Дикая охота короля Стаха», Владимир Короткевич напомнил: «Запішы для камісіі “Вяртанне” такі факт. Калі рабілі фільм, ніяк не маглі выбраць беларускі замак, каля якога ўсё адбывалася. Нарэшце, нібы знайшлі — ажно на Украіне, у Алеску. Хоць замак там яўна іншы па архітэктуры, чым нашы… Дык вось, у замак той завезлі некалькі драўляных скульптураў з Наваградчыны. Узялі, ты ж ведаеш нашых кіношнікаў, у нейкім замкнутым касцёле — і адвезлі. А назад забраць не захацелі. “Каму яно трэба”, — казалі».

И. Т. Хруцкий. «Натюрморт». 1832 г. Одесский художественный музей.

Думается, на киностудии «Беларусьфильм» должны сохраниться документы, какие скульптуры и из какого костела изъяли и вывезли в Олесский замок. Возвращение их было бы с благодарностью встречено прихожанами.

И еще одно пожелание. Во львовских и многих других украинских музеях находятся картины белорусских художников. Скажем, во Львовской картинной галерее — «Радостный май» Станислава Жуковского, Одесском художественном музее — «Натюрморт» Ивана Хруцкого, Донецком областном художественном музее — «Ясные дни ранней весны» Витольда Бялыницкого-Бирули и так далее. Но в подписях они преимущественно значатся как русские художники. Замена табличек поможет засвидетельствовать места присутствия белорусской культуры за рубежом.

Жест доброй воли

Мысленное путешествие по украинским музейным и книжным хранилищам мне хотелось бы закончить на мажорной ноте. Поэтому напомню об одном проявлении доброй воли со стороны руководства соседней славянской державы. В июле 1995-го года во время визита в Минск президент Украины Леонид Кучма передал Национальному худо-

жественному музею Беларуси икону XVII века «Апостол». Как свидетельствуют инвентарные номера на ней, до Великой Отечественной войны произведение находилось в белорусских музейных фондах, во время войны было вывезено в Германию, откуда попало в Киево-Печерский государственный историко-культурный заповедник. Икона выделяется внушительными размерами (168х62х18). Переданный «Апостол» представляет собой значительную художественно-историческую ценность.

Член комиссии «Вяртанне» профессор Надежда Высоцкая утверждает: «Размеры иконы позволяют судить, что когда-то она находилась в деисусном чине одного из высоких иконостасов, которых в Беларуси почти не сохранилось. Аналогами здесь могут быть иконостасы Никольской церкви в Могилеве (1669) и Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве (1683—1686), созданного белорусскими мастерами. Сохранившиеся же иконы деисусного чина из Шерешево, Давид-Городка, Кожан-Городка, Ружан значительно меньше по размеру, что служит косвенным доказательством постепенного уменьшения иконостасов в Беларуси. Возвращенная икона «Апостол» исполнена на высоком профессиональном уровне и значительно пополняет наши представления об иконописи Беларуси XVII века».

Остается надеяться, что добрые традиции, заложенные бывшим руководством Украины и Национальной библиотекой Беларуси (передача в Киев библиотеки Петлюры), найдут свое достойное продолжение.

Портреты некоронованных королей Беларуси

Удастся ли возродить знаменитую Несвижскую картинную галерею Радзивиллов?

14 мая 2008-го года «СБ» опубликовала лаконичную заметку: «Портреты Радзивиллов из Польши будут экспонироваться в Несвижском замке. Работы предоставят, когда откроется первая очередь реконструируемого дворцово-паркового комплекса».

Но поскольку далеко не всем читателям известно, о каких портретах идет речь и как они оказались в Польше, автору этих строк, одновременно председателю общественной комиссии «Вяртанне» при Белорусском фонде культуры, посыпались вопросы: чьи портреты имеются в виду, сколько их и так далее. Пришлось поднять старые записи, вспомнить давние события.

Неборовские и варшавские сюрпризы

Во время одной из командировок в Польшу профессор Надежда Высоцкая, неизменный и, пожалуй, самый активный член комиссии «Вяртанне», посетила знаменитый дворцово-парковый комплекс в Неборове, принадлежавший в свое время польской ветви Радзивиллов. В одном из музейных залов ее внимание привлек портрет красивой величественной дамы в пышном платье и своеобразном венке, характерном для изображений несвижской школы художников. Подпись свидетельствовала: изображена легендарная Барбара Радзивилл, ставшая королевой Польши и княгиней Великого княжества Литовского, воспетая во многих произведениях белорусской, литовской и польской литератур. До войны портрет находился в Несвиже, а в 1940-м году вместе с другими ценностями был перевезен в Минск. Так как же он оказался в Неборове? А может, это только копия? Или подделка?

Оказалось: оригинал!

Вскоре в Национальном музее в Варшаве в поле зрения исследовательницы попало еще одно произведение — «Портрет Януша Радзивилла». Подпись информировала: «Поступил из Несвижа» в 1950-м году. Но в 1950-м году коллекции портретов в Несвиже уже давно не было. Там находился санаторий.

Поиски ответов продолжились в Минске. В архиве Музея истории Великой Отечественной войны нашлись документы, свидетельствующие, что действительно отсюда Польше передали 89 произведений из Несвижской картинной галереи. Основанием послужили решение Совета Министров Белорусской ССР от 5 июля 1950-го года и приемо-сдаточный акт от 13 августа. Переданы безвозмездно, без объяснений, без каких-либо условий. Дошла только глухая молва: все делалось по телефонному звонку будто бы самого президента ПНР Болеслава Берута в Москву.

Далее шел список «Наименование картин». В нем «поименно» перечислены 87 портретов, пояс, произведенный в Кобылке под Варшавой (по образцу слуцких), и «вышивка польская XVII века».

Поскольку список уже опубликован Н. Высоцкой в сборнике «Вяртанне 4» (Мінск, 1997), повторять его здесь не буду. Отмечу только несколько особенностей. Лишь где-то десятая часть изображенных на портретах лиц (короли Польши, духовенство) не имели прямого отношения к истории белорусских земель. Остальные — представители несвижской, наиболее динамичной ветви рода Радзивиллов, реализовавшихся как личности на территории Великого княжества Литовского. Польскому зрителю их имена говорили немного. Зато они — неотъемлемое достояние белорусской (и отчасти литовской) истории.

Барбара Радзивилл.

Таким образом, потаенная передача не диктовалась государственной или национальной необходимостью. Не преследовала и соблюдение имущественных интересов, поскольку портреты попали не в руки наследников прежних владельцев, а в государственные музеи ПНР. И наоборот, Беларусь лишилась огромнейших, я бы сказал знаковых, историко-культурных и материальных ценностей. Почему? Ответить на этот вопрос можно, только рассматривая его в историческом и шире — в национально-государственном контексте.

Начну издалека, оттолкнусь от лично виденного и слышанного.

Встреча с внуком Магдалены Радзивилл

До 80-х годов прошлого столетия магнаты меня, признаюсь, особенно не интересовали. Занимался я тогда преимущественно историей белорусской литературы, а поскольку, как мне тогда казалось (классовый подход действовал и на подсознательном уровне), элиты ВКЛ в ее развитии участвовали скорее отрицательно, к радзивилловскому Несвижу я относился как посетитель-турист. И тут — двухмесячная командировка в Лондон и Оксфорд для литературоведческих поисков... Следуя по следам архива Янки Лучины, возможно, вывезенного его родственниками в Англию, как-то позвонил культурологу Анджею Цехановецкому, автору исследования «Михал Казимир Огинский и его "усадьба муз" в Слониме» (позже оно вышло с моим предисловием в переводе с немецкого на белорусский язык). Мы встретились в его престижной частной галерее и долго говорили о белорусских элитах, к которым принадлежал и род Цехановецких, владевших имением Бочейково под Бешенковичами и много сделавших для культурного развития Витебщины. Представители этого рода — прямые наследники, пусть и по женской линии, князей Мстиславских и Заславских, поэтому пан Анджей полушутя говорил, что в случае чего он мог бы претендовать на белорусский престол. А уж Радзивиллы — те точно!

И вот спустя несколько дней после личного знакомства пан Анджей позвонил и сообщил: со мной хочет встретиться «экс-король Обеих Сицилий» и тема разговора будет для меня неожиданной. Любопытство пересилило все мои «советско-мужицкие» комплексы. Через несколько часов в той же художественной галерее навстречу мне вышел пожилой мужчина с печальными глазами аристократа в каком-нибудь двадцатом поколении. Спросил меня только об одном: помнят ли у нас, «в Бялоруси», что его бабушка Магдалена Радзивилл, умершая в Швейцарии, вкладывала деньги в народное дело — издание белорусских книг, что у себя, в Кухтичах под Несвижем («это ведь и ваша, и наша столица»), она говорила только на белорусском языке. Опираясь, как на спасательную доску, на воспоминания Павлины Мяделко, я промямлил: «О да, конечно, ей были благодарны и Максим Богданович, и Констанция Буйло...» Экс-короля это удовлетворило, и он уехал, умиротворенный, чтобы навестить в больнице своего дядю, экс-короля Италии, который, мол, тоже «знает о Несвиже и восторгается его собраниями, особенно коллекцией портретов».

В тот вечер у меня впервые зародилась мысль, поначалу несмелая: все же были и у нас свои элиты.

Несвижский замок.

О Несвиже — в Венеции

Шло время. Анджей Цехановецкий навестил землю своих предков и в знак благодарности передал в Музей древнебелорусского искусства при АН БССР четырехсторонний слуцкий пояс, наиболее богатый из всех, которые я видел. А также картину с видом Несвижа неизвестного мне австрийского художника начала XIX века. И прежде всего думал он не о своем Бочейкове, а о Несвиже. Когда в 1992-м году — сразу же после торжественного открытия мемориальной доски Ф. Скорине в Падуанском университете — в Венеции состоялась Первая белорусско-итальянская научная конференция «От Полоцка и Несвижа до Падуи и Венеции», пан Анджей, один из инициаторов и организаторов форума, выступил на нем с основным докладом — «Несвиж как европейский центр культуры».

Во время написания этой статьи я вновь перелистал сборник материалов названной конференции, ставший уже библиографической редкостью. И теперь ради исторической справедливости констатирую: именно Анджей Цехановецкий, ныне почетный доктор БГУ и доброго десятка других университетов мира, почетный гражданин Заславля, публично высказал конкретное, изложенное даже несколько категорично предложение: правительство независимой Беларуси должно безотлагательно обратиться в ЮНЕСКО с просьбой о присвоении несвижскому

Бюст Николаю Радзивиллу Сиротке в парке около замка.

монументальному комплексу «нулевой» классификации — за его художественную ценность, уникальную для Беларуси культурно-историческую значимость.

А через год тот же Анджей Цехановецкий решил ускорить ход событий. После состоявшегося в Минске «круглого стола», посвященного истории Великого княжества Литовского, он — опять инициатор и спонсор обсуждения — настоял на том, чтобы группа участников (а среди них такие величины, как председатель польской комиссии ЮНЕСКО профессор Ежи Клочовский, выдающийся итальянский славист профессор Санте Грачиоти) выехала в Несвиж дополнительно к программе. Затем блестяще выполнил там роль гида и, собрав перед отъездом ученых на замковом валу, взял с каждого обещание содействовать европейскому престижу Несвижа при каждой возможности.

Депозит на 99 лет

Еще позже Анджей Цехановецкий стал инициатором создания и почетным председателем смешанной белорусско-польской комиссии по вопросам культурного наследия. Работники двух министерств

Януш Радзивилл.

культуры каждый год собирались (и собираются) в Беларуси и Польше попеременно. Иногда из Лондона прилетал почетный председатель комиссии — и тогда дела шли живее. Пан Анджей подчеркивал: он одновременно принадлежит и польской, и белорусской культурам, поэтому постарается быть объективным, «решать по справедливости».

И вот к одному из заседаний комиссия «Вяртанне» подготовила материалы о 89 экспонатах Несвижской картинной галереи, переданных без всякой мотивации в 1950-м году польскому правительству. Сведения, помнится, произвели фурор. Председательствующий поставил вопрос прямо: надо возвращать! Но как? И куда? В Музей истории Великой Отечественной войны, откуда портреты были отгружены? Тогда вице-министр культуры Польши Тадеуш Поляк (кстати, наш земляк) нашел выход: «Если передавать, то только в возрожденный Несвиж, где портреты находились в течение столетий. Для начала — в депозит. Сроком, скажем, на 99 лет. А там видно будет».

...Что ж, путь от посева (обсуждения на смешанной комиссии) до жатвы, предвестником которой стала информация в «СБ», долог и труден. Но раньше или позже брошенное в почву зерно прорастает.

И главное. Насколько мне известно, старания А. Цехановецкого и Е. Клочовского получили широкий резонанс среди европейской аристократии, в том числе представителей рода Радзивиллов, работающих в ЮНЕСКО. Они содействовали ходатайствам нашего Правительства о присуждении Миру и Несвижу статуса мировых культурных ценностей нулевого класса.

Без отступления не обойтись

Вторым представителем рода Радзивиллов, с кем меня свел интерес к нашему культурному наследию, стала княгиня Эльжбета Томашевская, дочь довоенного владельца Несвижа Альбрехта («Аббы») Радзивилла. Вместе с мужем Яном Томашевским, бывшим до войны послом Польши в Португалии, она жила в довольно престижном районе западного Лондона.

Нас свел случай. Когда в 1993-м году для продолжения поисков я опять полетел на туманный Альбион, профессор Лондонского университета Джим Дингли (кстати, обладатель медали Франциска Скорины) сказал, что со мной хочет встретиться граф Ксаверий Пусловский, сын владельца имения Альбертин под Слонимом, где существовала и ныне действует известная бумажная фабрика. Поехали вместе. Хозяин обрадовался нам, начал рассказывать всякие интересные истории. Но телефонный звонок прервал беседу. Мое внимание привлекли две фразы (диалог велся на польском языке). Передаю их смысл по памяти: «Дорогая Эльжбета, здесь у меня сидит профессор из Беларуси Адам Мальдис, который занимается культурой, в том числе и аристократической. На твоем месте я пригласил бы его на обед...»

Приглашение последовало тут же.

Но прежде чем перейти к встрече, состоявшейся на следующий день, хочу рассказать о поучительной для нас истории, случившейся с фабрикой Пусловских в Слониме. Ради этого и задумывалось знакомство в скромной, но уютной графской квартире.

...Перед самой войной отец графа Ксаверия закупил в Австрии очень дорогое (порядка миллиона долларов) оборудование для своей бумажной фабрики в Альбертине. Немцы во время оккупации «раскурочили» машину, изъяв из нее все латунные и медные части. Поскольку сохранились документы, Ксаверий Пусловский мог как наследник, живущий в Великобритании, получить крупную сумму компенсации. Но для этого требовались нотариально заверенные свидетельства очевидцев выведения из строя машины.

Тут же хозяин познакомил меня с племянницей, тогда женой испанского посла в Финляндии и Эстонии. Вскоре она приехала с мужем и троими детьми, дабы показать им прародину. В Альбертине состоялся заинтересованный разговор с руководством фабрики. Нашелся инже-

нер, помнивший всю историю. Представительница графа заявила, что половину суммы полученной компенсации ее дядя передал бы на социально-культурные нужды альбертинцев (потом обещания подкрепились личным письмом на имя коллектива фабрики). Директор предприятия посулил всяческое содействие. Но… на том все и заглохло. Кто-то побоялся, что деньги Пусловских автоматически сделали бы фабрику… собственностью прежних владельцев. В итоге проиграли все.

«Радзіваліха прыехала…»

Однако пора вернуться к Радзивиллам. Назавтра я долго добирался в метро до станции Ист Эктон, где меня уже ждала в машине удивительно подвижная для своего возраста княгиня. Ехать пришлось метров триста, но планку рода приходилось держать даже при скромном имущественном положении.

Разговор начался с обвинений:

— Вы, большевики, отобрали у нас Несвиж, разграбили имущество, такую великолепную картинную галерею. Теперь придется вам все возвращать нам.

— Помилуйте, княгиня, нынешнее Правительство, независимая Беларусь, не может нести ответственность за сделанное другим государством, сталинской властью. Да и кому — «нам»? Насколько я знаю, у Радзивиллов действовало очень разумное право майората: чтобы не дробить имущество, не порождать конфликты, вся собственность по наследию переходила в руки старшего сына или старшего мужчины в роду. Именно это позволило Радзивиллам сконцентрировать несметные богатства. Теперь, знаю, такие права — у Антония Радзивилла, живущего где-то недалеко от Лондона, но и они сегодня чисто номинальные, этикетные. В той же Польше, на которую вы ссылаетесь, магнатские латифундии, скажем, Неборов, остаются в руках государства.

— Где же тогда справедливость?

— А где же тогда логика? Допустим, произойдет чудо и вам лично вернут Несвиж. Что вы с ним сделаете? Реставрируете замок, возродите музей? Это сегодня по плечу только государству.

— А нам тогда что остается?

— А вам остается содействовать, помогать. Именно таких взглядов придерживается Антоний Радзивилл. Кстати, я переписываюсь с ним.

Почувствовав, что жена перебрала в эмоциях и я собираюсь уходить, Ян Томашевский дипломатично напомнил:

— Эльжбетку, а обяд?

Чтобы вернуть позиции, княгиня несколько нервно бросилась в соседнюю комнату и принесла мне свои главные козыри — четыре

довоенных несвижских альбома с фотографиями интерьеров замка, музейных экспозиций. На них видно, как висели знаменитые портреты, как выглядел, скажем, зал с охотничьими трофеями. У меня екнуло сердце: это же ценнейшее подспорье для будущих реставраторов. Но как к нему подступиться?

Кароль Радзивилл, он же — Пане Коханку.

Во время обеда, после тоста Яна Томашевского за конструктивные взаимоотношения, обдумав ситуацию, я спросил у хозяев напрямик:

— Уважаемым сударям хочется увидеть Несвиж?

— Безусловно! Это же наши молодые, золотые годы!

— Международная ассоциация белорусистов, есть такая общественная организация, а также комиссия «Вяртанне» могут пригласить вас в Беларусь с пятидневным отдыхом в несвижском санатории. Пребывание оплатят наши благотворители. Но только с одним условием. Вы берете с собой альбомы и разрешаете нашему государственному архиву сделать копии фотографий. При использовании в печати ссылка на вас обязательна.

Вскоре господа Томашевские прибыли в Минск. Работники архива кинофотофонодокументов в Дзержинске сделали по два экземпляра копий.

И вот руководитель фирмы «Аднова», главный спонсор всего проекта Алексей Кудрейко мчит нас на своей машине в Несвиж. Хотя несколько не по пути, но все же не могли мы не заехать в Новогрудок на открытие памятника Адаму Мицкевичу. Работа Валериана Янушкевича гостям очень понравилась (позже, увидев фотографию памятника, Ксаверий Пусловский даже назвал его вторым по красоте в мире...)

Перед отъездом посетили стихийный «кірмаш» на центральной площади города. Собравшиеся жители окрестных деревень по-крестьянски угощались на подводах и около них. Увидев красочное, знакомое с детства зрелище, княгиня пошла по рядам, оставив нас в машине. Быстро распространился слух: «Радзівіліха прыехала!» И гостью стали наперебой угощать копченостями, чаркой самодельного питья... Вернулась госпожа Эльжбета с большим куском пирога, раскрепощенная, умиротворенная. Может быть, поэтому она, когда мы подъезжали к Несвижскому замку, беззаботно махнула рукой (очевидно, основываясь на семейные предания) в сторону левого пруда: «Наши сокровища, статуи апостолов находятся где-то там...»

Интерьер библиотеки. Видно размещение портретов. Фото из альбома Э. Томашевской.

И мне вспомнилась фотография, сделанная над замком с вертолета: через левый пруд шла отчетливая полоса. Не след ли подземного хода?

А в санатории главный врач встретил гостей торжественным обедом. Им отвели большую комнату, назначили оздоровительные процедуры.

Накануне отлета домой Томашевские побывали в Национальном художественном музее. Княгиня с радостью узнавала портреты из Несвижской галереи. Многие, безымянные, были снова идентифицированы. Исправлялись неточные подписи. Ради одного этого стоило реализовывать проект.

...И приехал сам ординат

Вслед за Томашевскими в Несвиже побывал, притом дважды, очередной по счету его ординат (единственный легитимный наследник) Антоний Радзивилл в сопровождении жены Ружи и двоих сыновей. Ординат, в отличие от княгини Эльжбеты, трезво смотрел на ситуацию: историю нельзя повернуть вспять. Наследники рода Радзивиллов должны заниматься не «идеями фикс», а реальными планами помощи Несвижу, его возрождению как историко-культурного, туристического центра. Вот и он, работающий в системе «Шелл», мог бы содействовать тому, чтобы вокруг города появилась сеть автозаправочных станций с недорогим и хорошим обслуживанием.

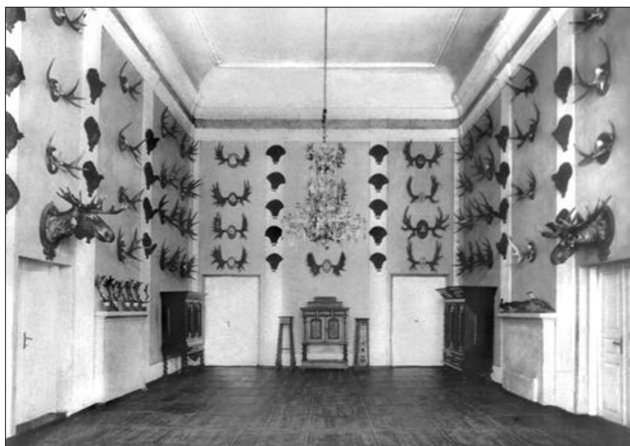
В первый свой приезд Антоний Радзивилл присутствовал на международной научной конференции «Несвиж: история, культура, искусство». Воодушевленный выступлением Анджея Цехановецкого в Венеции, я развил и аргументировал его высказывания в докладе «Несвиж как общеевропейская историко-художественная ценность».

Столичные города, как и государства, как и народы, переживают периоды подъема и упадка. В период феодальной раздробленности столицами белорусских земель становились Полоцк, Туров, Гродно. Затем объединительную роль играли Новогрудок, Вильно. Но уже с конца XVI века, с образованием Несвижского княжества и Радзивилловской ординации, с обновлением города, предпринятым реформатором и просветителем Николаем Криштофом Радзивиллом Сироткой (1549–1616), Несвиж начал соперничать с Вильно, противостоять ему, а потом даже и Варшаве. По существу, он превратился в некоронованную, но могущественную державу в державе – со своей внутренней и внешней политикой, финансами, армией, порой более могущественной, чем армия всей Речи Посполитой. Недаром последнему польскому королю Станиславу Августу Понятовскому пришлось согласиться на унизительный визит в Несвиж в 1784-м году и сказать свое первое стихотворное поздравление в замке на белорусском (!) языке. В конце XVI–XVIII столетиях город представлял собой динамичный административный, торговый, культурный и религиозный центр, влияние которого распространялось почти на всю территорию ВКЛ. Благодаря активному взаимодействию на этническом и международном уровнях в Несвиже тогда формировалось то наследие, которое сегодня стало не только общебелорусской, но и общеевропейской ценностью.

И конечно же, сами Радзивиллы были хотя и разные, как внешне, так и характерами, но всегда большие труженики: созидатели, строители и просветители. Николай Черный и его сын Николай Криштоф Сиротка, создательница первого на территории Беларуси придворного театра Франтишка Уршуля, авантюрный, но серьезно думающий о суверенной власти Кароль Станислав по прозвищу Пане Коханку, скромный мемуарист Михал Казимир Рыбонька, жестокий самодур Флориан, относящийся уже к слуцкой ветви, и десятки других личностей, запечатленных на портретах.

Антоний Радзивилл, почти все понимавший по-белорусски и по-русски, внимательно, с интересом слушал, что говорили докладчики. Чаще всего соглашался с ними, дополнял. Но, случалось, и спорил. Ему не нравилось, когда Радзивиллов считали либо белорусами, либо поляками, противопоставляя одно другому. Да, говорил он (и здесь его утверждения созвучны мыслям А. Цехановецкого), Радзивиллы тесно связаны с польской культурой, но они впитывали в себя также местные традиции – этнических белорусских, украинских, литовских земель. А существовала ведь еще берлинская ветвь рода. Кроме того, Радзивиллы жили и живут во Франции, Великобритании. Это люди европейской культуры.

Связи с Беларусью Антоний Радзивилл не прекращал до последних дней своей жизни. Когда в 1995-м году появился фонд «Несвиж», он с благодарностью принял предложение стать его почетным председате-

Интерьер охотничьего зала. Фото из альбома Э. Томашевской.

лем. Давал ценные советы. Предвидя свою кончину, завещал, чтобы его прах упокоили в крипте (подземелье) Несвижского фарного костела, кстати, имеющей лишь два аналога во всей Европе.

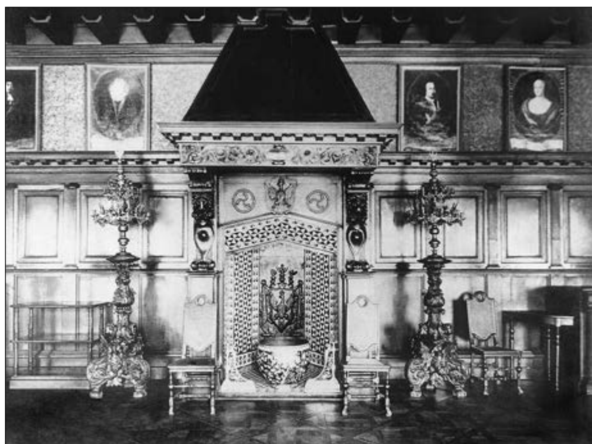
Волю князя исполнили. На траурной церемонии в Несвиже присутствовали представители белорусского Правительства, дипломаты, духовенство, интеллигенция. Прилетел Анджей Цехановецкий (в коляске из-за происшествия в Риме), по-прежнему полный разных замыслов.

После поминального стола мне удалось перекинуться несколькими словами с сыном Антония Мартином Радзивиллом. Он сообщил, что собирается переселиться в Варшаву, поближе к земле предков, что останется верен заветам отца. Теперь мы обмениваемся праздничными поздравлениями. Иногда я посылаю в Варшаву вырезки материалов из белорусской прессы, касающихся Несвижа и Радзивиллов. От комментариев очередной ординат предпочитает воздерживаться, очевидно, полагая, что это может расцениваться как вмешательство в наши дела.

И опять о несвижских собраниях

На каждой из научных конференций, деловых и частных встреч неизменно подчеркивалось: не меньшую ценность, чем сам замок, фарный костел и парки, представляют собой несвижские музейные, библиотечные и архивные собрания. Начало им положили частные коллекции князя-путешественника Николая Криштофа Сиротки. По существу дела, то был первый музей на белорусских землях.

Из всех несвижских собраний на сегодняшний день лучше всего упорядочены архивные сборы. Они тоже разбросаны военными собы-

Интерьер парадного зала. Фото из альбома Э. Томашевской.

тиями по разным странам и городам. Значительные их части оказались в Германии, Литве, Польше, России, где остаются и поныне. Тем не менее они наиболее «возвращены», наиболее доступны для исследователей благодаря электронным информационным средствам. Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Беларуси под руководством Владимира Адамушко провел огромную работу по виртуальному объединению огромнейшего (сюда входит и так называемая Литовская метрика — государственный архив ВКЛ) рукописного собрания документов рода Радзивиллов. Некоторые архивные описания опубликованы в сборниках «Вяртанне», других изданиях.

Труднее — с библиотекой. Книги из Несвижского замка вывозились во время каждой из войн, прокатившихся по белорусской земле. Часть их оказалась даже в Финляндии (она как раз лучше других описана). Конечно, книги опознавали по экслибрисам, исследовали. Но до издания общего каталога (за это нелегкое дело взялась Центральная библиотека Национальной академии наук Беларуси) еще далековато.

Сложнее всего с музейными ценностями. Их грабят и присваивают в первую очередь. Кто конкретно? Не буду перечислять всех варваров поименно, отошлю читателя к богатой специальной литературе, в которой выделяются книги Александра Гужаловского и статьи Алексея Ненадовца. Скажу только несколько слов о фигурах двенадцати апостолов. По моему мнению, они не золотые, а серебряные, только позолоченные. И последний шанс найти их связан как раз с тем прудом, на который указала госпожа Томашевская. Потаенный ход, вход в который взорвали в 1812 году, должен был вести не за замковый вал (в самые руки врага, что ли?), а гораздо дальше — за один из прудов, в лесные заросли. С другой стороны, он не мог продолжаться до самого Мира,

как утверждают некоторые фантазеры, принявшие по показаниям приборов естественные земельные пустоты на глубине 10—12 километров за искусственные коридоры.

Если начинать — так с каталога

Итак, приведем все в более или менее стройную логическую систему. Наиболее ценные в несвижских собраниях — музейные коллекции, а в них — картинная галерея, собравшая немало произведений живописи и графики из разных стран. Ну а в галерее главное — портреты. В свою очередь, они делятся на портреты королей (преимущественно польских) и представителей несвижской ветви Радзивиллов. Портреты королей, часто имеющиеся во многих копиях, не являлись и не являются, так сказать, брэндом Несвижа, поэтому в крайнем случае могут быть использованы для обмена. На конференциях и во время бесед, о которых шла речь выше, все соглашались: как зерно в орехе, наиболее ценны, неповторимы в несвижских собраниях как раз изображения Радзивиллов. Это цельная коллекция, которая продуманно пополнялась на протяжении более двух столетий. Я не знаю, существовали ли аналогичные коллекции в иных европейских элитных «гнездах».

Сколько было портретов? Инвентари разных лет дают различные цифры: в 1779-м году — 989 (!), в 1857-м году — уже только 211, в 1928-м году — 256 (реальных —156).

Сколько же из них дошло до нашего времени? Боюсь, точный ответ пока невозможен. Надежда Высоцкая совершила научный подвиг, выявив и опубликовав («Вяртанне 7». Мінск, 2002 г.) три каталога: описание 1928-го года (оно найдено в киевском архиве), список 1940—1941-х годов, обнаруженный среди бумаг ЦК КПБ, и инвентарь XVII века, находящийся в Главном архиве древних актов в Варшаве. Так что основа для создания сводного каталога имеется. Н. Высоцкая начала идентификацию портретов. Но работа идет тяжело, требует дальнейших поисков, коллективных усилий. Каждый из источников порождает новые вопросы. Например, в каталоге Несвижской коллекции 1928-го года из 156 названных произведений сегодня в Беларуси наличествует только 15 портретов. А где остальные?

Есть загадки и в списке ценностей, переданных в 1950-м году Польше. Считается, что все названные в нем портреты во время оккупации вывезли в Германию, а потом вернули в двух вагонах, прибывших после войны из Берлина в Минск. Но, как видно из материалов, предоставленных комиссии «Вяртанне» главным экспертом отдела реституции культурных ценностей Министерства культуры Российской Федерации Николаем Никандровым, в вагонах находилось лишь с полсотни радзивилловских

Врутренний двор замка. Бросается в глаза отсутствие деревьев, корни которых разрушали бы фундаменты. Фото из альбома Э. Томашевской.

портретов. Откуда взялись остальные? Ответ на этот вопрос приобретает особый смысл в связи с тем, что зафиксированы рассказы, в соответствии с которыми сотрудницы Музея истории Великой Отечественной войны, готовившие портреты к отправке, из патриотических побуждений прятали их, подменяли находящиеся в лучшем состоянии худшими.

Но подготовка сводного каталога портретов — только часть проблемы. Есть и другие аспекты, не менее важные.

Коль у себя согласья нет

Сегодня часть радзивилловских портретов, имеющихся в Беларуси, хранится в Национальном художественном музее, часть — в Национальном музее истории и культуры Беларуси. Это неправильно: в Несвиже они находились вместе. Да и идентификации, реставрации такой подход не содействует, к тому же вызывает вопросы. Скажем, польские коллеги вопрошают: «Как мы будем вам что-то возвращать или предоставлять в депозит, если вы между собой не можете договориться?»

Учитывая важность проблемы, комиссия «Вяртанне» два года назад обсудила ее на специальном заседании. Присутствующие высказались за то, чтобы все портреты передать в музей художественный, тем более, что ему же придется заниматься наполнением музейной части Несвижского замка. Решение комиссии направили в Министерство культуры, но ниче-

Внутренний двор замка. Репродукция открытки 1980 года.

го пока не изменилось. Противники объединения в единую коллекцию в кулуарах утверждают: мол, нет особого смысла, поскольку в Несвиже будут выставляться копии, оригиналы же останутся в Минске, у прежних хозяев. Но тогда возникнет полная дискредитация важнейшего государственного проекта. Портреты должны находиться (конечно, под хорошей охраной) в Несвиже. В противном случае никто нам ничего не вернет, не предоставит в депозит. А копии? Вряд ли стоит тратить на них средства.

Фонд все-таки нужен

По моему глубокому убеждению, реставрация Несвижского замка шла бы легче, если бы государству помогал международный общественный фонд. В 90-е годы прошлого столетия он начинал успешно действовать, а потом неожиданно прекратил свою работу. И никто, у кого я ни спрашивал, не смог объяснить почему. Между тем, если бы существовал такой фонд, способный организовать не только дополнительные материальные поступления (к примеру, от торговых предприятий и заводов, использующих брэнды «Радзивилловский» и «Радзивилл»), но и широкое общественное мнение, авторитетное независимое консультирование, может, не случилось бы то, что случилось. Имею в виду разборку до фундамента галереи между зданиями дворца. С болью в сердце смотрел я на фотографии соде-

янного. Еще с большей болью читал злорадствующие подписи: ну вот, допрыгались, какая уж будет теперь аутентичность... Допускаю мысль, что галерея действительно не поддавалась реставрации. Ведь и в давние времена случались авральные стройки, недостаточный контроль, некачественные материалы, и раньше объекты делились на главные и второстепенные. Но принимать решение и тем более разбирать галерею надо было после авторитетной и, главное, независимой, гласной экспертизы.

И наконец — о главном

В моем представлении Несвиж — визитная карточка Беларуси. Это и государственная резиденция, где принимаются самые высокие гости, подписываются самые важные межгосударственные документы, и одновременно музей с собранием исторических и культурных ценностей времен Радзивиллов, некоронованных королей наших земель. Это же рекреационно-туристический центр, имеющий не только национальное, но и европейское значение. Одним словом, второе или третье (после Полоцка) сердце страны.

Поэтому я поддерживаю решение сократить сроки реставрации дворцово-паркового ансамбля Несвижа, закончить работы до мая 2010 года. Раскрытые крыши, оголенные стены ведут к разрушению здания. Отдаленные сроки расслабляют работников. Но напомню: Радзивиллы брали на работу мастеров, которые делали свое дело быстро и качественно.

Что касается Несвижской картинной галереи, верю: ее можно восстановить, пусть и в неполном виде, при активном содействии нашей и зарубежной общественности.

Вывезено за Буг

О белорусских материальных и духовных ценностях, оказавшихся в Польше

В каждую из моих четырех научных командировок в Краков я шел к окруженному деревьями двухэтажному дому № 12 по улице Июльского Манифеста (теперь название, очевидно, изменилось), где над входом была надпись на латинском языке: «Monumentis Patriae naveracio erceptis» («Отечественным реликвиям, спасенным в исторической буре»). Ниже: «Национальный музей, филиал имени Эмерика Гуттен-Чапского». А над входом в соседний дом под номером 10 было выписано: «Собрания имени графов Гуттен-Чапских».

Я знал, что в этих зданиях находятся огромные музейные сокровища, перевезенные в Краков летом 1894-го года из деревни Станьково, теперь Дзержинского района на Минщине. Прежде всего хотелось просмотреть старобелорусские книжные издания, приобретенные коллекционером от Юльяна Бергеля из Слуцка (за этими раритетами я постоянно охотился). Но каждый раз мне вежливо отказывали: идет реорганизация, экспозиция пока не готова и так далее. Позже я понял, почему отношение к посетителям из Беларуси здесь было совершенно иным, чем в других краковских музеях и библиотеках.

Кто такие Гуттен-Чапские?

Графский род Чапских (Гуттен-Чапских) герба Лелива происходил из Пруссии. Имения его находились в Австрии, Германии, Польше, Украине. На белорусских землях Чапские появились примерно в 1526-м году. Здесь им принадлежали Станьково, Прилуки и Негорелое в Минском, Нарушевцы в Новогрудском, Ляховичи в Слуцком уездах.

Чапские состояли в своячестве со многими знатными, даже королевскими родами. Недаром Мария Чапская, внучка Эмерика, владельца Станьково, назвала свою книгу воспоминаний «Европа в семье» (1970).

Не могли они не быть в близком родстве и с несвижскими Радзивиллами. Франтишек Станислав Костка Чапский в 1772-м году женился на княжне Веронике Радзивилл, дочери одного из представителей магнатского рода по прозвищу Рыбонька, женщине смелой, участвовавшей с саблей в руках в боях под Слонимом. Ее приданым как раз и было Станьково вместе с Вязанью и другими окрестными деревнями. А Кароль Чапский, сын Франтишка Станислава Костки, служил камергером у последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского, потом избирался маршалком шляхты Минского уезда.

Чиновник, собиратель, ученый

Самым известным представителем элитного рода Гуттен-Чапских являлся Эмерик, сын Кароля (потом, став царским чиновником, начал именовать себя Карловичем). Родился он в Станьково почти 180 лет назад, 5 (17) ноября 1828-го года. Учился в Виленской гимназии, где у него зародился интерес к истории, коллекционированию. Белорусский писатель, этнограф и тоже собиратель Александр Ельский писал потом о нем в некрологе: «Являясь еще учеником в Вильно, он начал с энтузиаз-

Эмерик Гуттен-Чапский.

мом собирать монеты и копаться в старых отечественных книгах, чему весьма способствовали домашнее окружение... а также основательное знание многих языков». Биографы подчеркивали, что среди этих языков были «литовский и белорусский».

Окончив со степенью кандидата естествоведческих наук Московский университет и почти сразу став членом научного Русского археологического общества (1851), Эмерик Чапский пошел служить в Министерство внутренних дел, ездил с инспекциями по стране. В Харьковском университете его внимание привлек нумизматический кабинет, перевезенный туда из... Несвижа после бескровного взятия города в 1812-м году российскими войсками: генерал Тормасов решил, что имеет право взять с Радзивиллов контрибуцию, и переправил ее в свои родные места. Нашего соотечественника, конечно же, охватил, как бы мы сегодня сказали, зуд «возвращения». «Я отыскал здесь, — писал он своей жене, — четыре великолепные монеты, за которые должен прислать (свои) дублеты из Петербурга».

Карьера нашего соотечественника стремительно шла вверх. На некоторое время он поверил в либеральные обещания нового царя Александра II. Поэтому в 1863-м году, в разгар восстания на его родине, дал согласие стать губернатором в Новгороде Великом, затем — вице-губернатором в Петербурге, где получил несколько наград. Самой высокой ступенькой по служебной лестнице стало директорство в лесном департаменте министерства государственных имуществ. Но там усилилось разочарование в царской политике. Формально Чапский просил отпустить его в отставку «по семейным делам». На самом же деле, как

Эльжбета и Эмерик Чапские. 1895 г.

вспоминал потом его внук Эмерик Чапский-младший, живший в Италии, настоящей причиной послужила ссора с царем, разразившаяся после того, как монарх начал раздавать своим доверенным придворным леса для вырубки и вывоза за границу.

Вернувшись в 1879-м году в Станьково, Эмерик Чапский-старший не унывал. Увлеченно пополнял во время путешествий по стране и Западной Европе свои коллекции, особенно нумизматические, для которых построил специальную сокровищницу — «скарбчик», который сохранился до наших дней. Несколько комнат во дворце заняла богатейшая библиотека, дубовые шкафы для нее сделал местный столяр Пикулик. В большом сейфе хранились драгоценности. Началась большая работа по описанию музейных собраний, составлению и изданию каталогов монет — сначала России, а потом Речи Посполитой. Научные труды Чапского отметило большой серебряной медалью Русское археологическое общество. Успешно выполнялись им общественные обязанности мирового посредника Минского уезда.

Почему Краков?

И вдруг, совершенно неожиданно для большинства родственников и знакомых, Эмерик Чапский решил перевезти музейные собрания в Краков, древнюю столицу Польши, находившуюся тогда в Галиции, на территории Австро-Венгерской монархии, — там, мол, они будут более востребованны посетителями, учеными. На самом же деле этому шагу

Усадьба Чапских в Станьково. Сокровищница. Рисунок Наполеона Орды.

предшествовали долгие и продуманные приготовления. Заблаговременно граф разделил свое имение, значительно увеличенное за счет прикупленных земель, между сыновьями. Затем было участие в большой выставке «Древнее и новое искусство применительно к промышленности», организованной в Варшаве в конце 1889-го года (думаю, тут не обошлось без содействия вице-президента выставки Михала Радзивилла). Экспонаты, привезенные из Станьково, впечатляли. Выставлялись 409 польских монет и медалей от короля Сигизмунда Старого до Станислава Августа Понятовского, 69 орденов и других знаков отличия, доспехи XVI—XVII веков, украшенные драгоценными металлами и камнями, древние седла, два серебряных бокала с изображениями короля Яна III Собесского и Михала Корибута Вишневецкого. Выставленные редкости вызвали резонанс в прессе, задавшейся вопросом: что же еще хранится в стенах станьковской сокровищницы? Ее хозяин был отмечен дипломом.

Однако экспонаты своего музея Чапский все же решил передать не в Варшаву, а в Краков, находившийся за пределами Российской империи. Делалось все несколько втайне. Был запущен слух, что Чапские переезжают жить в Краков «для спасения здоровья». В центре города на улице Вольской купили и переоборудовали двухэтажное здание, построенное в 1884-м году в стиле неоклассицизма, где станьковские коллекции находятся и сегодня. В 1894-м году их перевезли через Вильно

и Варшаву в Краков. Препон бывшему царскому сановнику не чинили — в конце концов, то была его собственность.

А почему выбран именно Краков, а не Львов, не Вильно, не другой город? Очевидно, потому, что во второй половине XIX века он стал своеобразным научно-культурным центром не только польских территорий, но и всех земель бывшей Речи Посполитой. Ведь там, в более либеральных условиях, чем в Варшаве и Вильно, действовал знаменитый Ягеллонский университет, только что организовалась своя Академия наук, издавались исторические и этнографические журналы, где печатались авторы из Беларуси. Недаром именно там вышли первые книги Франтишка Богушевича «Дудка беларуская» и «Тралялёначка». В Кракове как раз начала формироваться сеть музеев (значительную роль здесь сыграл уроженец Могилевщины Адам Киркор), сюда из Парижа переселился и стал открытым для публики музей Чарторийских с множеством экспонатов с Могилевщины, где были имения этого рода. Сюда привезли в подарок раритеты из своих собраний Франтишек Богушевич и Александр Ельский (хорошо бы установить, что именно). Все это создало Кракову интеллектуально-патриотическую ауру, которая не могла не воздействовать на станьковского собирателя.

Свидетельствует Мария Коцуева

Что же перевезли с Минщины в Галицию? Частично ответ дает краковская газета Czas («Время») в номере за 8 января 1895-го года, где о коллекциях Чапского говорится следующее: «Сокровища будущего музея находятся в нашем городе, они прибыли из Вильно в 134 (!) ящиках в шести (!) вагонах. В них находились нумизматика, медальоны, раковины, старый фарфор, древнее оружие, старая гданьская мебель, ценная библиотека, включающая многочисленные экземпляры вывезенной (из Варшавы. — А.М.) в Петербург библиотеки Залуских, наконец, геологическая и минералогическая коллекции, которые могут считаться самыми большими в Европе… Начиная с субботы, работники фирмы г. Боянского переносят все это во временный склад, пока не передадут на пользу общества в музей имени графа Эмерика Чапского».

Более профессионально и подробно собрания краковского музея Чапских описываются в книге Марии Коцуевой «Отечественным реликвиям, спасенным в исторической буре. Музей Эмерика Гуттен-Чапского (Станьково — Краков)» (1978), которую стоило бы перевести на белорусский язык. Каждому из отделов музея в этой иллюстрированной монографии посвящен специальный раздел.

Особое внимание Мария Коцуева уделила нумизматической коллекции. Исследовательница называет ее уникальной в славянском

Здание в Кракове, где хранится собрание Гуттен-Чапских.

мире, самым большим в Польше частным собранием монет, орденов и других знаков отличия. Особенно редкими здесь считались первая польская золотая монета — дукат Владислава Локетка и динар Болеслава Храброго, датированный приблизительно 1000 годом (последний сохранился в единственном экземпляре).

В Краков из станьковских собраний отправили гравюры, рисунки и акварели, связанные со славянской тематикой. Если судить по «Списку гравюр, на которых изображены портреты польских знаменитых личностей в собрании Эмерика графа Гуттен-Чапского в Кракове», изданному вдовой Эльжбетой после смерти собирателя, первых из них числилось 2383 единицы хранения. Наиболее ценными здесь были вид Гродно, исполненный в 1568-м году Матисом Цюндтом, портрет Петра Ивановича Потемкина работы Абрахама Блотелинга, оттиск на белом бархате портрета Петра Первого, сцена осады Смоленска. Одних изображений короля Яна III Собесского насчитывалось 76. Естественно, было множество портретов Радзивиллов, Сапегов, других магнатов, 70 изображений Тадеуша Костюшко, 10 — Адама Мицкевича и, на удивление, ни одного портрета жены собирателя Эльжбеты из Мейендорфов Чапской.

Особую ценность представляли рукописи и редкие книги из собрания Чапских. Более чем из трехсот рукописных раритетов 31 был на пергаменте. Среди книг выделялось около 700 изданий XVI века, а также коллекции, закупленные в Вильно (из собрания Публичной библиотеки), Минске (у губернского секретаря Кобылинского) и Слуцке

(у пастора Бергеля), экземпляры с автографами и владельческими записями. К примеру, одна из последних гласила: «Сия книга досталась мне под Ляховичами, в окопе русского Хованского, гетмана великого царя московского...» И подпись: «Теодор Ежи Керсновский, подстолий Новогрудского воеводства». Интересно, что многие тома были переплетены местными мастерами (М. Хаскиным из Минска и другими). Книжную коллекцию дополняли карты и экслибрисы.

Наконец, из Станьково в Краков переместились музейные экспонаты. Одних мужских тканых поясов насчитывалось 16. Среди них выделялись четыре слуцких с золотыми и серебряными нитями с отметками «В Град Слуцк» и «Дело Маджарский». Отдельно демонстрировались старинные доспехи — кольчуги, шлемы и другие милитарии, а также изделия из золота и серебра, уречское стекло, керамика, масонские знаки.

Судьба переменчива

В середине 1890-х годов Эмерик Чапский был весь в деле. Съездил за новыми приобретениями в Коломыю и Иноврoцлав. С непосредственным участием самого графа к дому-музею пристраивалось здание фондохранилища. Готовился к печати очередной том каталога монет, составлялось описание портретных гравюр. Жена Эльжбета, спокойная за мужа, отправилась летом 1896-го года к детям в Станьково и Прилуки. И тут у Чапского разболелся зуб. За помощью он обратился к известному дантисту, тот занес во время лечения инфекцию, и 23 июля мецената не стало. Попрощаться с покойным пришли руководители города, цвет интеллигенции, приехали родственники-аристократы чуть ли не со всей Европы. Похоронили нашего соотечественника на Раковицком кладбище, рядом с могилой выдающегося художника Яна Матейко. Кстати, там же находятся могилы белорусского поэта Алеся Гаруна и собирателя с Могилевщины Адама Киркора.

Эмерик Чапский не думал о смерти и потому не оставил завещания (это очень важный момент!). Съехавшиеся родственники долго искали его и вынуждены были зафиксировать в специальном акте, что оно не обнаружено. Официальным наследником стал не старший сын Кароль, человек очень занятой как минский голова и к тому же сам коллекционер, что могло усложнить дело, а младший сын Ежи. Но обоим сыновьям Краков показался чужим городом. Дальнейшую судьбу перевезенных в Краков музейных собраний должна была решать вдова Эмерика. Неожиданно у Эльжбеты Чапской проснулась деловитость. Она закончила строительство фондохранилища, упорядочила собрания. В музейном здании установила памятную доску мужу. Но больше, чем в Кракове, пребывала все же в Станьково. Музей для нее становился обузой.

И вот Ежи Чапский в начале 1903-го года на правах официального наследника направляет в совет («гмину») города Кракова письмо с предложением принять музей имени Эмерика Гуттен-Чапского под свою опеку. Условие ставится только одно: «на вечные времена» сохранить это название. Предложение подкрепляется письмами известных ученых, директоров других музеев. 9 марта состоялось заседание совета, на котором в специальном решении из семи пунктов высказана благодарность основателям коллекции.

Вплоть до 1945-го года, находясь под опекой Национального музея, музей имени Эмерика Гуттен-Чапского сохранял в соответствии с волей наследника свою относительную самостоятельность. Более того, он пополнился другими книжными сборами (например, библиотекой Антона Мошинского из Пинска). Здесь проводились различные выставки. Но в социалистическое время станьковские собрания стали нивелироваться, сливаться с другими подобными коллекциями. Самостоятельный музей, о котором мечтал его создатель и на существовании которого настаивали наследники, превратился в обычный филиал. «Печальной правдой является то, — резюмирует в своей книге Мария Коцуева, — что о существовании наследия Эмерика Чапского в последний, послевоенный период напоминают лишь существующие до сих пор здания и всплывающие среди громадных собраний Национального музея объекты из его коллекции». Далее автор заинтересованно и убедительно ставит вопрос о «возрождении» музея, созданного и фактически подаренного станьковским меценатом городу Кракову, бьет тревогу, что могут погибнуть остатки книжного собрания.

Прочитав книгу Марии Коцуевой, я наконец понял, почему меня так настороженно встречали в музейном здании на улице Июльского Манифеста, 12. Очевидно, была тревога: а вдруг станет понятно, что задуманного музея как такового нет, что фонды его недоступны исследователям и воля семьи Чапских и формально, и фактически не выполнена. Поэтому теперь уже меня обуревает тревога: а вдруг такая ситуация сохраняется и ныне и дар станьковского собирателя теперь не нужен Кракову? Ведь Эмерик Чапский может трактоваться там и как persona non grata: находясь на службе, он считал себя русским, выступал против восстания 1863-го года (правда, и помогал отдельным ссыльным повстанцам) как всплеска несвоевременного и поэтому обреченного на поражение...

Конечно, теплится надежда, что за последние годы, что я не был в Кракове, дела с музеем изменились к лучшему: ему вернули первоначальное название, а фонды открылись для посетителей. Краковские коллеги, которым я письменно задавал эти вопросы, так и не ответили (возможно, чтобы не расстраивать?). Если окажется, что мои тревоги беспочвенны, буду только рад. В противном случае не лучше ли

Солнечные часы с гербами Радзивиллов. Из коллекции Э. Гуттен-Чапского.

возвратить коллекцию Чапских в Станьково? Благо, и здание «скарбчика» здесь сохранилось. Правда, сам дворец разрушен во время Второй мировой войны. Но существует гравюра Наполеона Орды с его изображением. И местные энтузиасты уже хлопочут о возрождении старинной усадьбы.

Правда, второе рождение станьковской усадьбы и тем более музея может оказаться делом сложным. Ведь, кроме «западного следа», существует и «восточный».

Православные реликвии Эмерик Чапский оставил своему сыну Каролю. Тот, будучи минским головой (именно благодаря ему в городе появились конка-трамвай, электростанция, уличное освещение, общедоступный телефон, несколько больниц и спортивных сооружений), приумножил собрание. Но в начале Первой мировой войны, когда началось наступление немцев, ценности временно вывезли в Москву. И очевидно, там они не погибли, потому как часть из них по недомыслию, из-за невостребованности в БССР, на территории которой осталось Станьково, в 20-е годы прошлого столетия вернули… в Польшу, возможно, в тот же Краков.

В случае если в Кракове все решится в соответствии с надеждами основателя музея и волей наследника, на мой взгляд, возможен следующий вариант сотрудничества. Краковский национальный музей помогает частичному возрождению станьковских собраний, передает туда дубликаты. И это станет красивым жестом добрососедства, продолжением традиций Чапских. Напомню, что один из них, Эмерик Чапский-млад-

Памятная медаль в честь Эмерика Гуттен-Чапского.

ший (о нем в 1986-м году вышла в Лондоне книга воспоминаний), передал в музеи БССР несколько гравюр с видами Минска. Пример, достойный подражания.

Найдено в Польше

Сказанным выше я отнюдь не хочу бросить тень на польские музеи, библиотеки и архивы. Музей Эмерика Чапского, где я не получил доступа к фондам, — досадное исключение, вызванное скорее неблагоприятным стечением обстоятельств. Обычно во время командировок исследовательские заявки удовлетворялись легко и быстро. Так, удалось отыскать белорусскую поэму «Мачеха» Адели из Устрони (1850), поэму Винцента Дунина-Марцинкевича «Над Ислочью» (1866), оршанский сборник песенно-интимной лирики, датирующийся эпохой барокко, целый архив белорусского, русского и польского поэта и революционера Адама Гуриновича, немало мемуарных источников, отражавших жизнь на белорусских землях в XVIII—XIX веках, и многое другое, что потом было обнародовано в книгах «Творческое побратимство», «Тайны древних собраний», «На перекрестке славянских традиций». Обнаруженные в польских библиотеках, музеях и архивах рукописи, касающиеся белорусской тематики, описаны в нескольких статьях рукописи «Вяртанне 8».

Подробнее следовало бы остановиться на одной музыкальной находке. В Кракове, в обложке униатского требника, принадлежавшего церкви в Остромечево и после войны приобретенного библиотекой Ягеллонского университета в Кракове, удалось обнаружить рукописную тетрадь с песнями, которая теперь обычно называется Полоцкой. Пишу не ради того, чтобы похвастаться давней находкой, а дабы сделать одно существенное уточнение. Когда из Кракова в нашу академическую библиотеку прибыли фотокопии нот XVII века и были предложены для исполнения ансамблю «Кантабиле», музыканты, все еще сомневаясь, спросили, а где бытовала рукопись. Я ответил: в Беларуси (и нигде больше) существуют два Остромечева: одно — на Брестчине, а другое — около Полоцка. Артисты ухватились за Полоцк, ибо, мол, «кто знает то Остромечево». Таким образом, рукописи «навязали» наименование Полоцкой. И хотя потом ученые уточнили, что происходит

она из Остромечево на Брестчине, неточный «брэнд» становится все более популярным. Поэтому ради истины настойчиво прошу называть тетрадь не Полоцкой, а Остромечевской или, в крайнем случае, — так называемой Полоцкой...

И все же, если речь идет о белорусских ценностях в Польше, следует, по моему мнению, акцентировать внимание еще на нескольких существенных моментах.

Эмерик Гуттен-Чапский-младший.

Ящиков было 36 000!

Во время командировок в Польшу не меньше, чем доступность к собраниям Чапских, меня волновала судьба имущества членов Общества любителей Минской земли, существовавшего в 1919—1920-е годах. В него входили землевладельцы (вот бы найти список!) Минской губернии, в усадьбах которых находились богатые библиотеки, семейные картинные галереи, произведения местных художников, ценная стеклянная посуда из радзивилловских, уречской и налибокской мануфактур. Достаточно хотя бы вспомнить богатый музей, оставшийся в Замостье на Игуменщине после смерти Александра Ельского.

По распоряжению руководства Общества любителей минской земли, выступавшего в целом за «федеральную» автономию белорусских территорий в составе возрожденной Речи Посполитой, был на всякий случай составлен список ценностей, имеющихся в усадьбах. Он понадобился, когда в 1920-м году войска Юзефа Пилсудского стали отступать под напором Красной Армии. По данным из книги польского музееведа Эдварда Хвалевика, тогда 36 тысяч ящиков нагрузили книгами, рукописями, картинами, скульптурами, предметами декоративно-прикладного искусства и отправили в вагонах за Буг. Несмотря на все старания, дальнейшие следы (за исключением рукописей из собрания Александра Ельского) обнаружить не удалось. Возможно, ценности были надежно спрятаны в связи с заключением Рижского мира, возможно, их раздали владельцам, переехавшим в Польшу...

Тщательно следовало бы также пройтись по следам произведений искусства и книг, переданных накануне Великой Отечественной войны из Гродненского краеведческого музея в Белостокский государственный музей изобразительных искусств.

А это искать не надо

Наконец, несколько слов о ценностях, которые, по-моему мнению, следовало бы возвратить из Польши на Новогрудчину.

Одна из этих ценностей метрическая книга новогрудского фарного костела, в которой сделаны записи о крещении Адама Мицкевича и многих его ровесников. Как явствует из статьи Беаты Павляк «Из Новогрудка на Ясную Гору», напечатанной 24—27 декабря 1992-го года в Gazecie Wyborczej, после Второй мировой войны ксендз храма (ныне покойный), переселяясь в Польшу, взял с собой, никого не спросясь, эту реликвию, одинаково дорогую обоим соседним народам. Позже ее передали в известный монастырь в Ченстохове, где она хранится поныне. Учитывая деликатность ситуации, в крайнем случае можно согласиться и на возврат хорошо сделанной копии в Дом-музей Адама Мицкевича в Новогрудке. Еще одна копия могла бы находиться в том же фарном костеле — как документ эпохи и ценный источник для исследователей.

Другая из ценностей рукописное Лавришевское Евангелие первой половины XIV века, написанное на пергаменте на церковнославянском языке (есть владельческие записи и на старобелорусском) для православного Лавришевского монастыря, одного из первых на западнобелорусских землях (нынче это Новогрудский район). В свое время оно попало в собрание князей Чарторийских, находящееся теперь в Кракове. Возвращение Евангелия стало бы прекрасным проявлением доброй воли наших соседей.

Станьково — Краков

Музей
Эмерика фон Гуттен-Чапского
возрождается
как «Европейский центр»

Подозреваю, что словосочетание «Станьково — Краков» может вызвать у иного читателя ироническую улыбку: где же основания для того, чтобы поставить вот так тире как знак равенства между деревней в Дзержинском районе Минской области и древним польским городом над Вислой — крупным историко-культурным центром, предшественником Варшавы как столицы страны.

Но это сочетание принадлежит не мне. Впервые его употребил еще в конце XIX века сам основатель музея после перевоза его

Медаль в честь Эмерика Гуттен-Чапского (Краков, конец XIX века).

в Краков. Оно закреплено в последнем изданном там томе каталога основной нумизматической коллекции. Да и наиболее полная монография, посвященная роду Гуттен-Чапских, их собирательской деятельности и написанная Марией Коцуевой, имеет название «Отечественным реликвиям, спасенным в исторической буре. Музей Эмерика Гуттен-Чапского (Станьково — Краков)» (Краков, 1978). И это соответствует исторической правде: великое коллекционерское дело, начатое недалеко от Минска, продолжилось и, как оказалось, продолжается ныне невдалеке от Сукенниц, центра Кракова.

Конференция

Признаюсь искренне, когда я писал статью «Вывезено за Буг: О белорусских материальных и духовных ценностях, оказавшихся в Польше» («СБ». 6, 7 июня 2008 г.), основную часть которой составляет рассказ о судьбе станьковских собраний, я довольно скромно оценил их значение. А значение это не только белорусское или польское, но и общеевропейское, что стало ясно на международной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения Эмерика фон Гуттен-Чапского, состоявшейся в Национальном музее истории и культуры Беларуси. Организаторами же ее выступили, кроме названного музея, Польский институт в Минске и Народное историко-краеведческое объединение «Прилукское наследие» Прилукского центра народного творчества Минского района. Конференция завершилась посещением выставки, посвященной Гуттен-Чапским, в Национальной библиотеке Беларуси, а также поездкой в Прилуки, Станьково, Волковичи и другие места Минщины, где остались хозяйственные и культурные следы деятельности этого заслуженного рода.

С особенным интересом и даже волнением ждал я во время конференции выступлений ее польских участников — доктора Ярослава

Дворец Э. Гуттен-Чапского в Кракове по ул. Пилсудского (бывшей Вольской). Сегодняшний вид.

Бодзэка и магистра Матеуша Возьняка, представлявших Национальный музей в Кракове. Ведь в названной выше статье, а также в своем вступительном докладе на первом заседании я высказал тревогу, вызванную тем существенным обстоятельством, что в Кракове не была до конца исполнена воля донатора. Завещание он не успел составить, смерть прервала дела на полпути. Но его вдова и младший сын-наследник Ежи подтвердили документально устное волеизъявление покойного, чтобы его собрания остались в этом городе, правда, с существенными условиями. Первое: чтобы станьковские собрания сохранились в составе Национального музея как самостоятельное учреждение и носили имя основателя. И второе: чтобы принесенные в дар городу экспозиции были доступными для обозрения, служили общественно-научным целям.

Первоначально вроде бы так и было. Однако после Второй мировой войны оба условия уже не соблюдались. Правда, фамилия Гуттен-Чапских на фасаде здания, построенного в итальянском стиле, оставалась. Но это уже был филиал Национального музея. И когда в 1970—1990-х годах я четырежды пытался получить доступ к отдельным станьковским экспонатам (не монетам, а книжным изданиям), у меня это не получилось, несмотря на ходатайства принимающих учреждений Польской академии наук. Притом причины отказа объяснялись весьма туманно. Все это привело меня к выводу: если станьковские собрания не выставляются, недоступны для использования, значит, они Кракову просто не нужны. Так не лучше ли будет их вернуть в Станьково, где сохранился и уже отреставрирован двухэтажный, оригинальный по архитектуре «скарбчик» Гуттен-Чапских?

Истинные причины

Но, как выявилось на конференции из выступлений польских коллег, причины отказов таились не в недоброжелательности, как мне сначала показалось, или в простом нежелании оказать доступ к закрытым фондам, а в объективных обстоятельствах. Оказывается, еще в 1939-м году нацистские власти выселили дирекцию Национального музея из Сукенниц, чтобы там разместить свою выставку, а недостроенное новое здание той же дирекции приспособили под свое казино. В результате дирекция Музея вынуждена была вместе с фондами основного и других музеев ютиться в небольшом доме, выкупленном Чапскими под свои собрания, и оставалась там вплоть до недавнего времени. Какие уж тут выставки да посетители…

Конечно, все эти сложности можно было объяснить мне, как зарубежному посетителю, и прежде. Однако, мне кажется, в те времена подспудно жила тревога: скажем, если исследователь из БССР узнает, что фонды недоступны, — то станет ясно, что не исполняется воля дарителя. А там уже могут последовать и требования вернуть дар обратно — тем более что ценность входящих в него около 12 тысяч монет весьма существенна.

К счастью, станьковские коллекции «работали» на себя, даже будучи недоступными. Благородный пример действовал на других собирателей, которые начали дружно пополнять нумизматическую коллекцию Эмерика Гуттен-Чапского своими редкими экспонатами — металлическими и бумажными. Таким образом, первоначальное собрание увеличилось в 9 (!) раз и достигло 100 тысяч единиц хранения! Среди донаторов, понимающих исключительность замысла и осуществления коллекции, появились граждане других, неславянских стран, например Великобритании.

И вот сегодня, что стало очевидным, благодаря выступлениям на конференции Ярослава Бодзэка и Матеуша Возьняка, раздавшим ими красочные буклеты, станьковская коллекция приобретает общеевропейскую ценность. Буклет так и называется: «Европейский центр польской нумизматики». Здесь следует пояснить, что русская часть коллекции осталась в Беларуси, а во время Первой мировой войны была вывезена для сохранения в Москву. Дальнейшая судьба этой части коллекции мне неизвестна, а следовало бы выяснить, ибо стоимость ее сравнима со стоимостью краковской части.

Кстати, как написал анонимный автор газеты «СБ. Беларусь сегодня»: «Со времен начала Первой мировой войны во дворце Чапских были закрыты постоянные выставки, здание начало выполнять складские и административные функции, а нумизматы используются только исследователями. Почти 70 лет, противореча интенциям создателя музея, а также воле донаторов, эта необыкновенная коллекция недоступна для публики,

Выставочный зал во дворце Чапских. В глубине слева — сейф с наиболее ценными монетами.

лишь раз в несколько лет ее фрагменты используются на временных выставках». Что ж, вздохнул я, прочитав такое в начале конференции, хорошо хоть, что белорусские и польские тревоги совпадают…

Европейская ценность

Но, оказывается, уникальность собрания Гуттен-Чапских хорошо поняли и эксперты Европейской унии, посчитав его «самым лучшим среди всех когда-либо созданных». Среди многочисленных участников конкурса по оперативной программе «Инфраструктура и среда» они, отстранив других многочисленных конкурентов, выделили под краковскую заявку 19 миллионов евро. Еще четыре недостающих миллиона добавило Министерство культуры и национального наследия Республики Польша. Этих денег должно хватить на «технический» ремонт «дворца Чапских» (в буклете он уменьшительно называется palacykiem) и размещение экспозиций.

Дар Чапских послужит толчком для создания с использованием соседних строений целого музейно-исследовательского комплекса, средства на который изыскиваются. Европейский центр польской нумизматики будет дополняться специализированной библиотекой, читальным залом, лабораторией анализов и не наносящих вред исследований музейных экспонатов, другими вспомогательными службами. А внутри дворика дополнительно построят «так называемый Павильончик Чапских», где будет рассказано о заслугах древнего рода. Таким образом, уникальный «поезд», который стоял в неопределенном состоянии около 70-и лет, наконец тронулся с места. Как сказано в буклете, «время реализации проекта — 2009—2013-е годы».

Здание в Кракове, где хранится собрание Гуттен-Чапских.

А каковы мотивы?

Во время конференции возникли споры, что же двигало Эмериком Гуттен-Чапским и его женой, когда они решили перевезти станьковские сокровища в Краков, находящийся тогда за австрийской границей. Один из докладчиков объяснял этот поступок тем, что у собирателя возникли недоразумения со старшим сыном Каролем, который как раз в это время (1890) стал городским головой Минска. Мол, он был против траты денег на музейные собрания, утверждал, что им не место в имении. Но документальных доказательств таких разногласий нет. Наоборот, «российская» часть нумизматической коллекции так и оставалась в Станьково, доставшемся после раздела имущества как раз Каролю. Его мать охотно приезжала сюда летом, что свидетельствует скорее об отсутствии серьезного семейного конфликта. И уже другое дело, что у городского головы, так много сделавшего для нынешней столицы (вспомним хотя бы конку, электростанцию, телефонную станцию, амбулатории, открытие театра, упорядочение застройки), могло появиться желание перенести станьковские собрания в Минск и создать на их основе городской музей. Но «польская» часть коллекции для губернского города явно не подходила…

Другое дело, что возможные споры о создании в Минске музея могли навести Эмерика Гуттен-Чапского на размышления о том, какова

дальнейшая судьба его любимого детища. Будет ли оно востребованно, будет ли пополняться в соответствии с замыслами, реализованными только частично?!

И еще один весьма существенный аргумент, подброшенный мне на конференции из доклада известного музееведа Ирины Зворыко. Оказывается, в Национальном музее истории и культуры Беларуси среди других материалов Чапских, разбросанных по разным фондам, имеется фотография, на которой запечатлена как гувернантка дочь белорусского поэта Франтишка Богушевича — Констанция. Значит, существовали доверительные связи между Чапскими и автором «Дудкі беларускай»! Невольно вспомнилось, что этот знаковый сборник увидел свет благодаря ходатайству всезнающего Яна Карловича как раз в Кракове и как раз в 1891-м году (переиздан в 1896 году). Через год там увидела свет богушевичская «Тралялёначка», еще через год — спорное издание «Гаспадары». Более того, зачинатель новой белорусской литературы сам бывал в Кракове, посещал там Национальный музей, которому подарил ценные реликвии (нащупываю пути, чтобы узнать, какие) и с которым, возможно, помогал устанавливать связи для Гуттен-Чапского (не забудем, что Богушевич был по образованию юристом). Теми же путями и в то же время в Кракове ходил белорусский писатель и собиратель Александр Ельский, живший недалеко от Станьково. С почестями там принимали и жителей Ракова братьев Здзеховских. Туда посылались записи белорусских народных песен, сделанные Адамом Гуриновичем, и так далее. Фактов и размышлений о роли Кракова в развитии белорусской культуры может хватить кому-то на целую диссертацию.

Случайно ли совпадение указанных выше и других событий с перевозом в Краков основных станьковских собраний? Думается мне, что нет. Все это происходило во время, когда усилились поиски белорусами и соседними народами (украинцами, литовцами) своей идентичности, когда начался переход местных элит от локального (краевого, «тутэйшага») патриотизма к национальному. Участились попытки найти опору для этого движения вне царской империи: украинцев — в Галиции, литовцев — в Пруссии. Оттуда поступали патриотические книжки и периодика, освободительные идеи. А у белорусов не было своей Галиции или Пруссии. Поэтому взоры все чаще устремлялись к Кракову, где тогда вступали на королевский престол генетически связанные с «русинами» Ягеллоны, учился Скорина, были похоронены знаковые для «Литвы» Мицкевич и Костюшко.

Если учесть все указанные факты и обстоятельства, неожиданный для многих поступок Эмерика Гуттен-Чапского уже не кажется ни скоропалительным, ни непатриотичным. Он думал о том, как сберечь и приумножить свои собрания для будущего, а оно казалось тогда не-

определенным. Даже до восстания 1905-го года оставалось еще 10 лет. Поэтому неожиданное преобразование станьковских собраний в общеевропейскую ценность принесло для меня ощущение исторической сатисфакции.

«Европа в семье»

Думаю, что такую же удовлетворенность испытал бы, будь он жив, сам Эмерик Гуттен-Чапский. Ведь он всегда ощущал себя европейцем, даже будучи царским сановником и тем более проживая в Станьково. Его внучка Мария Чапская великолепно показала это в книге «Европа в семье». Чего стоит хотя бы тот факт, что на похороны графа в Кракове съехались представители 16 самых знатных родов из окрестных стран. Пожалуй, ни один местный род, даже Радзивиллы, даже Сапеги, не был так прочно связан — и происхождением, и браками, и деятельностью — с ведущими, коронованными и некоронованными, родами Старого Света, а теперь уже и Света Нового: на конференцию приехали из Нью-Йорка прямые наследники Эмерика Эдуард Аранда Годлевский и Александра Ванькович.

И одновременно Гуттен-Чапские служили связующим мостом между Востоком и Западом, Россией и Западной Европой. И сам Эмерик, и его сыновья великолепно знали русскую классику. Но наиболее убедителен здесь пример его внука Юзефа, художника и писателя, незаслуженно у нас забытого. Как незаурядная и всесторонне одаренная личность он сформировался под влиянием Толстого и Достоевского, российских передвижников. Дружил с Мережковским и Гиппиус. В 30-е годы прошлого столетия выставлялся в Варшаве и Париже. В 1942-м году сблизился в Ташкенте и с Алексеем Толстым, и с Анной Ахматовой, которая посвятила ему стихотворение и получила взамен портрет. Потом сражался с фашистами в Италии. На склоне лет вместе со своей сестрой Марией помогал уроженцу Минска Ежи Гедройцу издавать под Парижем знаменитый журнал «Культура», на страницах которого вместе с редактором ратовал (еще в 1950-е годы!) за государственную независимость Беларуси, Литвы и Украины. Это он был инициатором опубликования в «Культуре» произведений Солженицына, издания русскоязычных номеров ежемесячника. Напомним, что все это происходило в советское время и вызывало диаметрально противоположную, но одинаково враждебную и даже злобную реакцию по обе стороны «занавеса». А Мария и Юзеф Чапские, дети владельца Прилук под Минском, писали и верили в воскресение земли своих предков — не как зависимых «кресов всходних», а независимой державы.

Среди девяти Гуттен-Чапских, вошедших в «Беларускую Энцыклапедыю» (жаль, что туда не включены Мария и Юзеф), есть разные личности: политические и общественные деятели, ученые и коллекционеры, литераторы и художники, подданные разных государств. Но нет людей пассивных и жестоких. Были землевладельцы, но не было крепостников.

Ну разве можно не гордиться такой своей элитой, хотя и пользующейся немецкой частицей «фон»?!

P.S. Меценатский пример Эмерика Гуттен-Чапского находит подражателей и теперь. Минский нумизмат Дмитрий Гулецкий подарил после своего доклада Национальному музею истории и культуры Беларуси редкую монету, выпущенную в обращение киевским князем Владимиром Ольгердовичем.

Собрано во граде Гедимина

Город-объединитель
Вильно – Вильня – Вильнюс

На протяжении столетий город Вильно — Вильня — Вильнюс оставался общим политическим и культурным центром для белорусов и литовцев. После публикаций о совместных, спорных или требующих возвращения ценностях, находящихся в Российской Федерации, Украине и Польше, дошел черед и до нашей северо-западной соседки Литвы.

Город-объединитель

В отличие от других названных держав в Литве белорусских сокровищ пропорционально больше, но, как это на первый взгляд ни парадоксально, спорных вопросов по ним меньше. Прежде всего мы говорим здесь об общих ценностях по той простой причине, что нынешняя столица Литовской Республики веками являлась для белорусских и литовских земель объединительным (перед угрозами нашествий крестоносцев и татаро-монгольских орд) политическим, административным, торгово-экономическим и культурно-образовательным центром.

Основателем города считается князь Гедимин. Однажды, гласит легенда, он уснул здесь после охоты в лесах, тянущихся вдоль берегов Вилии-Нерис и Виленки-Вильняле, и ему приснился сон: будто на горе, возвышающейся у слияния этих рек, стоит железный волк и воет так, как может выть только тысяча волков. Языческие жрецы-вайделоты разгадали ночное видение так: князь построит здесь город, слава о котором прозвучит в мире громче, чем слава тысячи городов.

И князь такой город построил, и слава разошлась. А на горе, где будто бы стоял волк, вознесся замок Гедимина, башня которого сохранилась и доминирует над окрестностями (вспомним, что из нее обозревал улицы дядька Антось, герой поэмы Якуба Коласа «Новая земля»). А в восточной части возник Кривой город, где рядом с балтами селились славяне-кривичи, уже христиане.

Вскоре молва о хорошо укрепленном, процветающем городе разлетелась по окрестным землям. Сначала, с 1323-го года, — как о столице Великого княжества Литовского, потом, с издания в 1522-м году Франциском Скориной «Малой подорожной книжки», — как о печатном центре и наконец с открытием в 1569-м году королем Стефаном Баторием Виленской академии, преобразованной в Главную школу ВКЛ, а затем в университет, — как о средоточии премудрости. С ликвидацией ВКЛ и закрытием университета прежняя роль Вильно во многом утратилась. Но главенство в крае все же сохранилось. Вспомним хотя бы официальные названия: Виленское генерал-губернаторство, Виленский учебный округ, Виленская археографическая комиссия, Виленский музей древностей… А периодические издания типа «Виленского вестника» или польского журнала Athenaeum объединяли читателей от Гомеля до Шавлей, нынешнего Шяуляя. В начале XX века здесь стали выходить первые белорусские газеты «Наша доля» и «Наша ніва». Главенствующая роль Вильно оставалась и в 1920—1930-е годы: в административном центре Виленского воеводства концентрировалась общественно-революционная и культурная жизнь Западной Белоруссии.

Вход в бывший базилианский монастырь, где раньше размещался Белорусский музей. Вильнюс.

Ценности приумножались

Такое длинное вступление понадобилось для того, чтобы объяснить естественность накопления белорусских музейных, библиотечных и архивных сокровищ в виленских (с 1939-го года — вильнюсских) хранилищах.

Первые церковно-славянские кириллические рукописные книги привезли из Полоцка, Витебска, Новогородка в полиэтническое и поликонфессиональное Вильно еще в доскорининские времена — с появлением в городе первых православных братств, с переездом туда (а также в расположенный невдалеке Трокский замок) «русинских» (точнее, витебских и полоцких) жен великих литовских князей, а потом «по совместительству» и польских королей. С появлением печатных изданий Скорины, Будного, Мамоничей вошли в семейные и монастырские собрания и книги печатные. А с открытием Виленской академии прибавились и интеллектуальные ресурсы — преподавательские и студенческие. Но не только интеллектуальные, но и физически ощутимые.

Первая значительная волна поступлений в Вильно материальных и духовных ценностей из белорусских земель связана как раз с откры-

Башня замка Гедимина возвышается над городом.

тием Виленской академии (1579). Михал Радзивилл Сиротка откликнулся на это событие передачей первому высшему учебному заведению на территории ВКЛ оборудования Брестской типографии своего отца, а Казимир Лев Сапега, сын знаменитого канцлера ВКЛ, подарил виленским студиозусам ценную библиотеку, вдобавок выделил 12 500 злотых на создание юридического факультета. Значительным проявлением «русинского» меценатства стало создание при академии Виленской астрономической обсерватории, одной из первых в Европе. Она начала действовать в 1753-м году под руководством уроженца Гродненщины Мартина Почобута-Одляницкого, который вел систематические наблюдения планет, комет, астероидов, затмений Солнца и Луны. Приобрести более совершенные инструменты и литературу обсерватории помогла мстиславская каштелянка Елизавета Пузына. Здание обсерватории и ныне возвышается в университетском дворике, носящем имя Почобута-Одляницкого. А в конце XVIII века из Гродненского ботанического сада его создателем Жаном Эммануилом Жилибером в Вильно перевезли многие редкие растения, давшие начало саду университетскому.

Следующим щедрым добродетелем виленских собраний по праву считается логойский граф Евстафий Тышкевич, создавший в 1855-м году на основе своих коллекций Виленский музей древностей, вокруг которого объединялись сторонники возрождения закрытого университета. Через десять лет в музее насчитывалось около 67 тысяч экспонатов, сгруппированных в семи отделах. Часть из них вскоре вывезли в Москву в качестве контрибуции после восстания 1863-го года, откуда они не вернулась до сих пор. О тышкевичских коллекциях уже говорилось в моей статье «Музей древностей» («СБ» от 21 августа 2007 г.), поэтому подробно рассказывать о них снова нет смысла. Повторю лишь общий вывод. На ценности, перевезенные Тышкевичем в Вильно и хранящиеся теперь в Литовском национальном музее у горы Гедимина, Беларусь, безусловно, претендовать не может. Но вот то, что вывезено в порядке царских репрессий в Москву, следовало бы в случае возвращения разделить в соответствии с важностью реликвий для той или другой культуры. И безусловно, здесь желателен обмен выставками.

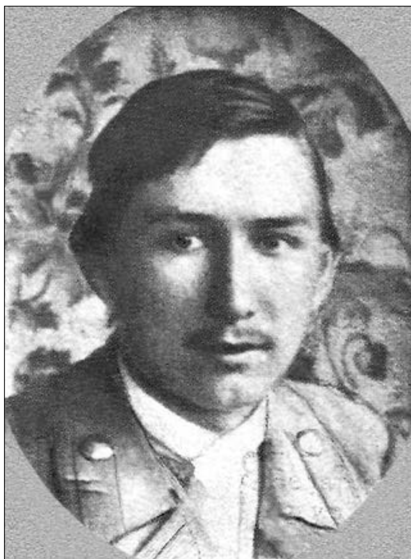
Творение братьев Луцкевичей

Кульминацией белорусского собирательства в Вильно стало создание Белорусского историческо-этнографического музея имени Ивана Луцкевича, открывшегося в 1921-м году в помещении бывшего базилианского униатского монастыря, под одной крышей с Виленской белорусской гимназией. В его основу положены частные собрания активного археолога и общественного деятеля Ивана Луцкевича, а также историка и писателя Вацлава Ластовского. Все это до открытия музея хранилось в помещении редакции «Нашай нівы», было открыто для посетителей и приводило в восторг Максима Богдановича, Янку Купалу, Максима Горецкого. Потом фонды пополнялись пожертвованиями буквально со всей Беларуси, а также из-за рубежа.

Виленский Белорусский музей занимал пять комнат. Отдельно расположилась библиотека из 14 тысяч томов, куда входили коллекции Е. Романова и Б. Даниловича. До Второй мировой войны музей возглавлял брат Ивана литературовед Антон Луцкевич, написавший о собранных коллекциях содержательную брошюру (Вільня, 1933, репринт 1992).

В Белорусском музее хранились действительно несметные сокровища. О них, кроме указанной брошюры, позволяет судить инвентарная книга, ведшаяся с 1922-го года (фрагменты ее опубликованы в сборнике «Вяртанне 2»). Среди тысяч экспонатов названы изделия слуцкой, несвижской и гродненской мануфактур, нумизматическая коллекция, древнее оружие, иконы и резьба по дереву, медные кресты-мощевики,

голосники гродненской Борисоглебской (Коложской) церкви, перстни с печатками полоцких князей Всеслава и Бориса, печать Миндовга, коронованного в Новогрудке на престол ВКЛ, знамя повстанцев 1863-го года Лидского уезда и так далее. Живопись представлена полотнами Язэпа Дроздовича, Петра Сергиевича, многих их предшественников. Экспонировались редчайшие памятники письменности: требник Жировичской церкви 1545-го года, устав братства в Дисне XVII века, мусульманский аль-китаб (татарская рукописная книга, написанная по-белорусски, но арабскими буквами) XVI века, издания Швайтпольта Фиоля, Франциска Скорины, братьев Мамоничей, Литовский Статут 1588-го года. Массово выставлены королевские грамоты и привилегии (в том числе на пергаменте).

Иван Луцкевич.

Описи музея свидетельствуют: Белорусский музей формировался самыми разными слоями населения, часто за личный счет собирателей. Так, в инвентаре, где описаны деревянные скульптуры, под номером 206 зафиксирована фигура сидящего Христа. Ее купил в 1912-м ігоду Иван Луцкевич в Будславе у нищего. В 1931-м году ученики Виленской белорусской гимназии привезли с Новогрудчины, из Негневичей, фигуру апостола Иоанна, держащего в левой руке развернутую книгу. А с Дисненщины в 1935-м году поступила в дар полихромная резьба, изображающая голову чернокожего человека. Кто-то из местных крестьян увидел в нем святого Яна, кто-то — одного из трех волхвов, поспешивших поклониться новорожденному Христу.

В музее оказалась также часть археологических находок минского собирателя Генрика Татура, о которых шла речь в одной из моих предыдущих статей этого цикла. Иван Луцкевич так и не довез их до Львова, не передал в коллекцию митрополита Шептыцкого. То ли тот сам не захотел их приобретать, поскольку они не имели отношения к униатству, то ли археолог Луцкевич просто пожалел их отдать «на чужыну»…

Драматические перипетии

Какова же дальнейшая судьба Белорусского музея в Вильно? Его директор Антон Луцкевич с приходом в сентябре 1939-го года Красной Армии продемонстрировал свою лояльность к новой власти, выступив на собрании работников культуры с призывом к возрождению белорусской школы, печати, искусства. Но это не спасло его от ареста и тюрьмы, где и скончался в 1942-м году.

В октябре 1939-го года (с этой поры мы и называем город Вильнюсом) музей перешел под опеку Академии наук. Ее директором назначили сначала этнографа Марьяна Пецюкевича, а потом литератора Янку Шутовича.

К 1941-у году относятся первые белорусские попытки переместить музей в Минск. Как видно из архивных документов, найденных Виталием Скалабаном, 21 апреля этот вопрос рассматривался на заседании Бюро ЦК Компартии Беларуси. Его решением определился состав делегации, которая должна была направиться для переговоров в Литву: секретарь ЦК Тимофей Горбунов (руководитель), писатели Янка Купала и Якуб Колас, работник академического Института литературы Михаил Ларченко и доцент БГУ Денис Дудков. Все они, за исключением последнего, с 15 по 19 мая находились в Вильнюсе. Их торжественно приняли, стоя приветствовали в здании президиума АН Литовской ССР. Но президент академии Винцас Креве-Мицкявичюс и нарком просвещения Антанас Венцлова с принятием окончательного решения все медлили: мол, будет так, как скажут отсутствующие братья Биржишки. Последние прибыли только к обеду и, выслушав гостей, сразу же согласились на передачу музея.

Вернувшись в Минск, Якуб Колас в письме к искусствоведу Антону Уссу так подытожил поездку: «Ездзіла наша група па камандзіроўцы ЦК партыі. Знаёміліся з Беларускім музеем. Музей вельмі багаты, разнастайны. Ён створаны бліжэйшымі працаўнікамі “Нашай нівы”. Цяпер пытанне стаіць аб перавозцы гэтага музея ў Мінск. Цяперашні будынак ЦК партыі ў бягучым годзе вызваляецца. Насупраць, па Чырвонаармейскай вуліцы, пабудаваны новы, а цяперашні аддаецца для культурных устаноў. Тут будуць музеі. Сюды мяркуецца перавесці і віленскі Беларускі музей».

Но начавшаяся через несколько дней война помешала осуществлению благих намерений.

Во время немецкой оккупации Белорусский музей заставили выселиться из базилианских муров — там разместился военный госпиталь. Приезжая с родителями к дяде Викентию, чье окно выходило как раз во двор бывшего униатского монастыря, я видел, как расхаживали раненые немцы по дорожкам, — сначала довольно бравые, а потом все

Кафедральный собор, в котором раньше размещалась картинная галерея с произведениями белорусских художников.

более мрачные. На вопрос моего отца, куда же девался музей, дядя Викентий ответил: «Все упаковали в ящики и перевезли на повозках в подземелья “белорусского” костела святого Николая. Но это вряд ли спасет сокровища от вывоза в Германию». Позже я узнал: наступил момент, когда ящики с экспонатами действительно уже погрузили в вагоны, но какое-то чудо (действия патриотов?) помогло им вернуться в костельные подземелья.

И вот наступил 1944-й год. В Минске вспомнили о существовании музея, экспонаты которого находились все еще в тех ящиках. Т. Горбунов направил в ЦК Литвы своему литовскому товарищу, ответственному за пропаганду, письмо, где, ссылаясь на решение 1941-го года, сообщал: в Вильнюс отправляется заместитель директора Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. В управлении литовской железной дороги попросили вагон для перевозки ящиков. Но вскоре художник Петр Сергиевич, ответственный за передачу, сообщил в Минск, что литовские власти отдают белорусам только «мизерную часть музея». Было решено его поделить вроде бы справедливо: все, что касалось Беларуси, передать в Минск, а все, что связано с литовской культурой, оставить в Вильнюсе. Но как поделить, если Беларуси касалось здесь буквально все?! Ответа на этот вопрос, конечно же, не знали и наши эксперты, направившиеся для «дележа», — люди известные, заслуженные, но, как бы тут деликатнее сказать, недостаточно заинтересованные и компетентные. В итоге наиболее значительное и ценное осталось в Вильнюсе, разделенное на несколько частей.

Где что оказалось?

...Помнится, во время совместных поездок в Вильнюс с Владимиром Короткевичем мы неоднократно ходили по вечерам в гости к Янке Шутовичу, который в 1956-м году вернулся из ссылки к жене, литовской и белорусской писательнице Оне Мицюте, отказавшейся расторгнуть с ним брак. Несмотря на решение Верховного суда Литовской ССР, бывшего директора Белорусского музея нигде не брали на работу, и ему пришлось исполнять по ночам обязанности «пожарного стража» картинной галереи, размещавшейся тогда в кафедральном соборе. Янка Шутович при тусклом свете водил нас вдоль стен и показывал картины, находившиеся раньше в базилианских стенах. Белорусское происхождение авторов, как и прежнее местонахождение произведений, естественно, не указывалось.

Рукописи, книги, периодика из Белорусского музея оказались неподалеку от кафедрального собора — в Центральной научной библиотеке Академии наук Литовской ССР. В каждый мой приезд там сидели коллеги из Минска, тщательно переписывавшие стихи, рассказы и даже романы («Віленскія камунары» Максима Горецкого) белорусских писателей из рукописного «Виленского белорусского фонда» (потом измененного на фонд 21).

Литовские коллеги родом с Мядельщины и Вилейщины относились к нам дружелюбно и толерантно. Только если речь шла о периодике, которая хранилась где-то под самой крышей, надо было идти за разрешением к самому директору. Он принципиально говорил со мной по-литовски, уговаривал вернуться «к своим истокам». На мои же сетования, что трудно получить доступ к белорусским изданиям, что лучше бы за ненадобностью отдать их в Минск, удивленно восклицал: «А зачем это вам? Ведь и у вас спрячут в спецфонд».

Слуцкие пояса, уречское и налибокское стекло, гродненские ткани и многие другие экспонаты впервые увидел я только в 2002-м году, посетив Национальный музей Литвы (прежде Историко-этнографический музей Литовской ССР), разместившийся в стенах Нижнего замка, у подножия той же горы Гедимина. И сердце мое, несмотря на генетические связи, заболело даже не столько оттого, что раритеты находятся тут в то время, когда их совсем нет там, где их произвели, а потому, что в подписях они фигурировали «безродными» — как абстрактные «изделия мануфактур Великого княжества Литовского». Ну напишите честно: сделано в том же Слуцке, раньше экспонат находился в Белорусском музее, ликвидированном, очевидно, не по белорусской и не по литовской инициативе. Поясните посетителям, что когда-то ВКЛ включало и белорусские земли... Что от этого изменится? Только возрастет добрососедское доверие.

Вильнюс. Музей университета. Здесь находились многие ценности Тышкевичей из Логойска. Литография середины XIX века.

Реальный путь

Тогда, стоя у стендов Национального музея Литвы, я впервые искренне пожалел, что комиссия «Вяртанне» не довела до конца начатое дело. Когда и к нам стали где-то в начале 90-х годов прошлого столетия обращаться белорусские ученые и краеведы с жалобами, что вот, мол, теперь легко и просто не поедешь в Вильнюс в командировку, чтобы пользоваться тем же «фондом 21» (кстати, его описание все же поместили в одном из выпусков «Вяртання» — для ориентации читателей), мы написали соответствующее письмо в государственные структуры с предложением обратиться к литовцам с просьбой передать материалы бывшего музея белорусам. Или, в крайнем случае, обменять их (в 1941-м году это было предусмотрено). Благо, белорусские власти как раз дали (не без моего участия) разрешение на строительство и открытие в деревне Рымдюны Островецкого района Литовского центра культуры, образования и информации. Ответа комиссия тогда не получила.

Однако идею комиссии встретили в штыки представители белорусской диаспоры в Литве, вильнюсские белорусы. Как же так, вопрошали они, все это собиралось нашими отцами и дедами не в Минске, а здесь, на улице Аушрос Варту (Остробрамской), в стенах бывшего монастыря белорусского базилианского ордена. Правда, теперь почему-то здание отдают базилианам украинским (василианам), имеющим на наследство лишь условные права.

И тут пришла мысль (повторяю ее уже в третий раз; один раз — в солидной вильнюсской газете). А ведь все можно решить с пользой для

обеих соседствующих сторон: возродить Белорусский музей в том же побазилианском здании, куда ведут барочные врата со стороны Острбрамской улицы, создать там центр белорусской культуры. Ведь получается как-то несправедливо, не по-соседски: в Беларуси литовский центр есть, а в Литве белорусского — нет. В этом учреждении, имеющем, может быть, двойное подчинение, сосредоточить в физическом или в крайнем случае частично в виртуальном виде все то, что там находилось до войны. Организовывать обменные (выездные) выставки. И смотришь, обид, реальных и надуманных, станет меньше, возрастет взаимопонимание.

Мне кажется, данной проблемой под силу заняться смешанной белорусско-литовской комиссии по совместному культурному наследию двух министерств культуры, как это делается, пусть и не всегда успешно, в отношениях с Польшей. Судя по последним интервью наших руководящих работников, создание такой комиссии вполне реально.

Вывезено «муравьевщиками»

И все же есть в белорусско-литовских взаимоотношениях один период, на который должны были бы распространяться реституционные юридические и моральные права. Речь идет о периоде после поражения восстания 1863-го года. Преследования царских властей исходили из главного города Виленского генерал-губернаторства, от самого Муравьева-вешателя. Тогда по белорусским (и по литовским) городам и весям рыскали подручные царского сатрапа и забирали ценности из конфискованных шляхетских усадеб, закрывающихся храмов и монастырей. И не только католических, но и православных. Как контрибуцию присваивали и везли в столицу края все то, что попадалось на глаза, что плохо лежало.

Красноречивый пример — Туровское Евангелие XI века, самая ранняя рукописная книга (из тех, которые сохранились), созданная на белорусской земле. Кроме духовной ценности для православных христиан, она имеет значение и как памятник средневековой письменности, украшенный удивительными иллюстрациями.

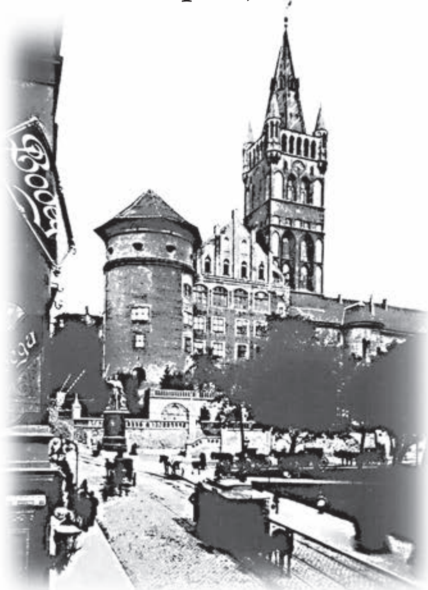
Литовским властям мы должны быть благодарны за то, что в 1995-м году по их распоряжению сделана отличная копия Туровского Евангелия, которую в 1995-м году торжественно вручили Национальной библиотеке Беларуси (тогда подумалось: может, это запоздалая реакция на письмо комиссии «Вяртанне»?). Но удовлетворенность у меня была только частичная, ибо оригинал, имеющий сакральную ценность, должен храниться там, откуда его изъяли, — в Турове, а в литовской и белорусской библиотеках — его копии.

Косвенно, скорее в моральном плане, это касается также иллюстрированного Жуховицкого Евангелия XIV столетия, изъятого из Петропавловской православной святыни, находящейся в деревне Большие Жуховичи нынешнего Кореличского района. Теперь оно, как и Туровское Евангелие, хранится в той же Центральной научной библиотеке Литовской академии наук.

И конечно, мы должны напоминать литовским коллегам, что как раз в связи с муравьевскими репрессиями после восстания 1863-го года в Виленский кафедральный собор (как в более надежное место) было перевезено и многое из несметных ценностей католических храмов и монастырей, находившихся на белорусских землях. Скорее всего, в 1939-м году их, вместе с другими сакральными сокровищами, замуровали в соборном тайнике. Затем они были выявлены перед началом перестроечного периода, но не переданы, как того требовали законы, в союзный Гохран. Теперь драгоценные костельные реликвии хранятся в Вильнюсе, выставлялись во время празднования 2000-летия христианства. Безусловно, на этот «скарб» имеют свои моральные права и белорусы. Поэтому, повторю уже сказанное («СБ» от 1 марта 2007 г.): возрождение Белорусского музея в Вильнюсе (как части, может быть, общего культурного центра) стало бы своеобразной компенсацией белорусских потерь и актом доброй воли.

Немецкий — след

Что было вывезено во время оккупации и что возвращено?

Дошел черед до самой сложной статьи в моем цикле — до наших музейных, библиотечных и архивных сокровищ, ставших во время Великой Отечественной войны добычей оккупантов и поэтому подлежащих законам реституции. Потери эти огромны, не все звенья судеб отдельных белорусских собраний здесь ясны, подтверждены документально. Многое сегодня приходится додумывать, а в будущем потребуются усилия целого коллектива историков и искусствоведов, которым раньше или позже придется составлять каталог (или каталоги) потерь.

«Хапуны»

Вывоз с оккупированных территорий материальных и духовных ценностей был органической частью политики германского нацизма. На восточнославянских землях эту политику осуществляло рейхсминистерство оккупированных территорий. Руководил им один из идеологов нацистской партии Альфред Розенберг. Это был деятель, знающий восточных славян и их культуру: родился на территории Российской империи, в Таллине, учился в Риге и Москве и только в 1918-м году переехал в Мюнхен. Быстро сделал при Гитлере карьеру. Именно ему в октябре 1940-го года поручили «изъятие» всех значительных культурных ценностей на захваченных землях.

...Из моих детских лет осталось воспоминание: приходят как-то к нам двое немцев из охраны железнодорожного моста и требуют у мамы яиц и самогонки. Но ни того, ни другого у нас не было. Тогда незваные гости, пошарив по кладовой, сорвали с кровати узорчатое покрывало, сотканное сестрой, и удалились, бросив уже понятное для нас «ферфлюхте». Мать в ответ громко прошептала: «Хапуны...»

Думаю, что это емкое белорусское слово очень подходит и к «специалистам» Розенберга. У них была очень продуманная и четкая программа. В Беларуси действовал один из их центров. Они рыскали повсюду, «хапали» все подряд в музеях, библиотеках, частных собраниях и планомерно вывозили в Германию. Их боялись солдаты вермахта и даже эсэсовцы: не угодишь «хапунам» — хозяин напишет соответствующий рапорт самому фюреру. Мне кажется, что так было и после посещения Розенбергом Минска в мае 1942-го года.

...Итак, Минск, начало оккупации. Кроме могилевских и гомельских собраний, о которых уже шла речь, основные белорусские сокровища были сосредоточены в Минске, Витебске и Барановичах. В столице — это два основных хранилища: Государственная картинная галерея, созданная в 1939-м году (она размещалась тогда в здании Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы на улице Университетской, а нынче —Кирова), и Белорусский государственный музей, размещавшийся на главной улице города, в так называемом Архирейском доме (позже — Дом искусств, нынче — проспект Независимости, 26).

Что оставалось?

Сначала этот вопрос мне хотелось сформулировать несколько иначе: что было вывезено? Организованно, ведомством Розенберга. Но тут же вспомнилась переписка, по существу — вежливая перебран-

ка между Розенбергом и Кубе, вспомнились довольно многочисленные и грубые факты мародерства… Значит, более правильно будет разделить вопрос на два: что осталось в Минске не эвакуированным, а потом исчезло, и что действительно было вывезено в 1944-м году?

Отвечая на поставленные вопросы, я преимущественно буду опираться на материалы восьми сборников «Вяртанне», дополняя их сведениями из других источников (прежде всего из ежемесячного бюллетеня «Кантакты і дыялогі»). Сделать это меня заставляют два обстоятельства: сборники уже давно стали библиографической редкостью, а осмысление, обобщение сказанного в них, надеюсь, поможет при дальнейших поисках, составлении тех же каталогов.

Наиболее полным и достоверным источником для определения белорусских военных потерь являются «Сведения о памятниках культуры, исчезнувших из Государственной картинной галереи БССР во время фашистской оккупации в 1941—1944 гг.» («Вяртанне 1»). Составлены они директором этой галереи с 1944-го года Еленой Аладовой, человеком компетентным, опиравшимся, как она сама пишет, не только на письменные источники (в их числе несомненно были довоенные каталоги, о чем свидетельствуют указания на размеры картин), но и на воспоминания современников.

Понимая исключительную важность информации, позволю себе целиком привести обобщенный список военных потерь Государственной картинной галереи БССР:

«1. Около 1700 экспонатов живописи русской и западноевропейских икон.

2. 30 икон XVI—XVII вв. письма белорусских мастеров.

3. Около 50 скульптурных работ русских и иностранных художников.

4. Коллекция слуцких поясов в количестве 43 штук.

5. Огромные коллекции художественного фарфора русских, китайских и западноевропейских заводов: вазы, статуэтки, посуда; художественные изделия и посуда из уречского стекла (из мануфактуры XVIII в. в Слуцком уезде. — А.М.).

6. Большая коллекция бронзовых и фарфоровых часов различных эпох.

7. Коллекция художественных произведений резьбы по кости русских и иностранных мастеров.

8. Восемь гарнитуров стильной мебели различных эпох; резные шкафы данцигской работы.

9. Десять секретеров из дорогих пород дерева художественной работы.

10. Около ста различных ковров и гобеленов.

11. Бронзовые и фарфоровые канделябры худ(ожественной) работы различного времени.

В этом здании на проспекте Независимости находился Белорусский государственный музей, основные экспонаты которого были в 1944 г. вывезены в Баварию.

12. Огромная библиотека на русском и всех европейских языках по вопросам искусства.

13. Около тысячи лепных и тысячи багетных рам для картин.

14. Оборудование запасника и 25 зрительных залов, библиотеки и служебных помещений: стеллажи, стенды, различные витрины, постаменты для скульптур, библиотечные шкафы, письменные столы, диваны, кресла, письменные приборы, настольные лампы, несгораемый шкаф, пишущая машинка.

15. Пианино красного дерева французской фирмы.

16. Грузовая машина».

Далее потери конкретизируются. Идут списки по следующим разделам: «Русская живопись» (223 произведения), «Западноевропейская живопись» (32), «Скульптура» (20), «Слуцкие пояса» (32), «Мебель, переданная в галерею из Эрмитажа» (51 предмет, происходивший из «синей спальни» Александра II), «Мебель, фарфор, стекло, бронза, ковры, ткани, кость» (26 наименований; некоторые из них суммарные, например: «Двести шерстяных и хлопчатобумажных постилок художественной работы белорусских ткачей»).

Существенные уточнения

Некоторые списки по разделам требуют комментариев. Так, к русской живописи (называются произведения Брюллова, Боровиковского, Айвазовского, Савицкого, Поленова, Левитана, Репина, Врубеля, Коровина и других) причислены полотна белорусских художников («Женский портрет» Богданова-Бельского, «Ранняя весна», «Весна» и

Сюда, на площадь Свободы, в Государственную картинную галерею БССР, после войны не вернулись ее коллекции.

«Ай-Петри» Бялыницкого-Бирули, «Девушка с книгой» Зарянко) либо уроженцев Беларуси, принадлежащих к польской живописной традиции («Охотники» Вейсенгофа, «Дожинки» Рущица). Список «Западноевропейская живопись» (здесь доминируют приблизительные определения «неизвестный художник» итальянской, французской, фламандской, голландской школы) завершается весьма существенным дополнением: «Кроме перечисленных 223 произведений русской живописи и 32 западноевропейских в запасе (запасниках. — А. М.) находилось 957 картин, преимущественно портреты местных деятелей, безымянные и неопределенные работы белорусских, польских и западноевропейских художников (...) и 30 икон белорусских художников XVI—XVIII вв.». В запасниках хранилось также 69 скульптур преимущественно белорусских авторов.

В некоторых разделах произведения не перечисляются, а приводятся лишь общие сведения о них типа «794 гравюры, офорты, литографии русских и западноевропейских мастеров, переданные в Картинную галерею БССР, главным образом из бюджетных фондов Гос(ударственного) Эрмитажа и Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина».

Отдельно от описаний потерь из основных фондов Государственной картинной галереи БССР от имени Комиссии по определению ущерба, причиненного фашистскими захватчиками коллекциям художественных музеев при Комитете по делам искусств СНК СССР, были составлены две «Описи работ белорусских художников XIX–XX вв., хранившихся в Государственной картинной галерее БССР (выставка «Ленин – Сталин») и вывезенных гитлеровцами в Германию и в страны их сообщников или уничтоженных в результате их разбойничьих действий». В первой фигурирует (с указанием размеров) 221 живописное произведение, во второй – 47 гравюр и литографий, 120 рисунков и 41 скульптурное произведение. В описях названы (за исключением репрессированных) все ведущие мастера белорусского советского изобразительного искусства довоенной поры.

Все «Описи» были в послевоенное время прокомментированы в короткой справке начальника управления по делам искусств при СНК БССР известным белорусским прозаиком Пилипом Пестраком. Он перечислил наиболее известных художников, чьи произведения были представлены в Государственной картинной галерее БССР. Среди ценных скульптур выделил «работы худ(ожника) Козловского "Амур", Клодта "Павшая лошадь" (бронза), "Маска Петра" (очевидно, русского царя. – А.М.), два бюста мраморных – Марии Федоровны и Александра I, а также работы белорусских художников – "Репка" Керзина, "Бюст Михоэлса" Бразера, несколько портретов (исполненных в гипсе) великих людей Советского Союза Азгура и другие работы белорусских художников».

В «Справке», составленной П. Пестраком, нашего внимания заслуживают еще несколько утверждений. Первое: «После освобождения Западной Белоруссии галерея была пополнена экспонатами из Радзивилловского замка и г. Мира, которые также находились в помещении галереи». Второе: «Цифровые данные по памяти приблизительны: скульптуры – 250 экспонатов, графики – около 1500 экспонатов, живописи – 2000 экспонатов, прикладного искусства – фарфор, мебель и др. – 2500 экспонатов».

И, наконец, наиболее важное для нас – о судьбе экспонатов, их конкретных следах: «После захвата немцами г. Минска Картинная галерея БССР полностью сохранилась, за исключением мелких экспонатов, которые были расхищены первыми военными немецкими частями и самими жителями, как, например, работы палехских мастеров, шкатулки, ковры, белорусские постилки и др.». А о действиях команды Розенберга в 1944-м году сказано: «При упаковке немцами экспонатов Картинной галереи БССР на ящиках адрес надписывался – г. Кенигсберг. По слухам также подтверждалось, что Картинную галерею увозят в Кенигсберг». Но, как увидим дальше, здесь явная путаница.

Замок в Кенигсберге (Калининграде). Возможно, под ним погибли экспонаты из Государственной картинной галереи БССР.

Сокровища галереи были вывезены в первые месяцы оккупации, в том числе, очевидно, также в Кенигсберг. В последней, 18-томной, «Беларускай Энцыклапедыі» о них сказано, что «судьба их неизвестна», хотя определенные следы все же есть.

Важный источник

Остановимся еще на одном ценном списке военных потерь, касающемся Белорусского государственного музея (БГМ). В 1992—1993-х годах доктор искусствоведения Надежда Высоцкая и кандидат искусствоведения Майя Яницкая как сотрудницы (по договору) Национального научно-просветительного центра имени Ф. Скорины выполнили работу «Белорусские произведения искусства, исчезнувшие в ветрах Второй мировой войны» («Вяртанне 2»). Сведения авторы собирали подробные: когда было создано произведение, его название и извест-

ные признаки, откуда оно поступило в БГМ или откуда было вывезено в Германию, современное местонахождение и наличие фотографии и, наконец, источники сведений (среди них — исследования М. Щекотихина и немецкого искусствоведа А. Иппеля, довоенные каталоги выставок и журнал «Наш край). Всего Н. Высоцкой и М. Яницкой прослежены судьбы 116 произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства — белорусского, русского, западноевропейского. Среди них — 74 иконы, 8 скульптур, 9 слуцких поясов, плащаница из Черейского монастыря, зеркало с гравированной надписью, сделанное в 1786-м году в Уречской стеклянной мануфактуре Радзивиллов. Важная деталь: оказывается, перед отправкой из БГМ в Германию некоторые иконы были сфотографированы, и эти изображения были в руках авторов.

Таким образом, сегодня мы имеем довольно подробные и обширные сведения о том, что имелось до войны в фондах минских Государственной картинной галереи и Белорусском государственном музее (в последнем хранились также поступления из Витебска и Гродно).

Но каким образом и куда все это было вывезено?

Сначала действовали мародеры

Боюсь, что многих произведений искусства, названных в каталогах Е. Аладовой, Н. Высоцкой и М. Яницкой, суммарно упомянутых П. Пестраком, нам уже не увидеть никогда. Основой для такого пессимистического вывода служит письмо гауляйтера Кубе рейхсляйтеру Розенбергу, датированное 29 сентября 1941-го года. В мои руки оно попало из немецких источников в 1992-м году и показалось весьма интересным. Было решено перевести его для «Вяртання» (вып. 1-й). Одновременно мы поделились текстом с журналом «Нёман» (1993, № 5). Ниже приводятся наиболее существенные отрывки из письма хотя бы потому, что в нем указаны неиспользованные до сих пор ориентиры:

«Сегодня я, наконец, после долгих поисков обнаружил остатки произведений в Минске (в Государственной картинной галерее? — А.М.) и смог обеспечить их сохранность. Минск имел большую, отчасти очень ценную, коллекцию картин и произведений искусства, которые почти все были вывезены из Минска. По приказу рейхсфюрера СС, рейхсляйтера Хайнриха Гиммлера, большинство картин (...) упакованы СС и отправлены в рейх. Речь идет при этом о миллионных ценностях, которых был лишен генеральный округ Белоруссии. Картины якобы направлены в Линц (в Австрии. — А.М.) и Кенигсберг в Восточной Пруссии. И прошу эти ценные коллекции, если таковы не нужны в рейхе, снова возвратить в распоряжение Генерального округа Белоруссии или

же, на всякий случай, компенсировать министерству по занятым восточным областям материальную стоимость».

Здесь надо прервать цитату и пояснить, почему вдруг Кубе проявил такую заботу о минских сокровищах. Дело в том, что Кубе хотел доказать и Гитлеру, и Борману, и Лозе, и Розенбергу, что он очень успешный и эффективный колонизатор «восточных земель» для рейха. В том числе в сфере культуры. И тут доказательства его «социал-националистических забот» вдруг оказались увезенными, притом без его ведома. Конечно, Кубе нагло, хоть и учтиво, лгал, когда писал о возвращении ценностей или их компенсации — такое в рейхе не практиковалось. Но чего не сделаешь, чтобы понравиться Гитлеру.

Отсюда и возмущение Кубе по поводу откровенного грабежа. Он так не гармонировал с традиционно хваленым нацистским «новым порядком»: «По данным майора 707-й дивизии, который сегодня передал мне остатки ценностей, остальные картины и произведения искусства, в том числе ценнейшие картины и мебель XVIII и XIX веков, вазы, предметы из мрамора, часы и т.д. оставлены на дальнейшее разграбление вермахту. Генерал Штубенраух ценную часть этих вещей из Минска увез с собой в оперативный тыл. Зондерфюреры, о которых мне пока еще не доложили, нагрузили (без квитанции) три грузовые автомашины мебелью, картинами и предметами искусства и увезли. Я прикажу установить номера этих частей, чтобы наказать виновных в совершении ими грабежей. Из оставшихся культурных сокровищ здешние учреждения вермахта и СС без моего согласия взяли еще ряд ценных предметов и картин, однако пока они еще находятся в Минске».

Многие музейные ценности оказались по-варварски поврежденными, изувеченными. «Я прошу направить сюда национал-социалиста, художника Вили Шпрингера, проживающего в Берлине СВ 29, Хазенхайле, 94 для реставрации отчасти бессмысленно проколотых и порезанных штыками картин, чтобы под его надзором было спасено еще то, что можно спасти. К сожалению, многие ценные вазы, фарфор, шкафы и стильная мебель XVIII века сильно повреждены или поломаны. В целом речь идет о невосполнимых сокровищах в миллионы марок».

Следы варварства виднелись не только в Государственной картинной галерее. «Исторический музей в Минске в совершенно запущенном состоянии. Отдел геологии разграблен, похищены драгоценнейшие благородные камни, самоцветы. В университете безрассудно поломаны или похищены инструменты стоимостью в сотни тысяч немецких марок».

Прежде чем посылать письмо Розенбергу, осторожный Кубе решил опереться на мнения специалистов, их письменные заключения. В Белорусский государственный музей, который во время оккупации

Замок в Гехштадте (Бавария). Сюда в 1944 году были вывезены ценности из Минска.

стал называться краеведческим, он направил с проверкой историка С. Г. Куртца. Благодаря немецкому архивисту Бернхарду Хьяри (Франкфурт-на-Майне) комиссия «Вяртанне» получила в 1996-м году копии ряда документов, найденных им в Минске. Среди них был и «Рапорт о проверке 26. 9. (1941) Белорусского краеведческого музея в Минске», подписанный тем же Куртцем. Итоги визита были неутешительны: везде виднелись следы грабежа, запустение. К примеру, была «утеряна» сабля французского генерала Ноя, уничтожены стенды третьего отдела «Советское восстановление». Но отдельные экспонаты, в частности «пушка немецкого литейщика Мерля», свидетельствовали, что музей можно восстановить «под наблюдением и защитой самого генерального комиссара». Проверяющий был готов взять коллекции в свое «подчинение». Но позже власти решили назначить директором краеведческого музея белорусского историка Антона Шукелайця, изучившего немецкий язык в Виленском университете.

Через Инстербург — в Гэхштадт

Грабеж белорусских ценностей был беспрерывным. Как во время пребывания у власти Кубе, так и после того, как гауляйтера ликвидировали. Об этом свидетельствуют материалы, обнаруженные в начале 1990-х годов в Национальном архиве Республики Беларусь, а также переданные комиссии «Вяртанне» названным уже доктором Бернхардом Хьяри. Из них видно, что 15 марта было заключено соглашение с директором Краеведческого музея в г. Инстербург (нынче Черняховск Ка-

лининградской области) Вальтером Гронау о временном размещении там экспозиции Минского краеведческого музея (трое его сотрудников собирались переехать туда работать). А уже 20 марта 1944-го года недалекий от фронта Инстербург был заменен на Гэхштадт, маленький городок с замком в Баварии. Из берлинского отдела научно-культурных ценностей доисторического и раннего периодов, подчиненного тому же министерству Розенберга, профессор Райнерт послал в Минск радиограмму начальнику штаба главной рабочей группы «Центр» Лангкопфу: «Прошу вашей помощи в немедленной отправке ценностей государственного музея в г. Минске. Ответственной за отправку назначается д-р Хаупт».

Через три дня последовал ответ: «Ценности государственного музея г. Минска 23.3.1944 г. будут отгружены в Инстербург, так как между генеральным комиссаром (генералом СС Готбергом. — А.М.) и городом Инстербург велись переговоры и заключен договор о размещении и хранении доставленных музейных ценностей. Поскольку все мероприятия по отгрузке музейных ценностей идут полным ходом, отгрузка их в г. Гэхштадт из Минска уже невозможна».

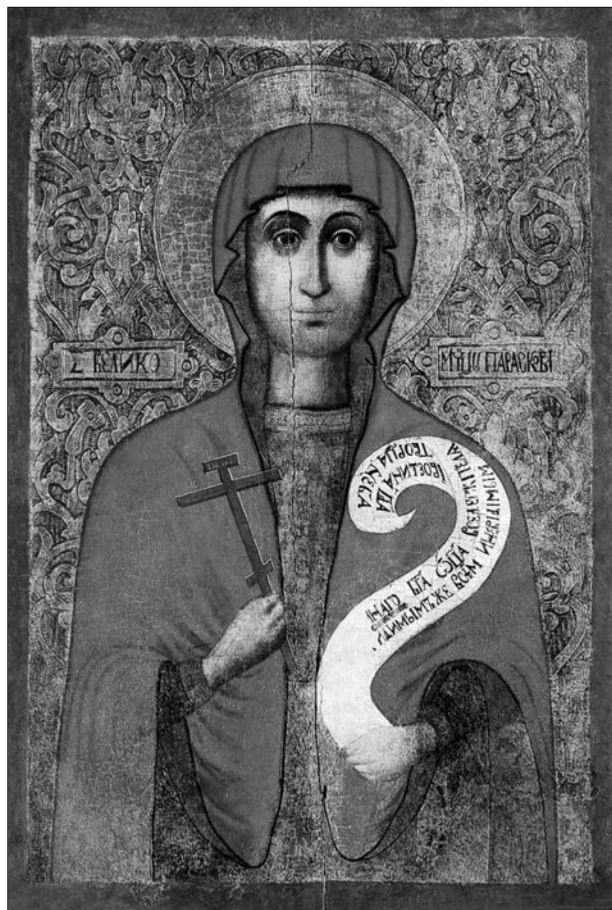
Но «орднунг» есть «орднунг», он исключал самовольщину «снизу». Через месяц, уже незадолго до освобождения Минска, тот же Лангкопф в грабительском раже сообщал в Берлин Вернеру Хюлле, возглавлявшему «особый штаб древней истории» министерства Розенберга: «Благодарю за ваше письмо от 20.4.1944 г. За это время все материалы из Минска, всего 4 вагона (запомним это число! — А.М.), отправлены в г. Гэхштадт через г. Инстербург. Я надеюсь, что отправленные музейные ценности прибыли в хорошем состоянии.

Этим самым работа профессора Хаупт закончена, и в ближайшие дни она выедет в Главную рабочую группу “Центр” в г. Слоним для вывоза ценностей местного краеведческого музея».

Нацистские «культуртрегеры» чувствовали, что припекает, потому старались побыстрее ограбить все белорусские музеи…

Наконец, 24 апреля «образцовый национал-социалист» Хюлле сообщил Лангкопфу в Минск: «Три (!) вагона музейных ценностей уже прибыли в Гэхштадт. Указание генеральному комиссару отправить туда же и остальные (!) вагоны с музейными ценностями уже направлено Восточным министерством. Я надеюсь, что генеральный комиссар выполнит и это указание министра. Как только этот вопрос будет разрешен, мы дадим второе задание, чтобы дальнейшие (!) работы по отправке осуществлялись под руководством госпожи д-ра Хаупт, которая благодаря вам проделала плодотворную работу в Минске» («Вяртанне 3»).

Да, постарались немцы в оккупированной Беларуси. После них музеи напоминали выжженную землю…

Икона Параскева-Пятница. Была возвращена после Великой Отечественной войны.

Помогла Москва

После я узнал, что описание экспонатов, окончательная их сортировка и упаковка производились не в Гэхштадте, а в Мюнхене, так сказать, централизованно, с составлением картотеки. Последняя меня очень заинтересовала, и я попросил немецких коллег из группы так называемого Бременского проекта (а в ней поисками утраченного занимаются около 200 человек) Дорис Лемменмайер и Габриэле Фройтаг, приезжавших в Минск на конгресс белорусистов и выступавших на нем, оказать помощь комиссии «Вяртанне», заполучить копии «белорусских» карточек. Они сказали, что это, в принципе, возможно, ибо

американские картотеки хранятся в федеральном архиве в Кобленце, но за работу придется заплатить немалую сумму. Ее не оказалось.

О наших заботах я рассказал в своем докладе на конференции под эгидой ЮНЕСКО «Реституция культурных ценностей» (Минск, 1997). И вдруг неожиданно для меня откликнулся наш гость из Москвы, главный эксперт отдела реституции культурных ценностей министерства культуры Российской Федерации Николай Никандров. Он сказал, что благодаря содействию на самом высоком уровне — Г. Коля и Б. Ельцина — копии в электронном виде мюнхенских карточек в министерстве уже имеются, и среди них, действительно, есть немало с упоминанием Минска. С юмором добавил, что, учитывая белорусские корни своей матери, он готов без гонорара подготовить публикацию о них для очередного сборника «Вяртанне». И такая публикация под названием «Судьба белорусских собраний, вывезенных в Германию» в шестом выпуске появилась. В сборнике приведены 75 наиболее интересных и характерных карточек, любезно продублированных для нас Н. Никандровым. На самом деле, подчеркнул он, их можно выявить гораздо больше.

На первый взгляд заполненные в Мюнхене карточки на каждое произведение изобразительного искусства немногим могут быть полезны исследователю. В самом верху — гэхштадтский и мюнхенский номера. Датировка и название картин приблизительны: «Портрет дамы», «Портрет старой дамы», «Портрет генерала», реже указывается что-нибудь более конкретное, полезное при идентификации вроде: «Портрет дамы с жемчужным ожерельем», «Портрет дамы с книгой и письмом». Иногда встречаются вошедшие в историю белорусские фамилии: Богданович, Ходкевич, Ельский. Но самое ценное — в правом нижнем углу: здесь указывается каталожный номер, поставленный на картине в Минске. Важны также размеры картины, данные в сантиметрах.

А прибыло в Минск всего два вагона…

К сожалению, заполненные в Мюнхене карточки, равно как и сделанные фотографии, также сохраняющиеся в Кобленце, в дальнейшем пути экспонаты не сопровождали. А путь этот лежал уже в советскую зону, на склад «Дэрутра» в Берлине. Сюда стекались потоки грузов не только из Мюнхена, но также из Оффенбаха, Висбадена. Новую инвентаризационную опись в Берлине составлять не стали. 2391 ящик поделили весьма приблизительно, некоторые развалившиеся переупаковали. Все было погружено в 18 закрытых вагонов и один открытый (для двух бронзовых статуй и ствола пушки) и отправлено преимущественно в Пушкин под Ленинградом, а также в Новгород и Киев для более тщательной сортировки и перераспределения. 182 ящика возвратилось в двух вагонах в Минск. Все-

Икона Рождения Матери Божьей.
Была возвращена после Великой Отечественной войны.

го в двух, хотя, по самым скромным подсчетам, их должно было быть не меньше пяти. Груз сопровождал, расписавшись за него 28 октября 1947-го года, уполномоченный Совета Министров Белорусской ССР в Германии М. Кольницкий.

Что же оказалось в двух вагонах, прибывших в начале ноября в Минск? Ответ на этот вопрос дают документы, найденные в Государственном архиве Беларуси одним из самых активных членов комиссии «Вяртанне» Виталием Скалабаном. Они описаны и частично опубликованы в его статьях «Так спасались ценности» и «Судьба возвращенных в Минск ценностей» (страницы «Вяртанне» в газете «Голас Радзiмы» от 20 мая и 17 июня 2004 года), проиллюстрированных репродукциями возвращенных произведений.

Некоторые из них повторены в данной статье.

Из документов, обнародованных В. Скалабаном, наиболее интересна справка «Основные музейные коллекции и собрания, возвращенные из Германии Советской военной администрацией в ноябре 1947 года», подписанная начальником отдела музеев Комитета по делам культпросветучреждений при Совете Министров БССР В. Венюковым. Приводим ее с сокращениями:

«1. Коллекции (до 100) старопечатных книг преимущественно белорусских, старомосковских, староукраинских изданий XVII—XVIII столетий (...).

2. До 30 рукописных книг, преимущественно XVII—XVIII столетий, преимущественно писанных в Беларуси.

3. Ценная и многочисленная коллекция фотоснимков по этнографии Беларуси.

4. Великая коллекция белорусского этнографического материала (...).

5. Значительное собрание икон, среди которых попадаются чрезвычайно ценные произведения давнишнего белорусского искусства (иконы могилевской школы и др.).

6. Собрание старобелорусской деревянной резьбы XVII—XVIII столетий (...).

9. Из светской живописи значительна коллекция семьи Радзивиллов (более 50 портретов). (Как уже писалось мной в «СБ», в 1950-м году они были преимущественно отправлены в Польшу. — А.М.)

10. Получено также значительное количество произведений белорусских художников преимущественно 20—30-х лет: Филипповича, Суховерхова, Манасзона, Бялыницкого, Лейтмана и работы старших художников: Пэна, Альперовича, Бразера, Кругера.

11. Церковная посуда, преимущественно XVII—XVIII столетий в очень поврежденном состоянии.

12. Археологические коллекции из раскопок на территории Беларуси (материалы Академии наук БССР и минского Государственного исторического музея) (...).

14. Коллекция древнего оружия.

15. Часть художественных произведений принадлежит Государственной картинной галерее (Левитан, Башилов и др.)».

Очевидно, тогда же, в конце 1947-го года, тем же Комитетом по делам культпросветучреждений от областных музеев были затребованы списки имущества, вывезенного немцами во время оккупации в Германию. В архиве имеются ответы из Витебска, Гомеля, Пинска и Полоцка, представляющие собой ценность для дальнейших поисков.

Наконец, среди архивных материалов имеется акт приемки возвращенных из Германии ценностей. Временно они были оставлены на хранение в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны, а потом, в 1957-м году, переданы законному владельцу — Государственному музею БССР (теперь Национальный музей истории и культуры Беларуси). Хорошо было бы в последнем организовать специальную выставку спасенных ценностей. Пусть и неполную, и с большущим опозданием...

А где же остальное?

Как читатель легко мог заметить, среди возвращенных из Баварии ценностей почти не было экспонатов бывшей Государственной картинной галереи, скрупулезно перечисленных Е. Аладовой. Да их там и не должно было быть. Судя по переписке вельможных нацистов Кубе и Розенберга, их вывезли в Кенигсберг (там они вряд ли остались) и Линц (а вот там могло хоть что-нибудь остаться). Но, к сожалению, этими следами никто (в том числе и комиссия «Вяртанне») серьезно не занимался. Просто не было и не видно пока наводящих нитей. Они исчезли (надеюсь, временно) в хаосе первых дней оккупации Минска, когда эсэсовцы хватали все, что попадет под руку, что взять с бандитов...

Читателя, несомненно, удивило и численное несовпадение: из Минска в Гэхштадт Хаупт отправила 4 вагона, а потом еще не меньше одного, из Берлина же прибыло только 2. По моему мнению, которое разделял на конференции и Николай Никандров, остальное имущество отправилось из Берлина прямо в Пушкин. И были в тех вагонах, если рассуждать логически, произведения русского и западноевропейского искусства. Ведь в списке, составленном Н. Высоцкой и М. Яницкой, их есть немало, а в документах 1947—1948-х годов уже не видно совсем. Что ж, если окажется, что это так, что из Пушкина указанные ценности отправились в русские музеи (или их запасники), то у Беларуси неожиданно появится дополнительный резерв для обмена.

Что еще может оставаться в Германии

Первое. У меня сложилось убеждение, что часть белорусских экспонатов все же оказалась в Инстербургском краеведческом музее и оттуда не попала ни в Минск, ни даже в Гэхштадт. Иначе откуда взялся бы не-

мецкий список, подписанный директором этого музея Вальтером Гронау еще… 15 сентября 1943-го года (копия его была передана комиссии «Вяртанне» тем же Бернхардом Хьяри). В названном списке — 33 произведения белорусских (Альперович, Лейтман, Зак, Головченко, Соломаткин) и итальянских (Марчини, Джорданио, Брезани) художников. Указан способ исполнения каждой картины, ее размеры… Не иначе как «расписка» в получении. Но почему дана она «досрочно», за полгода до вывоза основной части экспонатов? Был послан «задаток», «пробная» партия? Загадка, каких по данной теме немало. И разгадать ее можно только с помощью немецких коллег, которые, конечно же, знают, куда из Восточной Пруссии попали коллекции Инстербургского музея.

Второе. Известно, что во времена фашистской оккупации были и тематические «изъятия» экспонатов из «Белорусского краеведческого музея». Однажды поступила команда отправить в Вену все, что было так или иначе связано с еврейской культурой (хорошо, что немцы хоть успели составить список изъятого). А в 1943-м году взяли на переплавку пушки — 16 из коллекции князей Радзивиллов и три из «старых минских запасов». Но переплавить их не успели, и теперь будто бы они находятся в Кобурге, некоторые даже выставлены на улице. Информацию эту, конечно, следовало бы проверить.

И, наконец, комиссию «Вяртанне» очень тревожила и тревожит судьба экспонатов Барановичского краеведческого музея, в котором было собрано много ценных произведений изобразительного искусства, в том числе западноевропейского, свезенных с усадеб довоенной Западной Белоруссии. В моей картотеке сохранились только сведения, что летом 1942-го года в Барановичах немцы наладили какое-то подобие выставки. На ней были представлены вырезанные из дерева фигуры «Христос с ягненком» ишколдского мастера (около 1700 года) и «Святые Петр и Павел» недведицкого мастера (около 1600 года), «Святой Ян» из Ишколди (около 1500 года), а также картины «Кудельница» и «Белорусский крестьянин» Севрука, «Белорусская девочка» и «Деревенские девчата» Шимановича. Все коллекции музея немцами были в 1944-м году вывезены на Запад. Но куда попали, где пропали? У комиссии нет никаких следов. Может, читатели из Барановичей что-то подскажут?

Что еще вернули

О том, что потеряно в годы оккупации и что все-таки вернулось, можно рассказывать долго. Например, о каменных языческих идолах («бабах»), вывезенных из Минска и установленных в одном из парков Берлина, о собраниях витебского музея (часть их вернулась из Риги) и так далее.

Из того, что вернули, обязательно следует назвать значительную часть книг из нынешней Национальной библиотеки Беларуси. Вывезенные в Ратенау и помещенные в различных монастырских подвалах, они были обнаружены советскими солдатами и потом возвращены в Минск. (Но все ли? Может, что-то осталось в подвалах Ратенау — теперь польского города Рацибужа?) Вернулись (преимущественно из Риги) белорусские архивы. А теперь продолжают возвращаться в виртуальном виде из основных немецких архивов — но это уже не реституция, а плоды сотрудничества.

Говоря о возвращении, я не могу, не имею морального права не назвать частные, «народные» инициативы. К примеру, бывший солдат Карл Гутман передал икону, взятую из горящей белорусской церкви. Жительница Франкфурта-на-Майне Луиза Жос-Рей привезла в Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны мастерски вышитую мужскую сорочку-косоворотку, захваченную где-то ее братом, а журналист из Берлина Курт Вагнер и фрау Ингеборг Мюнцинг-Руэф из Мюнхена подарили тому же музею уникальные снимки, сделанные в Минске во время оккупации. Возвращались захваченные отцами и дедами книжки, произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства. И часто при передаче подчеркивалось, что это — знак покаяния за преступления нацистов. И знак примирения, которое ведет к взаимопониманию.

Притягательная сила Парижа

О духовных ценностях земли белорусской, оказавшихся во Франции

Если провести сравнение с предыдущими статьями цикла, посвященными белорусским сокровищам, оказавшимся в России, Украине, Польше, Литве и Германии, французская тематика наименее «конфликтна». Там мы имели дело с перемещением ценностей, обусловленным вхождением в общие государственные образования, либо с вывозом, связанным с военными событиями. Здесь же речь пойдет преимущественно о памятниках духовной культуры, вывезенных из Беларуси их авторами либо созданных ими же на французской земле. Даже во время войны 1812-го года случаи захвата и мародерства

были единичными, стихийными. Даже наполеонист Доминик Радзивилл не смог взять, отступая, свои несметные сокровища с собой, приказал эконому Брухнальскому надежно спрятать их в землю. Ситуация выглядела, скорее, с точностью до наоборот: это в Сморгони будущий писатель Стендаль потерял (либо спрятал) свой дневник, это на пути из Сморгони в Вильно Бонапарт надежно захоронил четыре бочки со своими золотыми запасами, все еще надеясь сюда вернуться...

Так что термин «реституция» в данной статье мне не понадобится. Вместо него будет востребовано понятие «обмен культурными ценностями». И это хорошо.

Два исключения

Из каждого правила есть исключения. Об одном — теперь. О втором — в конце статьи.

Все же есть во Франции одно белорусское архивное собрание, которое попало туда в связи с событиями Второй мировой войны. Это известный и одновременно таинственный «куфар з паперамі Беларускай Народнай Рэспублікі», вывезенный из Праги в Париж ее очередным президентом Николаем Абрамчиком и помещенный (за деньги) в одном из костелов около Парижа. Об этом сундуке писали в прессе, рассказывала мне как очевидец покойная поэтесса Лариса Гениюш. Но и она точно не знала, что уместилось в том емком сундуке (конечно, самое ценное), а что осталось в Праге и потом, скорее всего, попало в Москву.

Белорусская эмиграция следила за судьбой сундука, знала, что после смерти Николая Абрамчика им распоряжается вдова, Нина Левкович, живущая под Парижем. Но всякие уговоры ее передать архив в более надежные, застрахованные от случайностей руки результатов не возымели. Аргумент был неубедительный: «Сгодится в семье».

Между тем французская коллекция рукописей БНР имеет значительную историческую ценность для лиц самых разных убеждений. Мне кажется, что не так уж важно, в каком хранилище окажется «куфар» — государственном в Беларуси или «общественном» за рубежом. Важно, чтобы он не погиб. И здесь я надеюсь скорее на добрую волю Нины Левкович, человека, наделенного литературным талантом (псевдоним Нина Раса). Ведь смогла же она переступить через себя и передать в «бальшавіцкі» Центр имени Скорины, который я долгие годы возглавлял, связанные своими руками белорусские пояса, которые там, опять-таки несмотря ни на что, экспонировались.

В Париж — при содействии Тегерана

Первый раз мне посчастливилось побывать в Париже в 1999-м году благодаря переписке, которая завязалась с нашим соотечественником, уроженцем Минска, Ежи Гедройцем (1906—2000), редактором знаменитого парижского журнала «Культура». Еще при жизни его называли Пророком: это он еще в 1940-е годы предвидел, что Вильно, Гродно, Львов будут принадлежать не возрожденной «польской власти», а суверенным Литве, Беларуси и Украине, а потом на страницах своего журнала последовательно проводил (несмотря на все обвинения в «измене») политику доброжелательности к народам будущих независимых стран. В знак уважения к такой политике Министерство иностранных дел Франции организовало тогда международную научную конференцию, на которую пригласили и меня. Разговаривая с Ежи Гедройцем и до, и после доклада, я думал, что, наверное, в архиве «Культуры», издававшейся несколько десятилетий, есть немало материалов, поступивших в редакцию из Беларуси. Но проверить эту мысль не удалось: пребывание в Париже было ограничено во времени, а через год Пророка не стало. В связи со столетием со дня его рождения в Минске прошла международная научная конференция, а одна из новых улиц Минска была названа его именем.

Вторая же поездка в «пекны Парыж» (Дунин-Марцинкевич) состоялась ранней весной 2005-го года, и инициаторами ее оказались Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО Республики Беларусь и посольство Ирана в Беларуси. А дело было так. Как-то еще в 2004-м году я заказал для газеты «Голас Радзімы» и, владея темой, отредактировал статью Евгения Фурса «Белорус, открывавший Западу Персию: Дипломат, поэт и ученый Александр Ходзька родился 200 лет тому на Мядельщине». Помнится, статья заканчивалась добавленным мной постскриптумом: «При определенных стараниях нескольких заинтересованных стран (Беларуси, Великобритании, Ирана, Литвы, Польши, России, Турции, Франции) исполняющийся в этом году юбилей А. Ходзьки мог бы быть отмечен во всем мире на уровне ЮНЕСКО, как предшествующие юбилеи его друзей по Виленскому университету и дальнейшей судьбе Адама Мицкевича и Игнатия Домейки». Правда, до юбилея уже оставалось совсем мало времени, и предложение повисло в воздухе. Но публикация не осталась незамеченной, и мне в следующем году предложили принять участие в «круглом столе», посвященном диалогу Востока и Запада. Проводился он в Париже под патронатом президента Ирана и генерального директора ЮНЕСКО.

Что же касается самого Александра Ходзьки (кстати, он принял в Париже кафедру славянских литератур в Коллеж де Франс из рук своего друга Адама Мицкевича), то я убедился, что его личность участникам «круглого стола» была известна. Но многие не знали, что он родом из Беларуси, что среди множества других языков знал он и белорусский.

Зато участников из мусульманских стран весьма удивил мой рассказ (в продолжение) о татарской общине в Беларуси. Уникальной в том смысле, что ее представители, поселившиеся на наших землях еще во времена Великого княжества Литовского, без принуждения приняли древнебелорусский язык как родной язык славянского народа, пользовались и пользуются им в религиозных книгах («Аль-Китабах»), адекватно передавая белорусское звучание арабскими письменами. Книжные доказательства тому я вручил после доклада президенту Ирана.

— И неужели никакого противостояния властям, вообще белорусам, христианам? — спросил у меня журналист с явно восточной внешностью.

— Никакого! Редкий случай исторически сложившегося конструктивного сожительства.

Но пора перейти к основной теме статьи.

Недоступный ключик

После окончания «круглого стола» появилась возможность обстоятельно поговорить о белорусских ценностях, оказавшихся на французской земле, с Чрезвычайным и Полномочным Послом Беларуси во Франции Виктором Шихом. Он сообщил, что в связи с 200-летием со дня рождения Наполеона Орды работникам архива удалось найти в фондах парижского Музея Адама Мицкевича несколько писем известного художника, композитора и ученого и оцифровать их. Но основная работа еще предстоит.

— Руководство Министерства иностранных дел рекомендовало работникам посольства вести в архивах и отделах рукописей библиотек и музеев поиски материалов, связанных с белорусской тематикой. Но это же необъятное море, в котором у нас нет ориентиров. К тому же и навыков поисковых работ нет. Здесь прежде всего нужны специалисты.

— Согласен. Хотел бы сказать, что если речь идет о Западной Европе, такая работа уже выполнена.

— А где же она? Это было бы для нас неоценимое подспорье.

— Она лежит в набранном и сверстанном виде в нашей комиссии «Вяртанне». Есть такая при Белорусском фонде культуры. Все началось с того, что известный итальянский белорусист Санте Грачиотти привез нам в подарок многотомное издание Польского исторического института в Риме. За большие деньги польских эмигрантов-аристократов была проведена колоссальная работа по выявлению всех документов, находящихся в хранилищах Великобритании, Германии, Дании, Италии, Испании, Франции и других стран и касающихся Первой Речи Посполитой, куда, как известно, вместе с Великим княжеством Литовским входили и

белорусские земли. А дальше — уже дело научной сегрегации. Зная белорусские реалии (фамилии, названия населенных пунктов и так далее), не так сложно вычленить все, что прямо или косвенно касается Беларуси. И за эту работу взялся молодой историк Ярош Малишевский, владеющий языками. Отобранная информация составила более 4 печатных листов текста. Они были включены в наш сборник «Вяртанне 8» под названием «Рукапісныя матэрыялы, якія датычацца Беларусі і захоўваюцца ў заходнееўрапейскіх зборах».

— Это же сколько средств и времени сэкономили бы при поисках и ученые, и мы здесь!.. Ну а тот итальянский первоисточник мы могли бы получить от вас, скажем, через Министерство иностранных дел?

— Сомневаюсь. После закрытия Центра имени Скорины, где 27 томов уникальных каталогов стояли в библиотеке, оттуда все — и книги, и ценные музейные экспонаты — было перевезено в здание Белорусского государственного педуниверситета имени Максима Танка и там закрыто на ключ.

— Тогда хоть дайте нам название первоисточника. Все-таки будет легче что-то искать в архивах.

— Это — пожалуйста. Название латинское: Elementa ad fontium... Res polonicae. Издатель: Institutum historicum Polonicum Romae. Издатели-кураторы — Валериан Мейштович (этот в белорусских источниках знал толк) и Каролина Лянцкоронская, фундатор. Место издания: Romae, у разных томов разные годы выхода.

— Что ж, будем искать... А вы уверены, что туда включено все, в частности, по Франции?

— Не включены только те собрания, которые в тематическом отношении являются польскими целиком. Скажем, отделы рукописей Музея Адама Мицкевича и Польского института в Париже.

— А наши исследователи туда доезжают?

— Редко, ибо толком не знают, что там есть. Кстати, мне тоже надо было бы там кое-что проверить.

— А какое время на это потребуется?

— Минимум дня три.

— Что ж, на такое время вы остаетесь в Париже как мой гость.

— Постараюсь отблагодарить находками.

След для мемориальной доски

Назавтра при всей своей занятости Виктор Адамович Ших нашел время, чтобы отвести меня в Музей Адама Мицкевича, расположенный в старой части города, над берегом Сены. По дороге мы заглянули в Латинский квартал, а там, рядом с Нотр-Дам де Пари, — в костел святого Северина, где

Набережная реки Сена.
Здесь находятся Музей Адама Мицкевича и Польская библиотека в Париже.

находится икона Божьей Матери Остробрамской, выполненная кистью нашего соотечественника Валентия Ваньковича, умершего в Париже.

В музее встретили нас приветливо. Для начала я заказал описи рукописных фондов и (в связи с юбилеем) письма Наполеона Орды.

И вот передо мной лежит письмо Орды, датированное 9 августа 1848 года и адресованное Адаму Мицкевичу. Один уроженец Беларуси просит другого, чтобы он по-человечески помог третьему, Янушкевичу, в весьма деликатном деле. Одним словом, проявил земляческую солидарность. По старой привычке смотрю, откуда отправлено письмо. Ба, так ведь же на нем есть никем не замеченный раньше адрес: улица Людовика Великого, дом 9. Если сохранился, будет где установить юбилейную мемориальную доску.

Назавтра, уже в фондах Польской библиотеки в Париже, нахожу еще четыре письма Орды, на этот раз адресованные Генрику Якубовскому с просьбами помочь различным изгнанникам, пребывающим в бедности. Из них следует, что Орда был среди эмиграции весьма влиятельным человеком, вел большую общественную деятельность. Все четыре письма отправлены с той же улицы Людовика Великого.

Значит, подумалось, установлен адрес постоянного пребывания Орды в Париже. Вечером говорю об этом Виктору Адамовичу. Он обрадовался, обещал посмотреть, сохранился ли дом. Через неделю, уже находясь в Минске, получил от господина посла электронное послание, что

дом сохранился, что теперь в нем находится банк. А через года два по каналам ЮНЕСКО в редакцию газеты «Голас Радзімы», где я работаю, поступила фотография: Виктор Ших стоит рядом с оратором на открытии мемориальной доски на здании по улице Людовика Великого — первой белорусской доски в Париже и, кажется, во всей Западной Европе.

Где родился Адам Мицкевич?

История эта давняя, началась лет десять с лишним назад. Приближалось 200-летие со дня рождения великого сына новогрудской земли Адама Мицкевича, чье наследие, как утверждалось тогда на юбилейных конференциях и в Варшаве, и в Минске, и в Гродно, принадлежит нескольким соседним народам, — поскольку он сам себя не делил, следовательно, и мы не должны вести распри вокруг его наследия.

Накануне юбилея две сотрудницы Музея Адама Мицкевича в Новогрудке серьезно усомнились, в каком же Заосье родился автор «Пана Тадеуша». В Гродно они нашли старую карту, на которой были указаны три Заосья: два — под Новогрудком и одно — за сорок верст от него, под Столовичами нынешнего Барановичского района — там, где теперь действует дом-музей поэта.

По просьбе новогрудского музея тогда в Центре имени Скорины собрались на научно-практическую конференцию ученые из Минска и Варшавы (кстати, они тогда же и выбрали место для минского памятника поэту). В ход шли аргументы исторические, географические и моральные. Оказалось, что адвокат Николай Мицкевич стал хозяйствовать в Заосье, что около Столовичей, только через полгода после рождения Адама, а до этого оно принадлежало родственникам, с которыми велась судебная тяжба. К тому же, как засвидетельствовали метеорологи, в конце декабря 1798-го года, на Рождество, когда пришел на свет поэт, стояли крепкие морозы. И какой варвар, доказывали участницы конференции, решился бы в такой холод повезти жену, находящуюся в последних днях «благословенного состояния», за 40 верст к родственникам, настроенным к тому же враждебно?! Иное дело — Заосье под Новогрудком, куда действительно можно было и выехать «на куццю».

Использовался еще один аргумент — визуальный, который выносился и на суд читателей «СБ». Дело в том, что сохранились два рисунка Заосья, сделанные примерно в одно и то же время — в последней трети XIX века. Один принадлежит Наполеону Орде. Пейзаж здесь гористый, «новогрудский», а в доме справа от крыльца виднеются три окна. На втором же рисунке, сделанном Эдвардом Павловичем, пейзаж равнинный, «столовичский»; справа от крыльца заметны только два окна, существенно разнятся и крыши. По словам участников дис-

Эйфелева башня.

куссии, следовало верить уроженцу и жителю Беларуси Орде, приезжего же Павловича частично ввел в заблуждение случайный попутчик. Почему частично? Заосье «столовичское» действительно связано с именем Адама Мицкевича: там прошло его детство, туда он приезжал на каникулы. Память поэта там действительно следует увековечить, но не как место рождения.

Все аргументы «за» и «против» молчаливо выслушивались присутствовавшими на заседании представителями двух министерств культуры — белорусского и польского. На предложение ученых учесть существенные сомнения, возникшие по поводу реставрации усадьбы в Заосье «столовичском» ответ был категоричным: «Поздно! Строительные работы уже идут полным ходом». Ответ на вопрос «А где же доказательства?» прозвучал менее уверенно: «Где-где. Далеко отсюда, в Париже, в Музее Адама Мицкевича...» Растерянные участники вынуждены были пойти на уступки: «Пусть экскурсоводы в Заосье “столовичском” хотя бы не будут категоричны, говорят, что, вероятно, здесь родился поэт». Но, как потом выяснилось, никакие сомнения во время экскурсий не допускались — озвучивалась истина в последней инстанции.

Вот почему несколько лет мне очень хотелось попасть в парижский Музей Адама Мицкевича, наконец прочесть те «доказательства», о которых на обсуждении говорили оба представителя министерств культуры. В первую поездку в Париж на это абсолютно не было времени — даже знаменитый собор Нотр-Дам увидел только через окно автобуса. Наконец, благодаря Виктору Адамовичу такая возможность появилась. Просматривая музейные описи, я прежде всего отмечал,

а потом заказывал те единицы хранения, где могли быть воспоминания о Мицкевиче. Таких папок оказалось немало. Не вдаваясь в подробности, выделю записи Александра Бергеля (единица хранения 763). Это был один из самых близких друзей Мицкевича. Когда умерла его жена Целина, только четверо изгнанников (и Бергель в том числе) были приглашены на кладбище и только трое — к траурному столу на кофе. Из приписки к воспоминаниям Бергеля сына поэта Владислава видно, что первый был не только другом Мицкевичей, но и земляком Адама: родился он 21 октября 1805-го года «в Яскулдах над Свислочью». Участвовал в восстании 1831 года под командованием генерала Рыбинского, а потом вынужден был эмигрировать во Францию.

Так вот, этот несомненно компетентный, имеющий информацию из первых уст мемуарист утверждает, что Мицкевич родился «в Заосье под Новогрудком» (л. д. 15) и только потом его родители «переселились в Новое Заосье, взятое в аренду». Причиной же тому послужил траур, связанный со смертью одного из четверых сыновей — весьма одаренного в музыке и рисовании шестилетнего Антона, о котором раньше в белорусском литературоведении ничего не было известно. Воспоминания Бергеля косвенно подтверждаются «Записками» Александра Кобылинского (ед. хр. 768).

Как видим, парижские «доказательства» имеют смысл противоположный тому, что утверждалось на предъюбилейной конференции.

Так что, спросит иной читатель, создание дома-музея Адама Мицкевича в Заосье «столовичском» считать ошибкой? Отнюдь нет. Повторюсь: здесь прошло детство будущего поэта, сюда он приезжал на каникулы во время учебы в новогрудской доминиканской школе. Воссоздание здесь мемориальной шляхетской усадьбы — нужное, необходимое дело. Надо только, чтобы экскурсоводы (да и средства массовой информации) не тиражировали мифы, а показывали исторические события во всей их сложности и внешней запутанности.

...Еще и композитор

Опять перед нами Мицкевич крупным планом в связи с отмечавшимся в 2008 году его 210-летним юбилеем. Поэтому позволю себе остановиться еще на одной находке: на десяти неизвестных доселе письмах белорусского и польского поэта и фольклориста Яна Чечота (ед. хр. 1003). Он был другом и единомышленником Адама Мицкевича, оказал на него плодотворное влияние — первым использовал в своих польских произведениях мотивы белорусского фольклора, помог другу перейти от традиционного классицизма (поэма «Картошка») к романтизму (баллады и романсы, «Дзяды»). Вместе земляки (Чечот родился на той же

новогрудской земле) участвовали в Виленском университете в тайных студенческих объединениях филаретов и филоматов, за что оба были сосланы в Россию.

Мария Путкамер (Верещака). Миниатюра 1822 года.

Письма Яна Чечота адресованы графине Марии Путкамер (в девичестве Верещака), жившей в имении Больценники (ныне Вороновский район). Это была удивительная женщина. Она стала первой музой Мицкевича, первой, выслушав рассказ старого рыбака на берегу Свитязи, обратила его внимание на красоту белорусской народной поэзии. Глубоко знала и понимала отечественную и западную, особенно французскую, литературу, с воодушевлением пела народную лирическую и трагическую «Да цераз мой двор...». Предчувствуя, какие испытания ему предстоит пережить, Мицкевич уступил свое счастье Вавжинцу Путкамеру, просветителю и гуманисту, воспитанному на идеях французской философии. Поэтому и приезжал Мицкевич из Вильно в Больценники на праздники...

«Тень» Мицкевича присутствует в письмах Чечота — как в отправленных из Вильно, так и в написанных в ссылке, а потом, после возвращения, в Лепеле. Сообщается, например, что «поэт — здоров, ездит на прогулки», что брак с Целиной Шимановской пойдет ему на пользу, ибо он наконец найдет «необходимое успокоение».

Но самое существенное в письмах Чечота, пожалуй, то, что он обращался к Марии Путкамер как к композитору. Послал ей три своих стихотворения — «Радзивилловна», «Репиха» и «Альдона» — и просил, выбрав одно из них, положить на музыку. «Сроков никаких не назначаю, а фортепиано (...) окажется когда-нибудь под рукой, наконец, однажды появилась бы надежда, что Госпожа подберет музыку. Какая это будет роскошь...» А в письмах из Лепеля речь идет о том, чтобы музыкальные произведения «Марии из Туганович» попали на украинские земли.

Из всего сказанного следует, что в лице Марии Путкамер (Верещаки) Новогрудчина и Лидчина имели талантливого и одновременно весьма скромного композитора, достойного того, чтобы войти в энциклопедические справочники.

В Музее Адама Мицкевича оказались также письма Яна Чечота к Елене Малевской и Казимиру Пясецкому из деревни Бортники. А в отделе рукописей Польской библиотеки в Париже находятся 7 тетрадей бе-

лорусского поэта и фольклориста Александра Рыпинского, издавшего в 1840-м году в Париже народоведческое исследование «Беларусь». Речь в них идет о ходе восстания 1831-го года на Вилейщине, Дисненщине и Свентянщине. Можно также назвать рукописи эмигранта с Минщины Евстафия Янушкевича, фрагмент дневника Флориана Радзивилла из Несвижа и многое другое.

Всего за три дня в двух парижских хранилищах было выявлено 77 рукописей, имеющих прямое отношение к Беларуси. По вечерам я садился за компьютер Виктора Адамовича и оформлял список находок по общепринятым правилам. Один экземпляр остался в посольстве, второй передан в Министерство иностранных дел, а третий передам коллективу, который возьмется за составление каталогов белорусских архивных, библиотечных и музейных материалов, находящихся за пределами нашей страны. Кстати, некоторые сведения из моего перечня уже использованы нашими исследователями.

А второй Витовтов пояс ведь во Франции…

В один из вечеров Виктор Адамович задал мне вопрос:

— А на что еще, по вашему мнению, следовало бы обратить внимание работников белорусского посольства во Франции? Ведь в картотеке комиссии «Вяртанне», очевидно, накопились самые разные факты.

— Стоит обратить внимание на аукционы. Не исключено, что там может появиться один из двух так называемых поясов Витовта, найденных во время земляных работ около деревни Литва нынешнего Молодечненского района. Долго фигурировал только один пояс — который так называемые коллекционеры отобрали у экскаваторщика, нашедшего его, и продали минскому музею истории и культуры. А тот уступил его за смешную цену российскому предпринимателю. Теперь идет борьба за возвращение ценной находки. Но, как нам удалось установить, поясов было два. Со вторым другой экскаваторщик удивительно легко и просто добрался до Франции. И выслал гонца с фотографиями в Эрмитаж, к профессору Крамаровскому: мол, купите за 95 тысяч долларов. Но надо же такому случиться: почти одновременно с курьершей в Санкт-Петербург прибыл из Минска профессор Рябцевич, сопоставил снимки и пришел к выводу, что Эрмитажу было предложено уворованное у нашего государства. Поэтому гонцу ничего не ответили. А владелец пояса, очевидно, затаился.

— И на аукцион, вероятно, побоится без документов выставлять. Скорее, будет искать частного коллекционера… А в Интерпол обо всем этом было сообщено?

Плафон в парижской Гранд-Опере. Творение Марка Шагала.

— Боюсь, что нет, хотя мы на этом настаивали, выступив со статьей, напечатанной под рубрикой «Вяртанне» в газете «Голас Радзімы».

Еще я посоветовал искать архивы знаменитых уроженцев Беларуси и их родственников. Ведь Париж как магнитом притягивал к себе и писателей, и художников, и революционеров, и ученых. Достаточно вспомнить Гийома Аполлинера, Марка Шагала, Хаима Сутина, Леона Бакста, Виктора Жолнеровича, Михала Наумовича, Владимира Шиманца, Бориса Заборова, Валерия Врублевского. Люди это известные, их имена вошли в энциклопедии. «Французский» Шагал благодаря стараниям Людмилы Хмельницкой и ее многочисленных зарубежных друзей хорошо представлен в музее художника в Витебске. Но что мы знаем о пути в Париж Аполлинера, Сутина, Бакста, об их связях с родственниками, оставшимися в Беларуси? Среди бумаг соратника Калиновского и генерала Парижской Коммуны Валерия Врублевского могут находиться

сведения о месте и условиях издания «Мужыцкай праўды». А если бы нашелся архив белорусско-литовско-украинской газеты «Змова» (первый ее номер вышел благодаря помощи французских друзей в 1870-м году) — цены ему бы не было.

Две фамилии «вдогонку»

Если бы разговор в белорусском посольстве во Франции состоялся теперь, то я добавил бы еще две фамилии, которых пока нет в белорусских энциклопедиях. А я уверен, что они там будут.

Первая — Евгений Зак, художник. Родился 15 декабря 1884-го года в местечке Могильно над Неманом. Жил в Польше, Германии. Считался «одним из самых выдающихся польских и европейских художников XX века». Умер в Париже, где его жена еще долго содержала знаменитую «Галерею Зака». Мне приходилось видеть зарубежные альбомы, посвященные нашему соотечественнику. Искусствоведы ставят его имя в один ряд с именами Шагала и Сутина, между тем на родине он совершенно неизвестен. Что ж, открытие впереди.

Вторая — Оскар Милош, писатель и дипломат (1877—1939). Родом из Череи на Витебщине. Близкий родственник лауреата Нобелевской премии Чеслава Милоша. Был послом Литвы во Франции. Стал известным французским писателем-символистом. Главные его книги — «Песни» и двухтомные «Повести и сказки давнишней Литвы». Последняя книга основана на белорусском фольклоре, поскольку в этнической Литве Милош почти не жил. Но это лишь мое предположение, которое нуждается в подтверждении франкофонов. Кстати, интересная тема для диссертации, особенно если бы в ней был использован и личный архив писателя.

Выявлено, возвращено

Как по линии Министерства иностранных дел, так и благодаря усилиям друзей комиссии «Вяртанне» немало сделано, чтобы познакомить белорусского зрителя и читателя с ценностями, оказавшимися во Франции. Выше уже говорилось, что там очутилась часть художественного наследия минчанина Валентия Ваньковича. 6 репродукций его картин, в том числе портретов Адама Мицкевича и его жены Целины, были переданы в филиал Национального художественного музея Беларуси «Дом Ваньковичей» женой министра иностранных дел Маргаритой Мартыновой. Экспозиция филиала пополнилась фотографиями могил Валентия Ваньковича и его двоюродного брата Людвика Замбжицкого (вспомним,

Дворец в Версале. Чертежи его попали в Минск после Второй мировой войны.

что Замбжицким принадлежала Вязынка, где родился Купала), похороненных на парижском кладбище Монмартр. То же министерство позаботилось, чтобы в Музее Наполеона Орды, расположенном в Ивановском районе, имелись экспонаты, рассказывающие о богатом событиями и контактами парижском периоде жизни «полесского» художника.

А белорусский историк Игорь Ляльков, хорошо владеющий французским языком, внимательно просмотрел одно из наиболее значительных рукописных собраний в Европе — фонды департамента манускриптов Национальной библиотеки Франции. В итоге появилась статья (а в ней — выборочная опись), посвященная белоруссике XVI—XVIII веков в парижском собрании («Вяртанне 6»). Так что этот участок работы уже сделан. И добротно.

И еще следует вспомнить добрым словом Надежду Ходасевич-Леже, ученицу и жену французского художника Фернана Леже (к его имени обычно добавляют слово «великий»). После его смерти она передала родному Зембину на Борисовщине целую галерею произведений французской живописи.

Есть что и на что менять

А теперь — второе исключение из правил, связанное с военными событиями. Как известно, фашисты вывозили сокровища не только из Беларуси и Украины, но и из оккупированных стран Западной Европы. Часть из них оказалась в советской зоне и была присоединена к ценностям, подлежащим реституции.

...Помнится, в 1996-м году на симпозиуме в Нью-Йорке, посвященном ценностям, которые были утрачены во время Второй мировой вой-

ны, специалист по архивам стран Восточной и Центральной Европы Патриция Гримстед Кеннеди настойчиво выспрашивала у меня, а есть ли в фондах Национальной библиотеки Беларуси Тургеневская библиотека в Париже, а также книги с автографами известных французских деятелей и чертежи Версаля XVIII века. Я, стойко храня мнимую тайну, отвечал: «Быть может, но это другое ведомство. Обратитесь лучше в наше Министерство культуры».

Однако Министерство культуры хранило гордое молчание. И тогда обиженная Патриция Гримстед Кеннеди взяла ту же информацию из западных источников, приехала в Минск, в Национальную библиотеку Беларуси, и выступила там с сенсационным (но не для меня) докладом, который напечатан в сборнике «Здабыткі».

Так что теперь могу признать, не разглашая никакой псевдотайны: да, это у нас есть, лежит невостребованным. Пишу же я об этом потому, что в Париже, в той же Польской библиотеке, лежит тоже невостребованная (ибо до сих пор необработанная) коллекция белорусских (по тематике) рукописей, собранных в Несвиже Станиславом Радзивиллом. Из Несвижа она была перед войной вывезена в Москву, а оттуда в Париж. Когда я попросил дать хотя бы опись этой коллекции, мне ответили: «Нет средств на ее обработку». Так почему бы не сделать обмен?

А может, лучше поменять Тургеневскую библиотеку, скажем, на дубликаты изданий Скорины, что в России? Ибо я не очень уверен, что в Париже ее ждут.

Уточненный шанс

Завершая, стоит вспомнить о статье «Последний шанс» («СБ» от 15 ноября 2007 года), где в который раз говорилось о пресловутом «золоте Наполеона», которое в последний раз видели в четырех бочках в Сморгони. На основании новых печатных сведений, а также письма читателя Станислава Александровича из Островецкого района утверждалось, что в связи с приближением русских войск к Ошмянскому тракту, ведшему на Вильно, оно было отправлено севернее, по Черному тракту. Туда же из Ошмян, внимательно посмотрев на карту Великого княжества Литовского, повернул и сам Наполеон, а вместо него, переодевшись, в карете поехал его секретарь Коленкур. Император же въехал в Вильно целых три дня спустя не с запада, а с севера, со стороны Свентян и Неменчина, через Зеленый мост на Вилии. Что и где он делал так долго? Очевидно, петлял, обманывая приближающегося врага, прятал золото, понимая, что его не довезти до Парижа, надеясь потом вернуться с новым, победным походом.

Согласно Александровичу, сокровище было спрятано на горе около деревни (теперь можно рассекретить) Древеники, а солдаты, покры-

Репродукция картины К. Ланглуа «Битва при Полоцке, 18 августа 1812 года».

вавшие золото слоями песка и торфа, были расстреляны («французскiя капцы» действительно есть невдалеке).

Статья «Последний шанс» вызвала довольно богатую почту. Если верить ей, Наполеон бывал чуть ли не везде и везде его солдаты что-то закапывали. Но были и дельные письма, например, В. Лаппо из Узды, К. Островлянчика из Березино, К. Важник из Руденска, В. Логоша из Гродно. Они сообщали о событиях, которые, действительно, могли иметь место (но уже без участия Наполеона). Поэтому копии их писем переадресованы историкам для квалифицированных рассмотрений.

А пишущий повесть о Наполеоне Михаил Веретило из поселка Красносельский Волковысского района упрекнул меня и Станислава Александровича в легковерности. Ну не был император настолько недальновиден, чтобы в мороз закапывать золото в землю, да еще на горе, на виду у всех. Скорее всего, это был просто отвлекающий маневр. Когда Наполеон смотрел в Ошмянах на карту, делает вывод Веретило, он, несомненно, искал водоем, которого не было ни вдоль Ошмянского, ни вдоль Черного трактов.

Согласившись с читателем, я наново проанализировал реалии. И осознал, что ближайшие озера, отмеченные на карте, были намного севернее — за Вилией, за Михалишками, по старому («Песочному») тракту из Михалишек на Свентяны.

...И надо же случиться такому совпадению! На рецензию мне попала краеведческая книжка библиотекаря из деревни Спонды Остро-

вецкого района Иоланты Валуевич «Як называць цябе, родны мой куточак?». Там перечислены топонимические названия «Спондовского края». И вдруг встречаю в тексте: место, «в котором был Наполеон», место, в котором он «оставил памятный знак» для ориентира, место, где захоронены «французские солдаты»... Но их там не должно быть, ибо французская армия через те места не наступала и не отступала. Подумалось, что автор вольно или невольно подстраивалась под мою статью «Последний шанс». Но ведь я твердо знал, что книга писалась до моей статьи... Мистика, да и только!

Таким образом, мне остается только переадресовать свои наблюдения и выводы Островецкому райисполкому, имеющему дружеские связи с пограничниками, которые могут взять на себя техническую часть вопроса.

И в заключение разрешите немного пофантазировать: несмотря на несомненные изменения в рельефе, все-таки удается установить, какое из 21 озера Кайминской группы оказалось ближе всего к Песчаному тракту, и наконец разгадать историческую загадку. Тогда положенная часть вознаграждения могла бы быть использована райисполкомом для реализации намеченной довольно обширной музейно-туристической программы. А может, и для белорусско-французского культурного взаимодействия и взаимообмена.

В нетуманном Альбионе

Попытка суммировать сведения, полученные за время четырех путешествий

Помнится, во время учебы на факультете журналистики (тогда — отделении) Белгосуниверситета на занятиях по стилистике самым популярным примером иносказательности было выражение «туманный Альбион» (вместо Великобритании, Англии), безусловно, почерпнутое из печати того времени.

Поэтому, когда я впервые в 1982-м году попал (на стипендию ЮНЕСКО для поисков в библиотеках и музеях белорусских рукописей, книг и экспонатов) в Лондон и увидел над аэропортом «Хитроу» чистое небо, с некоторым разочарованием спросил у встречающих:

— А где же ваш пресловутый туман?

— Нет тумана! — услышал ответ. — Перестали топить печки и камины углем — исчез смог, претворившись в туманное воспоминание стихоплетов.

Британский музей и библиотека в Лондоне.

Еще одно доказательство бренности всего сущего...

Тумана я так и не увидел ни в одно из четырех своих посещений Великобритании. Второй раз прилетал по приглашению мецената и историка, наследника князей мстиславских и заславских Анджея Цехановецкого, чтобы взять у него для музея древнебелорусской культуры Академии наук БССР четырехсторонний слуцкий пояс, а также редчайшее гродненское издание XVIII века для музея белорусского книгопечатания в Полоцке (позже к ним прибавилась картина австрийца А. фон Вайдартена «Вид замка князя Радзивилла», датированная началом XIX века). Третий и четвертый разы — на научные конференции. И всегда старался выкроить хотя бы несколько дней для поисков белорусских реликвий.

Поскольку результаты тех путешествий до сих пор не систематизированы и не суммированы, постараюсь сделать это, придерживаясь хронологического принципа. К своим уже довольно старым записям добавляю сведения из картотеки комиссии «Вяртанне» Белорусского фонда культуры.

Земляк Скорины?

Английский юрист и знаток белорусской церковной музыки Гай Пикардо, уже ушедший в мир иной, спросил меня сразу же после перво-

Белорусская библиотека имени Франциска Скорины в Лондоне.

го знакомства в Белорусской библиотеке имени Франциска Скорины в Лондоне:

— А спадар Мальдзіс ведае, хто са знакамітых сыноў крывіцкае зямлі першы засведчыў сваю прысутнасць за Ла-Маншам?!

— Мусіць, Аляксандр Рыпінскі. Ён заснаваў тут друкарню, выдаў свайго «Нячысціка».

— Рыпінскі з'явіўся на некалькі стагоддзяў пазней. Да яго мы яшчэ дойдзем, разам паедзем у Тотнэм, дзе быў яго друкарскі варштат… А сучасніка Скарыны, таксама першадрукара, толькі ў лонданскім Сіці, спадар не хоча?!

— Каюся. Нават не ведаю, хто б гэта мог быць.

— Джон оф Летоу. Ян ці Іван-ліцвін. Я пісаў пра яго. Прынясу спадару копію свайго артыкула.

Оказалось, что типография Яна-литвина или Яна из Литвы была основана в лондонском Сити (старом городе) в 1480-м году — всего через три года после того, как Вильям Кекстон открыл первую печатную мастерскую на Британских островах. Сведения о дате и месте рождения Джона оф Летоу неизвестны. Но поскольку «литвин» в данном случае пишется с малой буквы, логично допустить, что обозначало оно не этническое, а государственное происхождение — гражданство Великого княжества Литовского. Возможно, его родиной стали земли того же Полоцкого княжества, что и у Скорины, который, как считают некоторые исследователи, в 1480-м году был уже юношей.

По мнению Гая Пикардо, Ян-литвин мог учиться в Праге, где при Карловом университете существовала коллегия, основанная женой Ягайло, королевой Ядвигой, для молодежи из ВКЛ, а типографским мастерством овладевать в Италии, у Джона Буля (на это указывает сходство шрифтов). В Лондоне современник и соотечественник Скорины издал несколько книг по юриспруденции. Но после 1486-го года будто исчез из Англии. Возможно, вернулся в Краков и помогал там Швайпольту Фиолю издать в 1498-м году первую церковнославянскую книгу «Триодь постная».

Неужели, подумалось тогда, среди лондонских манускриптов не сохранился документ, засвидетельствовавший хотя бы место рождения одного из английских первопечатников?!

О первопечатнике белорусском

Имя Франциска Скорины в Англии известно давно. Как я убедился сам, и пражские, и виленские его издания есть в знаменитой Британской библиотеке. С начала XIX века белорусский первопечатник неизменно фигурирует в работах британских славистов и библистов.

Мне кажется, принципиальное значение для белорусских исследователей имеет работа шотландского ученого Э. Гендерсона «Библийные исследования и путешествия в Россию, включая поездку в Крым и проезд по Кавказу», изданная в Лондоне в 1826-м году и неизвестная в Беларуси. К сожалению, мы не можем точно сказать, побывал ли признанный во всей Европе специалист по библейским текстам в Полоцке, но издания Скорины он знал досконально, что позволило ему дать ответ на вопрос, над которым наши исследователи бьются до сих пор. С какого языка переводил Библию славный сын Полоцка? Одни категорично утверждают: конечно, с церковнославянского, с текстов, завещанных Кириллом и Мефодием. Другие не менее категоричны: с латинской Вульгаты, может быть, с использованием уже изданного чешского текста. Третьи апеллируют к греческой Септуагинте, четвертые — к оригиналу, древнееврейскому языку. И никаких сомнений, никаких сопоставлений. Ибо чтобы сравнивать, надо знать все эти языки. А у нас знают в лучшем случае два-три из них.

А Гендерсон знал! И языки, и сами издания (например, экземпляр Книги Бытия ему давал для штудирования в Петербурге профессор Круг), и мнения о Скорине чеха Йозефа Добровского. На десяти страницах цитировал, сравнивая, тексты на самых разных языках. И пришел к выводу: старобелорусская Библия восходит прежде всего к латинской Вульгате. Но многие места красноречиво свидетельствуют: великий гуманист, подыскивая адекватный эквивалент, часто обращался и к церковнославянскому, и к греческому переводам. Поэтому скорининский текст существенно отличается от всех предыдущих, явственно приобретает черты «оригинальности и самостоятельности». Значит, Скорина шел своим путем по сравнению с другими переводчиками, из всех доступных источников брал то, что ему больше всего подходило.

И еще, мне кажется, заслуживает нашего внимания утверждение Гендерсона (больше я такого нигде не встречал), что Скорина взялся за перевод и издание Библии по предложению польского короля Си-

гизмунда Старого, которого сопровождал в 1515-м году в Вену. В этом же городе первопечатнику легко было раздобыть «славянский шрифт», необходимый для его пражских (а потом и виленских) изданий.

Шотландский ученый преклонялся перед гражданственностью, мужеством полочанина. Ведь Священное Писание до него переводили люди духовного сана, а Скорина был светским человеком (не «черным монахом», как утверждалось в советские времена), доктором медицины. Правда, боясь обвинений в святотатстве (не из-за этого ли жгли его книги?), ему приходилось, подчеркивает Гендерсон, ссылаться на пример апостола Луки, тоже лекаря.

О Скорине писал также современник Гендерсона английский библист Джеймс Таунли. В своей книге «Библейские анекдоты, иллюстрирующие историю Священного Писания и его ранние переводы на разные языки» (Лондон, 1813) сначала он обвинил белорусского первопечатника чуть ли не в святотатстве за то, что на гравюре к его Пятикнижию Святая Троица одинаково благословляет сверху и ангелов, и «адских духов». Но дальше хвалит то же Пятикнижие, потому что ему предшествует предисловие, а после каждого раздела следует резюме. А все вместе «украшено гравюрами, заглавными буквами и виньетками».

Будный пишет Фоксу

Как известно, просветительскую эстафету от Франциска Скорины принял Сымон Будный, издавший в 1562-м году в Несвиже Катехизис — первую белорусскую книжку на нынешней белорусской территории. У него сложились обширные европейские связи, в том числе с английским мыслителем Джоном Фоксом.

Я знал, что в Оксфорде, в знаменитой на весь мир Бодлианской библиотеке, основанной еще в 1595-м году, хранится письмо белорусского реформатора к пламенному английскому публицисту, автору популярной «Книги мучеников» (1563), известное лишь в отрывках. И вот сижу в читальном зале дюка Хамфри, где в арочных окнах светятся разноцветные витражи, с портретов на тебя сурово смотрят государственные мужи, а подпертый резными кронштейнами потолок поделен на квадраты, в каждом из которых — раскрытая книга с каким-либо поучением. Старые фолианты стоят в три этажа вдоль стен над длинными столами из почерневших дубовых досок. На один из них, выбранный мной, ложится толстый конволют — сборник из книг, находящийся в коллекции Раулинсона под номером 107-с и переплетенный в кожу. А в конволюте не без труда нахожу четыре листа, исписанные угловатым решительным почерком Будного. Датированы они 1574-м годом

В Бодлианской билиотеке в Оксфорде.

и отправлены в Англию из местечка Лоск. Надоумил же его отправить послание английский купец Раф Ратер, заглянувший (очевидно, не случайно) в это маленькое, но имеющее типографию местечко под Кревом на пути в Москву или из Москвы.

Как видно из содержания письма, Будного тогда волновали различные философские и богословские проблемы (о сущности бытия, происхождении Христа), по которым он просил высказаться английского «светоча». Одновременно белорусский просветитель бегло изложил собственные философские взгляды, дал новую филологическую трактовку отдельным местам из Евангелия. В конце Будный обещает, получив ответ, выслать Фоксу свои книги. Было это осуществлено или нет — неизвестно.

Заказав фотокопию письма (после передана в библиотеку Института литературы АН БССР), перешел от рукописи к белорусским печатным изданиям XVI—XVII веков. Их в библиотеках Оксфордского университета довольно много. Это и «Грамматики», и «Азбуки», и «Часословы», изданные в типографиях Великого княжества Литовского. Попали они за Ла-Манш самыми различными путями.

А еще в Оксфорде, в Ашмолейском музее, встретился с произведениями своего земляка Леона Бакста, родившегося в Гродно в 1866-м году. Теперь его полотна, эскизы театральных декораций и костюмов, разбросанные по всему миру, ценятся очень высоко. В Ашмолейском музее оказалось свыше десяти рисунков Бакста. Особенно впечатляет портрет Андрея Белого, вглядывающегося в мир вопрошающими и добрыми глазами, и рисунок «Танцующая Айседора Дункан».

Белорусская типография в Тотнеме

Дело Скорины, Будного и отчасти Яна-литвина продолжил уже в середине XIX века уроженец Подвинья Александр Рыпинский. Участник восстания 1831-го года, друг и единомышленник декабриста Вильгельма Кюхельбекера, он сначала оказался во Франции, где сблизился с Адамом Мицкевичем и, очевидно, под его влиянием написал и издал в Париже книгу «Беларусь». В 1846-м году переехал в Лондон, занялся там поэтической и издательской деятельностью, преподавал в пригороде Лондона Тотнеме рисование, увлекся фотографированием (первый из белорусов?). Вместе с уроженцем Новогрудчины Игнатием Яцковским основал в Тотнеме Вольную славянскую типографию.

Исследование Рыпинского «Беларусь» и изданная в Тотнеме романтическая баллада «Нячысціk» давно вошли в курсы белорусской литературы для высших и даже средних учебных заведений. Но вот что он был также и плодовитым польским поэтом, я узнал только в знаменитой Британской библиотеке. Там, в круглом зале, в мои руки попали два тома «Стихотворений, писанных во время паломничества» (1853—1856), а также книги «Генералу Дембинскому, стихи с музыкой и рисунками» (1853), «Сержант-философ: Легенда или сон о переселении душ» (1856), «Два явления: Историческая поэма, эпизод войны дружественных западных государств с Россией» (1857), «Наши побеждают! Историческое песнопение» (1857), «Стихотворение, посвященное полковнику Кристину Ляху Ширме, председателю Исторического кружка в Лондоне» (1857). Все они вышли из-под пера Рыпинского и увидели свет в Вольной славянской типографии. Их художественный уровень невысок, зато познавательный — значителен.

В 1859-м году, после царской амнистии, Рыпинский вернулся на Витебщину, где писал белорусские стихи (некоторые сохранились) и историю белорусской литературы (была у профессора Пиотуховича, пока не найдена).

...В Тотнем мы поехали вдвоем с Гаем Пикардо. Сначала в музее, размещенном в местном замке Брус, посмотрели художественные произведения Рыпинского, мастерски оформленные им дипломы для вы-

пускников школы Игл-хауз, где наш соотечественник преподавал рисование и французский язык. Затем по старой карте еще раз проверили, в каком же доме находилась Вольная славянская типография. Оказалось — в сохранившемся двухэтажном. На первом его этаже находился паб, куда мы спрятались от проливного дождя. В пустом зале из-за стойки на нас безразлично смотрел чернокожий бармен, и, чтобы как-то заинтересовать его, на ломаном английском я сказал ему, что здесь белорус Рыпинский издавал свои книги. Ноль внимания. Тогда добавил: «На этом доме должна находиться мемориальная доска». Бармен парировал: мол, не ему же ее устанавливать. Я согласился: конечно, не ему, у белорусов есть Министерство культуры. Но если бы на здании висела доска, то, быть может, у него было бы больше посетителей... Ради приличия хозяин поинтересовался, сколько же этих белорусов. Я ответил: «В Великобритании — около тысячи, а на востоке Европы — около 10 миллионов». И тут бармена будто подменили: он стал чуть ли не требовать, чтобы скорее установили эту мемориальную доску!

Шутки шутками. А со временем от имени комиссии «Вяртанне» и Белорусского фонда культуры мэру Большого Лондона было направлено обстоятельное письмо с перечислением заслуг Рыпинского. Думалось: может, к общественной организации скорее прислушаются, чем к госучреждению. А вышло наоборот: чиновники везде обращают больше внимания на чиновников. Значит, есть надежда, что в данной ситуации могут услышать голос Министерства иностранных дел или Министерства культуры. И тогда в Западной Европе были бы уже две белорусские мемориальные доски (первая — парижская, посвященная Наполеону Орде). Тем, кто заинтересуется данной информацией, сообщаю адрес: Гроув-плэйс, дом № 5. За него в 1855-м году Александр Рыпинский платил 20 фунтов арендной платы.

А был ли Багрим?

В Британской библиотеке мне удалось также найти произведения напарника Рыпинского по созданию Вольной славянской типографии Игнатия Яцковского. Это адвокат с Новогрудчины, память которого сохранила одно-единственное дошедшее до нас (но зато какое!) стихотворение крестьянского подростка из Крошина, что под Барановичами, Павлюка Багрима, названное по первой строке «Заграй, заграй, хлопча малы...» Оно напечатано в воспоминаниях Яцковского «Повесть из моего времени, или Литовские приключения», изданных в Лондоне в начале 1850-х годов.

Недавно профессор белорусского и варшавского университетов Николай Хаустович выступил с довольно вескими утверждениями, что

Читальный зал Британской библиотеки.

стихотворение «Завграй, заграй, хлопча малы…» написано не Павлюком Багримом (хотя существование в Крошине такого юноши не отрицается), а самим Яцковским. Мысли эти изложены в солидной монографии, приняты другими исследователями.

Но меня (возможно, я слишком традиционен) эти утверждения не убедили. Ну, во-первых, в стихотворчестве, во владении белорусским языком Яцковский больше нигде не был замечен. Во-вторых, что ему давала эта придумка, присвоение его собственного произведения другому лицу? В-третьих, какие-либо мистификации вообще не были свойственны новогрудскому юристу. В этом я убедился, читая там же, в Британской библиотеке, сборник Игнатия Яцковского «Политические произведения», изданный лондонской Вольной славянской типографией в 1853-м году. «Политические произведения» состоят из статей, написанных Яцковским в 1840-е годы в Великобритании. Они свидетельствуют о том, что в авторе сочетались пламенный публицист и вдумчивый мыслитель-социолог, которым может гордиться новогрудская земля, что автор — непримиримый враг царского самодержавия (статья «Зачем в Лондон приезжал Николай»). Яцковский разуверился и в западном республиканизме. «В республиканских Соединенных Штатах Северной Америки, — полемизировал юрист с оппонентами, — порабощенность крестьян куда больше, чем в Польше;

наказание смертью ждет того, кто выступит с проектом послабления этой неволи». Но автор не идеализировал и жизнь на своей родине, признавая: из всех стран она «самая бедная», ибо крестьяне «здесь едят хлеб с мякиною».

А теперь вернусь к Павлюку Багриму, чья мастерски выкованная жирандоль висит в крошинском костеле, а могила находится рядом с храмом. Его личность, его всесторонние таланты реальны и убедительны. Поэтому я пока отношусь к утверждениям Хаустовича довольно осторожно, считаю их серьезными, но лишь вероятными. Стопроцентную уверенность могут дать только документы архива Вольной славянской типографии либо личное рукописное собрание Яцковского, если они сохранились в Лондоне.

Английский Ширма

И еще одно лицо из окружения Вольной славянской типографии стоит нашего внимания и дальнейших поисков. Это эмигрант Кристин Лях Ширма. Его письмо напечатано в конце второго тома поэтического двухтомника Александра Рыпинского, найденного в Британской библиотеке. И оно стоит того, чтобы сделать из него обширную цитату: «Хотя и небольшой из меня русин (т.е. белорус. — А.М.), однако я внимательно два раза прочел балладу “Нячысціk” и удивлялся, что этот говор ты еще помнишь спустя столько лет и что столько богатства в ней (...) Так называемый классицизм в нашей (польской. — А.М.) литературе, хотя в свое время и был нужен, немало нам в более раннюю эпоху навредил, ибо не давал поэзии и даже прозе возможности пользоваться богатыми запасами народного языка. Я очень полюбил его, хотя был воспитан на греческих и римских классиках, давно собирал народные песни. Случайное знакомство с Ходаковским (одним из зачинателей славянской фольклористики родом из-под Гайны на Логойщине. — А.М.) тем более меня к этому подбодрило, и уже в 1817-м году (насколько помню) на фоне народных песен создал я балладу “Ясь и Галина” и несколько других, печатавшихся в Dzienniku Wilenskim».

Таким образом, Кристина Ляха Ширму можно считать одним из первых белорусских фольклористов, зачинателей того пути, по которому в XX веке шел и Рыгор Ширма. Хотя записи белорусских народных песен, сделанные другом Рыпинского (они были на «ты»), до сих пор, кажется, не найдены, но зато легко отыскать польские произведения этого «русина», основанные на белорусском фольклоре.

Престол слуцких князей…

Однако пора оторваться от далеких времен и перейти ближе к началу XX века.

Когда я впервые летел в Лондон по программе ЮНЕСКО, в моем рабочем плане значились два пункта, увы, не осуществленные до настоящего времени. Первый – «поиски престола (трона) слуцких князей, сделанного из слоновой кости и проданного в Лондон минским коллекционером Антоном Унеховским».

Кто такой Антон Унеховский? Его отцу Янушу принадлежало имение Русиновичи на Минщине. Его мать Софья была дочерью известного скрипача Михала Ельского и племянницей не менее известного белорусского писателя и коллекционера Александра Ельского. Семья Унеховских также владела богатым собранием. Среди прочего в него входили трехметровая турецкая хоругвь малинового цвета, добытая во время боев под Веной, доспехи Радзивиллов, археологические находки.

После Первой мировой войны Унеховские жили уже в Варшаве, но по-прежнему собирали раритеты и торговали ими. Своими размышлениями о белорусском коллекционировании Антон Унеховский поделился с внучкой Кристиной. Та записала их и частично опубликовала под названием «Унеховский рассказывает, или Тайны антикварной мафии». Многие страницы этого редкого сегодня издания посвящены коллекциям Ельских в Дудичах и Замостье на Минщине. Говорится о старом кресле, целиком сделанном из почерневшей слоновой кости. Знатоки утверждали, что это давнишний престол слуцких князей. Будто бы один из них пожертвовал кресло слуцкому фарному костелу, а там посчитали его слишком «светской» мебелью и продали в частные руки.

Перекупив престол, молодой и еще неопытный собиратель написал о своем приобретении статьи и разослал их вместе со снимком в различные зарубежные издания. Публикацию сразу же приметили. Унеховского вместе с креслом пригласила к себе группа приехавших в Варшаву «специалистов», которые должны были вынести окончательный вердикт: аутентичный это престол или подделка. «Авторитетный консилиум» вроде бы внимательно осмотрел почерневшее кресло и единогласно признал: «Особенной ценности оно собой не представляет».

После такой «экспертизы» Унеховский продал кресло одному из варшавских антикваров за мизерную цену. А через несколько лет с удивлением и обидой прочитал в одном из научных журналов, что коллекция Британского музея в Лондоне обогатилась «ценным престолом слуцких князей». Так антикварная мафия обманула доверчивого минского коллекционера. И это был не единичный случай: в результате не-

знания семья Унеховских лишилась также уникального финикийского флакона для пахнущих жидкостей.

Оказавшись в Лондоне, я в один из первых же дней направился в богатейший Британский музей, основанный еще в 1753-м году. Тут сконцентрированы сокровища, вывезенные буквально со всех концов мира: десятки египетских мумий, сотни этрусских и греческих ваз и амфор, вавилонские и шумерские священные быки в натуральную величину. Но престола слуцких князей среди экспонатов не увидел. Мне сказали, что он, скорее всего, находится в «родственном» музее Виктории и Альберта. Однако последний был на ремонте, и вопрос остается до сих пор открытым.

Между тем, если слуцкий престол из-за своего «почернения» стоит где-то в запаснике, то ради большего престижа нашей молодой и одновременно древней страны его следовало бы вернуть обратно, для чего существует несколько легальных способов.

…И архив Янки Лучины

Второй же нереализованный пункт предварительной лондонской программы звучал так: «Поиски рукописей белорусского, польского и русского поэта Янки Лучины (Яна Неслуховского), которые могли быть вывезены в Лондон его племянницей».

Как известно, белорусские стихотворения Лучины (в отличие от польских и русских) частично опубликованы посмертно в Петербурге (сборник «Вязанка» 1903 года) под видом… болгарских. Остальные рукописи хранились у племянницы, которая вышла замуж за минчанина Владислава Рачкевича, ставшего в межвоенной Польше виленским воеводой. Собиратель белорусских раритетов Ромуальд Земкевич навестил племянницу и предложил опубликовать оставшиеся в рукописях стихотворения. Но та, стыдясь «белорусскости» своего дяди и, очевидно, не желая испортить репутацию мужа-воеводы, ответила отрицательно. Земкевич описал все это в 1932-м году в виленском журнале «Нёман».

В начале Второй мировой войны Рачкевичи через Румынию успели уйти от нацистов, очутились в Лондоне, где бывший воевода возглавил польское эмигрантское правительство. Рукописи Лучины, если только они были захвачены с собой, могли оставаться в семье, а могли попасть в одно из нескольких польских эмигрантских собраний. Однако, несмотря на содействие пана Анджея Цехановецкого, покровительство ЮНЕСКО, попасть на след архива Рачкевичей мне тогда не удалось. Ведь продолжалась еще «холодная война», на меня тогда смотрели с недоверием — как на homo sovieticus. Теперь же, может, все выглядело бы несколько иначе.

Сохраняется на Холдэн-роуд

Холдэн-роуд — маленькая улочка в Финчли, северном районе Лондона. На ней белорусская диаспора после войны выкупила четыре двухэтажных дома, рядом — греко-католическая церковь. Все это образует небольшую «белорусскую деревню». Впрочем, слово «образует» уже несколько не подходит: за неимением средств два или три дома проданы. Осталось двухэтажное здание, в котором находятся Белорусская библиотека и музей имени Франциска Скорины. Здесь я и проводил часть поискового времени во время каждой из поездок в «нетуманный Альбион».

Следует сказать, что, как в советское время, так и теперь, собрания лондонской «Скорининки» либо гиперболизируются, либо преуменьшаются. Да, в ней, если не считать Публичную библиотеку в Нью-Йорке, наиболее полно представлены эмигрантские издания, как реликвии сохраняются пять пражских книг Скорины из собрания С. Дягилева, купленные на аукционе в Монте-Карло. Да, в ней имеются 24 белорусских документа 1499—1622-х годов, а также архив Пинского православного духовного правления. Да, библиотеку украшают прижизненные издания классиков нашей литературы, стены музея — полотна белорусских художников, творивших в зарубежье, и два слуцких пояса. Но основные фонды (а всего сегодня будет, очевидно, под 50 тысяч томов) — минские послевоенные издания: книги, газеты и журналы. Все они по мере поступления демонстрируются в читальном зале. Каждый раз, когда заходишь в библиотеку, встречаешь кого-нибудь из членов «Згуртавання беларусаў у Вялікай Брытаніі», ученых-белорусистов из разных стран Европы и Америки. Руководит библиотекой общественный совет.

Наиболее ценные рукописи XVIII—XX веков, хранящиеся на Холдэн-роуд, я ксерокопировал, а копии по возвращении передал в библиотеку Института литературы имени Янки Купалы АН БССР.

Среди мемуаров…

Из белорусских текстов, с которыми я познакомился на Холдэн-роуд, мне как историку литературы самыми ценными и интересными показались воспоминания. Связаны они преимущественно с первой третью XX столетия.

Наиболее объемны среди мемуаров — «Мои воспоминания» Кветки Витан. За этим псевдонимом скрывается Юлиана Витан-Дубейковская, дочь виленского купца и фабриканта Карла Менке. Несмотря на то, что родилась и выросла она в немецкой семье, с детства (благодаря няне) знала белорусский язык (кстати, на нем в доме пели колядки),

потом при содействии старшей сестры Ляли Менке, учившейся в виленской частной гимназии Веры Прозоровой, попала под благотворное влияние будущей известной поэтессы Тетки. Окончательно же белорусской Кветку Витан сделал археолог и общественный деятель Иван Луцкевич. Среди близких знакомых Юлианы были также известный языковед Бронислав Тарашкевич, писатель Максим Горецкий, его жена Леонила Чернявская-Горецкая, композитор Мария Яцыновская (Кимонт-Яцына), автор оперетты на слова Винцента Дунина-Марцинкевича «Сватовство» («Залёты»).

И о каждом из своих знакомых автор сообщает что-нибудь существенное, то, что не найдешь в других источниках. Например, мы узнаем, что еще в Вильно Тарашкевич начал переводить на белорусский язык «Илиаду» Гомера, написал неизвестные нам сегодня прозаические произведения. Особенно подробно говорится в «Моих воспоминаниях» о Тетке: о ее пламенных выступлениях на митингах в Вильно во время революции 1905-го года, театральных увлечениях в Кракове, роли в организации первых белорусских школ и курсов для учителей в Вильно. Кветке Витан импонировал патриотизм белорусской поэтессы, глубоко убежденной, что «Беларусь будет среди свободных народов самостоятельной. Надо напрячь все силы, чтобы подготовиться к этому великому моменту, когда белор(усский) народ сам будет руководить своей судьбой». И далее: «Она погасла, как жертвенная свеча, на алтаре своей Отчизны». Что же касается Кимонт-Яцыны, она была дочерью униатского священника, ученицей Рубинштейна и женой литовского общественного деятеля. «Питала симпатию к белорусам» и часто «перекладывала на ноты белор(усские) песни».

После смерти Ивана Луцкевича, умершего на ее руках в Закопане, у подножья Татр, Юлиана Менке преподавала в Виленской белорусской гимназии. В 1922-м году вышла замуж за белорусского архитектора и поэта Лявона Витана-Дубейковского (1867—1940), которому посвятила книжечку, изданную в Нью-Йорке в 1954-м году. Немногим раньше мужа умерла сестра Ляля, талантливая артистка, выступавшая на белорусских концертах. С Вильнюсом просветительницу уже больше ничто не связывало, и она в 1940-м году выехала на родину отца. После войны по просьбе знакомых написала свои воспоминания — интереснейший документ эпохи, кстати, инсценированный в минском Театре одного актера. Умерла Кветка Витан 28 сентября 1969-го года в возрасте 89 лет.

С «Моими воспоминаниями» перекликаются мемуары одного из создателей Белорусской социалистической громады, уроженца Гродненщины Миколы Шилы, подписывавшегося инициалами М. Ш. или М. Как и мировоззрение Юлианы Менке, его общественные взгляды сформировались под влиянием революции 1905-го года, в которой

он участвовал будучи студентом Молодечненской учительской семинарии. После отсидки в тюрьме оказался в Вильно, где познакомился со многими белорусскими писателями. Особенно восторженно описывает Шила встречи с Янкой Купалой, постановку в Петербурге его «Павлинки», которую смотрели рабочие Путиловского завода. Память Шилы сохранила следующий эпизод. Однажды Янка Купала решительно выступал против псевдоноваторства в литературе. «Я считаю, — утверждал он, — настоящей поэзией только ту, которая способна расшевелить уснувшие силы в народе, которая может разбудить народ от спячки». На что присутствующий во время дискуссии прозаик Ядвигин Ш. реагировал так: мол, среди белорусов, к сожалению, нет своих Байронов, Гете, Пушкиных. «Если нет — так будут», — лаконично и резко возразил Купала.

И еще хочется выделить подзабытые воспоминания ботаника Владимира Адамова о Максиме Богдановиче. Познакомились они в 1917-м году. Место мемуарист не указывает, но это мог быть только Минск, где тогда поэт работал в губернском продовольственном комитете, оказывавшем помощь военным беженцам. Встреча, скорее всего, состоялась в «Беларускай хатцы». «Он повел меня по комнатам, — вспоминает ученый, — знакомя с белорусской культурой. Много с чем новым для себя я тогда познакомился, но больше всего меня впечатлили слуцкие пояса, меня весьма удивило их художественное исполнение». Позже Богданович заходил в квартиру этого уроженца Петербурга, выпускника Петербургского университета, декламировал там купаловский «Курган». Потом признался, что и сам пишет стихи, прочитал наизусть «Слуцких ткачих». И только в 1923-м году Адамов, уже работая на Болотной станции в Минске, узнал, что ему посчастливилось встретиться с большим поэтом, которого, к прискорбию, нет в живых. Воспоминания же написаны в 1933-м году, перед отъездом ученого из Москвы в Крым. К тому времени он уже знал наизусть почти все стихотворения Богдановича и любил их декламировать… К сожалению, сегодня неизвестно, где находится архив Адамова.

…и стихотворений,

Рукописи лондонской библиотеки имени Скорины позволили также открыть несколько новых поэтических имен. Прежде всего — таинственного Деда Дониса и Янука Костевича.

Что касается Деда Дониса (Дзяниса), это имя было мне уже известно. В сборнике «Белорусская дооктябрьская поэзия» опубликовано (вслед за «Нашай нівай») одно его произведение — «Бобыль», а в комментариях к нему сказано, что под псевдонимом скрывался Микола Са-

востюк, но биографические сведения о нем не сохранились. Лондонская же находка (стихотворения «Мужичья доля» и «Воспоминания») свидетельствует, что автор — минчанин, рифмовать начал в 1903-м году, потом, очевидно, за участие в событиях 1905-го года сидел в тюрьме. Поэт жалуется на свою подневольную судьбу и одновременно высказывает надежду на лучшее будущее:

Жыццё наша, як ты горка,
Як ты поўнае слязьмі!
Але ўзыдзе ж скора зорка
Жыткі новай на зямлі.

Как видно из автобиографических записей, Янук Костевич родился 15 мая 1857-го года в Будславе, там же посещал церковноприходское училище. «Больше получить знаний не вышло». Пройдя солдатчину, поселился в Либаве (теперь Лиепая, Латвия), где прослужил более 30 лет. Потом переехал в Палангу. Но среди латышей и литовцев не забывал родной язык, создавал на нем стихотворения и поэмы, которые подписывал псевдонимом Литовский белорус. Среди произведений выделяется поэма о князе Витовте, его походе против крымских татар. Давнишние события противопоставлены мрачной окружающей действительности, а главный герой чрезмерно идеализирован. Костевич, живший еще в 1925-м году, был хорошо знаком с литовскими поэтами и общественными деятелями Майронисом, Ионасом Басанавичусом, Казимирасом Прополянисом, посвящал им стихи.

Поэзия Деда Дониса и Янука Костевича — недостающий мостик между литературами XIX—XX веков. Мостик, может быть, несовсем изящный, во многом риторический, но социально добротный.

…и рукописей Купалы и Коласа,

В «белорусской деревне», размещенной в Финчли, нашлось также несколько автографов основоположников новой белорусской литературы. Прежде всего это рукописи поэмы Янки Купалы «Курган», его стихотворений «Родное слово», «Памяти Винцука Марцинкевича». Текст их известен, но для исследователей важны правки, сделанные в тексте. А вот стихотворение «Хаўруснікам», датированное 1913-м годом и осуждающее польское и русское шовинистические издания, оставалось на время находки и изучения неизвестным. Лондонские автографы учтены во время подготовки полного собрания сочинений поэта в Институте литературы имени Янки Купалы.

Неопубликованными оказались некоторые стихотворения Якуба Коласа и его статья «Подумайте о детях», направленная против различ-

ных формалистических новаций в школе, например, против запрета детям… читать сказки. Впервые эти находки напечатаны в моей книжке «Из литературоведческих путешествий».

…а также среди нот

Во время последнего путешествия в Англию я узнал, что лондонская «Скорининка» пополнилась фондом талантливого белорусского композитора и педагога Николая Щеглова-Куликовича. Родился он в 1896-м году на Смоленщине (по другой версии — в Москве), умер же в 1969-м году в Чикаго. Стал популярен в Беларуси еще до войны как автор кантаты, посвященной Сталину. Написал три оперы и оперетту «У вырай», немало симфоний, вокальных и инструментальных произведений, обрабатывал народные песни. После войны создал в Германии передвижной Белорусский театр эстрады, исполнявший его произведения, издал книги «Белорусская музыкальная культура», «Белорусская советская опера» и другие. В последние годы служил регентом церкви в Чикаго. Архив композитора передала в Лондон его вдова, оперная певица.

Среди нот и научных статей Куликовича оказался также сборник его белорусских поэтических произведений, свидетельствующих о многогранности таланта и необходимости издания (для начала хотя бы выборочно) наследия.

Художник столетия

До сих пор не могу себе простить, что при жизни художника Мариана Богуша-Шишко я не знал о его проживании в Лондоне. Обязательно разыскал бы, расспросил по-землячески о юных годах, проведенных в имении Трокеники (ныне Островецкий район). Там он родился 16 февраля 1901-го года, там в четырехлетнем возрасте начал пользоваться красками, подаренными отцом. Местные пейзажи — полноводная тогда Вилия, бездонное озеро Бык, глухие леса, тянувшиеся чуть не до самого Вильно — глубоко запали в его душу. Потом были учеба в Виленском университете у самого Фердинанда Рущица, в Краковской академии, преподавание в западнобелорусских городках, мобилизация в 1939-м году в польскую армию, плен и страдания в концентрационном лагере. Оттуда его вызволил двоюродный брат, генерал Зыгмунт Богуш-Шишко и перевез в Италию. Переехав после войны в Британию, Мариан Богуш-Шишко возглавил там Школу мольбертной живописи. В творчестве к пейзажной тематике прибавилась библейская. Успехи

Мариан Богуш-Шишко.

были настолько значительны, что искусствоведы называли его художником столетия.

Последние годы жизни Богуш-Шишко провел в лондонском хосписе святого Кристофера. Основательница учреждения, человек королевских кровей, леди Сисели Сондерс вскоре стала его женой. Для хосписа, первого в Лондоне, художник написал десятки картин, которые и нынче помогают укреплять силы безнадежно больных людей. Умер наш соотечественник 28 января 1995-го года, месяц спустя после того, как, наконец, окольным путем мне удалось узнать его адрес. Координаты леди Сондерс я передал лондонскому ценителю искусств Анджею Цехановецкому и известному дипломату, тогда послу Беларуси в Великобритании Владимиру Счастному. Последний получил от леди семь картин для родных мест ее покойного мужа: четыре для библиотечно-музыкального центра в Трокениках и по одной — для Быстрицкого костела, где он был крещен, Центра имени Скорины («Автопортрет») и Островецкой районной библиотеки. Были также получены искус-

ствоведческие книги, написанные Богушем-Шишко, и посвященный ему английский альбом.

А вскоре и сама леди Сондерс побывала в Трокениках, где ее встретили хлебом-солью и народными песнями, которые так любил слушать молодой Мариан. Гостья побывала на службе в Быстрицком костеле. Установила связь с минским хосписом и оказывала ему помощь. Зашли разговоры о создании в Трокениках, на этническом пограничье, белорусско-польско-литовского культурно-образовательного центра, передаче туда произведений художника из Лондона и Кракова.

И главное — Богуш-Шишко вернулся на родину. Его теперь знают и помнят там, ему посвящают пленэры, выставки. Установлены адреса и контакты еще с несколькими художниками-соотечественниками, живущими в соседних странах. В итоге обновилось, приобрело новые притягательные свойства наше общее культурное поле.

Где и что еще следует искать?

Белорусские музейные, архивные и библиотечные ценности разбросаны по всему миру

...Итак, опираясь на материалы, накопленные комиссией «Вяртанне» при Белорусском фонде культуры, а также собранные в личном архиве, в предыдущих статьях цикла «Сокровища» рассматривались сведения о белорусских ценностях, оказавшихся в сопредельных странах (Литва, Польша, Российская Федерация, Украина), а также наиболее крупных западноевропейских государствах (Великобритания, Германия, Франция).

Но как быть с другими странами, где следы наших музейных экспонатов, архивных документов либо библиотечных раритетов есть, но их немного, на отдельную статью, как говорится, не тянут? Пришлось эти сведения объединить, разместив в алфавитном порядке страны.

Кроме снимков, статья иллюстрируется репродукциями открыток из личной коллекции. Эти открытки посвящены произведениям изобразительного искусства, которые созданы белорусами либо уроженцами Беларуси, связаны с белорусской тематикой и находятся в зарубежных странах.

Австрия

В 1943-м году в минский Белорусский музей поступило распоряжение из ведомства Розенберга: наиболее ценные экспонаты еврейского отдела подготовить к отправке в Вену, в создаваемый там «институт гебраистики», который «курирует» гауляйтер Бальдур фон Ширах. Цели при этом ставились, естественно, расистские: в духе национал-социализма, т.е. в гитлеровской трактовке мировой цивилизации. Для этого «культуртрегеры» из СС вдохновенно ограбили минский музей....

Что же отправили в Австрию? Судя по описи, прежде всего картины на библейские и бытовые темы, портреты. Приведу лишь несколько названий: «Продажа Иосифа», «Фантазия о пришествии Мессии», «Группа еврейских женщин», «Еврейская женщина (за) пряжей ниток», «Начальная еврейская школа в России», «Сбор винограда», «Олень». Дата создания отмечается лишь в тех случаях, когда она достаточно показательна: например, «Еврей-мясник в г. Праге. XIII в.». Редко указывается и авторство (например, М. Горшман. «Богатая свадьба»). Из других источников известно, что из Белорусского музея вывезли произведения Пэна («Часовщик»), Шагала, Кругера (портрет Скорины), Юдовина.

Кроме художественных произведений, среди экспонатов еврейского отдела числились предметы культа, декоративно-прикладного искусства, молитвенники, документация различных обществ, преимущественно благотворительных. Особый интерес вызвали у меня упомянутые в описи «Белор(усские) песенки и рассказы».

Вывод же таков: институт гебраистики — не иголка в стогу сена. Заинтересованные люди (в том числе из еврейских общественных и религиозных организаций) могут отыскать его следы, даже если они ведут за пределы Австрии. Собственность Белорусского музея должна принадлежать его наследнику — Национальному музею истории и культуры Беларуси.

Бельгия

Есть сведения, что в 1868-м году в Брюсселе готовились к изданию сочинения Винцента Дунина-Марцинкевича. Опальный тогда

Руслан Найден, белорусский художник, получил за свой плакат первую премию на восьмом триеннале «Либертас» в Монсе (Бельгия).

белорусский писатель мог передать их туда (в том числе «Пинскую шляхту», неизвестные сегодня произведения) через выходцев из Беларуси, вынужденных эмигрировать после поражения восстания 1863-го года. Выходит, рукопись следует искать в архивах эмигрантских издательств.

Ватикан

Считается, что если все полки с рукописями ватиканского архива выстроить в один ряд, то они протянутся на много километров. Естественно, там есть немало документов, поступивших с территории Великого княжества Литовского, в состав которого до конца XVIII века входили и белорусские земли. В Ватикан поступали сведения о деятельности епископств и монастырей.

Особенно интересные материалы могут оказаться в фондах ордена иезуитов, имевшего свои резиденции в Полоцке, Минске, Орше, Пинске и других белорусских городах и местечках. При каждом иезуитском монастыре работала школа (коллегия), а при ней — школьный театр, в котором ставились оригинальные трагедии (писались они преподавателями) на польском, латинском и старославянском языках. Возвышенное действо в них контрастировало с забавными и, главное, белорусскими интермедиями, сочиненными местными школярами. Но трагедий до нас дошло немного, интермедий — еще меньше. И я тешу себя надеждой, что и те и другие окажутся среди рукописей Ватиканской библиотеки, но доступ к ним очень сложен. Знаю это со слов известного белорусского историка-латиниста Алеся

Жлутки, которому все-таки удалось обнаружить там, а затем и издать отдельной книгой документы о коронации в Новогрудке великого князя литовского Миндовга.

Однако наибольший интерес для белорусских исследователей представлял бы архив архиепископа Могилевского и Минского, римско-католического митрополита Российской империи Станислава Богуша-Сестренцевича (1731—1826), кстати, дяди белорусского писателя Винцента Дунина-Марцинкевича. Это не только авторитетный религиозный деятель, но и крупный ученый, писатель, издатель. Он был президентом российского Вольного экономического общества и одно время даже Российской академии наук. Ему принадлежит авторство фундаментальных исследований «О Западной России», «История сарматов и славян», «История Таврии» (Крыма), трагедии «Гиция в Тавриде», посвященной Екатерине II. С детства зная белорусский язык (родился в деревне Занки Волковысского уезда), Богуш-Сестренцевич написал грамматику «литовского» (белорусского) языка, составил его словарь. К сожалению, работа осталась в рукописях, и в 1852-м году некто Парчевский перевез их, как и весь архив митрополита-просветителя, из Петербурга в Ватикан. Выявление этих материалов, изготовление копий для Беларуси стали бы большим событием для наших гуманитариев, особенно языковедов.

А еще в реляциях Папе Римскому посланников Иоганна Штайнберга (Johann Steinbergk) и Эберштейна (Eberstein), датированных 1527 годом, могут заключаться сведения о поездке Франциска Скорины в Московию с целью распространения своих изданий. Эти источники в состоянии подтвердить либо опровергнуть факт сожжения книг, привезенных восточнославянским первопечатником.

Иран

В иранских (персидских) древлехранилищах, очевидно, ждут своего открывателя документы, связанные с нашими выдающимися соотечественниками — уже довольно известным Александром Ходзькой и все еще таинственным полочанином Хаджи Хосровым.

Наследие Александра Ходзьки (1804—1891), о котором уже говорилось в моей статье, посвященной Франции («СБ», 1 августа 2008 г.), принадлежит нескольким народам — польскому, российскому, персидскому, французскому, но прежде всего — белорусскому. Родился он в Кривичах на Мядельщине, хорошо знал белорусский язык и фольклор, широко использовал их в своем творчестве. Но все же главным делом его жизни стало ознакомление Европы — от России до Великобритании — с персидской поэзией. Чтобы переводить ее, требовалось прекрасно знать язык, историю, обычаи. Все это он постиг за десять лет дипломатической

службы в Персии. Но — как? Где бывал? С кем встречался? Кто его вдохновлял? Ответы на поставленные вопросы, думаю, способны дать только иранские и отчасти азербайджанские архивы.

Сложнее с Хаджи Хосровым (Ахисоровым). Если жизненный путь Ходьки известен, то у Хосрова, как пишет Олег Лицкевич («Спадчына». № 2, 2006 г.), он — сплошная загадка. Известно лишь, что происхождением он из Полоцка («А родом, государь, он литвин, полотского взятья», — писали о нем царю). Очевидно, юношей был захвачен войсками Ивана Грозного в 1563-м году, а затем продан на невольничьем рынке в Персию, как это часто тогда случалось. Но наделенный, очевидно, недюжинным умом, знающий языки, Хосров, приняв ислам, сделал при дворе шаха Абаса блестящую карьеру дипломата и переводчика: его неоднократные переговоры в Москве оказывались успешными, с ним стремился встретиться посол Священной Римской империи М. Варкоч. Борис Годунов одаривал Хосрова дорогими шубами, помог ему отыскать в Муроме и освободить сестру-полонянку. Чем не сюжет для совместного белорусско-иранского фильма? Но для этого, как и для всестороннего исследования, слишком мало фактов. Мы не знаем даже приблизительных дат рождения и смерти Хосрова, его настоящего имени. Поэтому приходится вместе с О. Лицкевичем сожалеть, что «персидские документальные источники, которые могли бы рассказать про Хаджи Хосрова, в своей массе недоступны».

Недоступны — пока?

Италия

Существует обоснованное мнение, что в 1512-м году, до или после блестящей сдачи экзамена на степень доктора медицины в Падуанском университете, Франциск Скорина не мог не побывать в Риме. Но если сдача экзаменов подтверждена найденными и опубликованными документами, если пребывание в Падуе нашего первопечатника увековечено его портретом, пусть и достаточно надуманным (Скорина не был монахом) в «зале сорока» и мемориальной доской авторства Валериана Янушкевича (1992), то его поездка в Рим до сих пор является гипотетической. Выяснить истину здесь опять-таки могут новые архивные находки в Риме.

Кения

После Второй мировой войны в этой африканской стране осел участник походов Андерса Евстафий Сапега, наследник древнего белорусского рода, которому принадлежали Деречин, Ружаны, Черея и де-

сятки других усадеб и дворцов. Как профессиональный охотник он организовал в Кении платные сафари — охоту на слонов и других животных. А в свободное время искал по всему миру сведения о своем роде, которые были собраны и обобщены в фундаментальном труде «Сапежанский дом» (1995). Но туда вошли не все материалы. Есть сведения, что некоторые из них так и остались в столице Кении, Найроби.

Характерно, что когда в возрасте более 90 лет Евстафий Сапега приезжал на Белосточчину, интервью еженедельнику «Ніва» он принципиально давал на белорусском языке.

Китай

В Китае я бы занялся поиском архивных материалов, связанных с тремя выдающимися личностями: двумя белорусами и одним китайцем.

Уроженец Могилева, революционер и ученый Николай Судзиловский, более известный под псевдонимом доктор Николас Руссель, — личность легендарная: в каких странах он только ни бывал, какими языками ни владел! В Германии состоялась его встреча с Карлом Марксом. В Румынии он защитил диссертацию «Об антисептическом методе, применяемом в хирургии» и возглавил бухарестский столичный госпиталь. В США плодотворно занимался как медициной, так и географией: открыл «тельца Русселя», названные так в его честь, и обнаружил в Тихом океане несколько неизвестных островов. Затем на Гавайских островах организовал из местных жителей (канаков) «партию независимых», активно боровшуюся с колониальным гнетом. Победив вместе с ней на выборах, стал депутатом сената, а затем и президентом. Но маленькому государству не по силам было противостоять США. Боясь преследований новой власти, Судзиловскому пришлось уехать вместе с наиболее важными своими рукописями. Выбрал Китай. Началась разработка дерзкого плана побега из акатуйской каторжной тюрьмы политзаключенных. Но тут грянула русско-японская война. Встала необходимость организовать помощь русским военнопленным, издавать для них газеты.

Чем только ни занимался наш соотечественник в Китае! Состоял членом нескольких научных обществ, писал работы по этнографии и химии, агрономии и биологии (далеко не все они опубликованы), вел обширную переписку, в том числе с советскими властями и учеными. Все это оседало в Китае, в личном архиве ученого, который после его смерти (1930), насколько мне известно, никто серьезно не искал — даже авторы монографий о Судзиловском.

Вторая значительная личность — уроженец Гомельщины, ученый, дипломат и путешественник Иосиф Гошкевич. В первую очередь он почитаем в Японии, где служил первым консулом России, и в Беларуси

(в Островце, недалеко от которого прошли последние годы жизни Гошкевича, ему установлен бюст). Но при этом как-то позабылись его заслуги перед Китаем. А между тем он десять лет проработал в Русской православной миссии в Шанхае. Это Гошкевич открывал русскому читателю глаза на Китай, публикуя первые основательные статьи о стране в русской печати. Где-то же брал он необходимые для того сведения, с кем-то встречался. Уверен, внимательные китайские наблюдатели оставили обо всем этом письменные свидетельства.

И наконец третья значительная личность — профессор Гэ Баоцюань. Пожалуй, он один в Китае интересовался в послевоенное время белорусской литературой, публиковал статьи, переписывался с нашими классиками. Но в Минск, на конгрессы белорусистов, приехать уже не мог — возраст приближался к 100 годам. Конечно же, его личный архив может таить интересные находки. На всякий случай сообщаю для заинтересовавшихся лиц последний адрес профессора: Пекин, Восточный город, Ганьмяньхутун, Дунлоцюань, дом 11, кв. 140. Может, там еще живут его наследники, родичи, которые владеют ситуацией?!

Да, чуть не забыл. В Китае еще был кандидат филологических наук, доцент Харбинского университета Сюй Чанхань. Он занимался белорусской литературой, переводил Василя Быкова. Но с середины 90-х годов прошлого века перестал отвечать на письма. А больше в огромнейшем Китае белорусистов не было и нет. И если учесть наши быстроразвивающиеся связи, эта лакуна, это отсутствие в Китае белорусистики, откровенно говоря, меня тревожат.

Латвия

В Риге могли остаться переданные знакомым части библиотеки и архива Константина Езавитова, умершего сразу же после войны в минской следственной тюрьме. По достоверным сведениям, во время оккупации в его руки попали многие раритеты из собрания довоенного Института литературы АН БССР. Среди них и «Скрыпачка беларуская» — третий сборник Франтишка Богушевича, изданный за кордоном с портретом автора и сохранившийся (в связи с конфискацией на границе) в одном-единственном экземпляре. Пока нигде он «не засветился».

Говоря о Латвии, не могу не вспомнить один благородный поступок. В Даугавпилсе живет и работает бизнесмен и коллекционер Николай Павлович. Как уроженец и патриот Беларуси в конце 1990-х годов он безвозмездно передал Браславскому историко-краеведческому музею около 500 исторических экспонатов, среди которых — бронзовое церковное литье, деревянные скульптуры, ценная посуда, редкие книги и документы, касающиеся Браславщины. Побольше бы таких даров от нашей диаспоры!

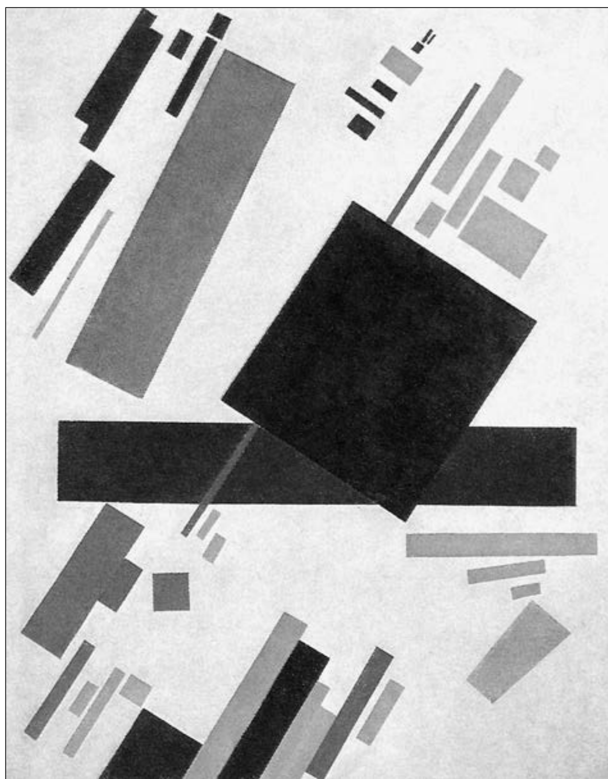

И. Хруцкий. «Портрет мальчика» (1834). Государственный художественный музей Латвии.

Нидерланды

В музеях Амстердама и Гааги немало полотен художников, родившихся в Беларуси, в частности, Казимира Малевича, выходца с Копыльщины.

В Амстердаме могли сохраниться материалы, связанные с деятельностью просветителя, выпускника Слуцкой гимназии Ильи Капиевича и теоретика артиллерии Казимира Семеновича. Первый из них написал и издал «гражданкой» для Петра I около 20 учебных книг. Между тем мы до сих пор не знаем ни точной даты, ни места его рождения. То же касается и автора знаменитой работы «Великое искусство артиллерии», где впервые изложена идея многоступенчатой ракеты. На его наследие претендуют также литовцы, ибо неизвестно в какой части ВКЛ он родился. Кроме того, в Амстердаме больше всего шансов найти вторую, ненапечатанную, часть его знаменитой книги, переведенной на многие европейские языки. В ней должно быть продолжено описание всевозможных фейерверков.

Казимир Малевич. Супрематическая картина (1916). Стеделийкский музей. Амстердам.

США

Несколько слов о том, на что следовало бы обратить внимание при поисках белорусских материалов в США.

В университете штата Массачусетс сохраняется так называемый Полесский архив польского этнографа Юзефа Обрембского, возникший в результате экспедиций студентов и преподавателей Варшавского университета. На Полесье они делали фотографии, некоторые из них уже использованы в совместных изданиях, подготовленных под руководством Анны Энгелькинг (Польша) и Ольги Лобачевской (Беларусь). Но это лишь капля в море. Хорошо было бы иметь в Беларуси копии материалов всего фонда Ю. Обрембского. Кроме фотографий (их всего около тысячи), в нем также хранятся фольклорные записи, белорусские стихотворные произведения, написанные в западно-белорусских тюрьмах политическими узниками либо записанные от них.

В Национальном архиве США (Вашингтон) имеется так называемое Смоленское рукописное собрание, а в нем — произведения белорусского прозаика Василия Коваля (1907—1937).

В музее Филадельфии выставлены доспехи Радзивилла Черного, о которых впервые мне рассказал известный белорусский дипломат Владимир Счастный. Потом в книге Антона Унеховского нашел интересные подробности. Оказывается, это испанская кираса, редчайшее изделие знаменитого мастера из Толедо, украшенное тонким позолоченным орнаментом. Заднюю часть кирасы нашли в... хлеву одного шляхтича: он кормил из нее свиней. Переднюю же часть некто Вежбицкий даром заполучил у Радзивиллов и тут же продал за океан. По словам Владимира Счастного, в ней имеется дырка в том месте, где у человека обыкновенно находится сердце.

Таджикистан

Над моим рабочим столом висит акварель, сделанная в Сирии в 1977-м году. Подарил мне ее наш соотечественник, уроженец Борисова Владимир Демидчик, с которым я познакомился во время отдыха в Коктебеле. Началась интересная переписка. Новый знакомый, заведующий кафедрой арабистики Душанбинского университета, рассказывал о своих переводах восточной классики, высказывал надежду, что займется «алькитабами» белорусских татар. Но переписка часто обрывалась: по программам ООН и ЮНЕСКО ученый уезжал читать лекции в различные арабские страны. А потом письма из Душанбе перестали приходить совсем. Через несколько лет, случайно, наткнувшись на некролог, узнал: Владимир Демидчик был еще и писателем. Его рассказы печатались в журнале «Памир», других изданиях. В них рассказывалось о партизанском детстве. Критики высоко оценивали талант автора. Сборник его рассказов готовило к печати издательство «Адиб», но потом по финансовым соображениям от идеи отказалось.

Начались поиски путей к архиву покойного — ведь там, кроме рассказов, должна быть рукопись о белорусских текстах, писанных арабскими письменами. Но на мои письма в Душанбинский университет никто не отвечал, разыскать вдову ученого не удалось (есть сведения, что она теперь в Санкт-Петербурге). Так что теперь остается надежда лишь на работников белорусского посольства в Таджикистане.

Финляндия

Как известно, в Хельсинки находится часть несвижской библиотеки Радзивиллов. В свое время ее вывезли в Петербург, а оттуда передали

Александери Ахола-Вало. «Белорусский крестьянский двор после войны» (1928).

(не знаю, по каким соображениям) в Финляндию. Каталог этих книг издан, я внимательно изучал его. Особых раритетов, неизвестных изданий с белорусской тематикой там, кажется, нет. Но могут быть владельческие и прочие записи. Хельсинская коллекция, несомненно, украсила бы библиотеку возрожденного Несвижского замка. У меня сложилось впечатление, что радзивилловские книги не очень интересны и нужны финнам и, следовательно, обмен не вызвал бы особых затруднений.

А еще в Финляндии хорошо бы разыскать архив белорусского, финского и шведского художника и философа Александери (Александра) Ахола-Вало. Оказавшись в Минске, он в 1920-е годы оформил немало белорусских книг, посвятил белорусской деревне немало произведений. Но потом в связи с началом репрессий вынужден был вернуться на родину. Несмотря на почти столетний возраст, в 1995-м году он еще приезжал в Минск на конгресс белорусов.

Чехия

Наиболее яркие страницы белорусско-чешского культурного взаимодействия — издание в 1517—1519 годах Франциском Скориной в Праге 22-х книг переводов на белорусский язык (вернее, на белорусский вариант церковнославянского) Священного Писания и деятельность белорусской студенческой диаспоры в 20-е годы прошлого столетия, когда по решению президента Томаша Масарика юноши и девушки из Западной Белоруссии получали в Чехии стипендии для высшего образования.

Что касается белорусского первопечатника, то много связанных с ним открытий сделала сотрудница пражской Славянской библиотеки, почетный доктор Полоцкого университета Франтишка Соколова. В частности, она обнаружила рукописную копию скорининского «Апостола», помогла найти место, где великий полочанин издал первые белорусские книги: это дом Я. Северина, тоже типографа, в Старом месте пражском, в переулке напротив храма Св. Миклаша.

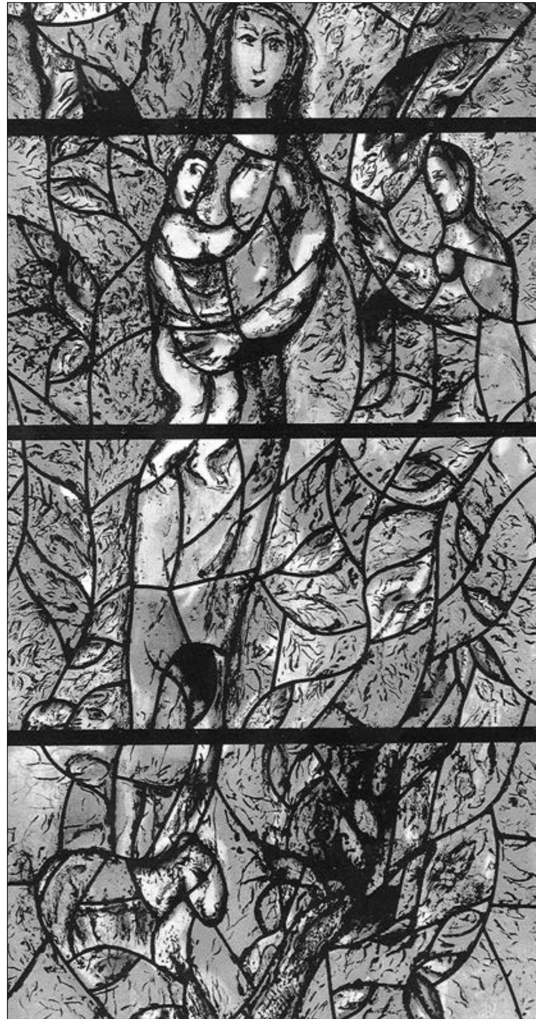
Но считается, что некоторые пражские книги Скорины не найдены. А иные остались в рукописях, которые широко распространялись в Чехии и Украине. И, самое главное, еще не найдены документы о смерти Скорины — мы не знаем ее точной даты. Неизвестно, хотя бы приблизительно, где похоронен великий просветитель. Одни утверждают, что в одном из маленьких городков на юге Чехии, где он мог быть садовником (как раньше — у короля). Другие (Мирослав Гросман) — что в самой Праге (указывается костел Св. Томаша). Ясность могут внести только новая архивная находка либо выявление самого надгробия (мне оно однажды даже снилось).

Что же касается документов новейшего времени, связанных со студентами, с правительством БНР, оказавшимся здесь в эмиграции, они находились в Тосканском дворце (Лоретанская площадь, 102, напротив Града). Как уже говорилось в статье, посвященной Франции, часть Белорусского архива вывезли в Париж. Другая часть оказалась в Москве (в составе так называемого Российского зарубежного архива). Но, несомненно, многое, особенно связанное с обучением и издательской деятельностью белорусских студентов, осталось в Праге, частично сохраняется в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии. Наиболее значителен там фонд белорусского критика и литературоведа Евгения Ляцкого.

Швейцария

Тем, кто окажется в Цюрихе, советую посмотреть знаменитые витражи Марка Шагала, которыми украшены окна на хорах собора Фраумюнстер. Произведений этого нашего соотечественника также немало в музеях Швейцарии.

А вот окажись во Фрибуре и его пригородах, я бы попристальнее поискал следы княгини Магдалены Радзивилл, умершей здесь в монастыре в 1945-м году. Известная меценатка и поборница белорусской культуры, несомненно, отправилась в Швейцарию, взяв с собой наиболее ценные вещи-реликвии и рукописи. Кстати, памятник на могиле княгини (горизонтально положенный камень) сохранился.

Марк Шагал. «Мария с младенцем». Витраж в цюрихском соборе Фраумюнстер.

Швеция

Многие белорусские ценности оказались захвачены шведскими войсками во время войн середины XVII и начала XVIII века, когда они пребывали на белорусской земле. Карл XII дал распоряжение прежде всего брать церковную утварь, а из серебряной тут же отливать монеты. Тогда же в Швецию вывезли три пушки, которые нынче хранятся в Стокгольме в Музее армии на улице Ридаргартан. Как видно из надписей на картушах, они датируются 1557 и 1603 годами и были сделаны по заказу Радзивиллов.

Весьма ценно белорусское приложение к карте Великого княжества Литовского Томаша Маковского, составленной в Несвиже в начале XVII века. Оно теперь находится в библиотеке Упсальского университета. Кстати, в этом университете преподавал белорус из-под Молодечно, автор книг о белорусско-польских языковых контактах Юзеф Трипутько. Он переписывался с Максимом Танком, другими писателями, а мне сообщал, что наиболее интересные белорусские находки могут быть по частным замкам и усадьбам, где сегодня живут наследники боевых походов против давнишней Речи Посполитой.

Многие тайны шведских музеев, библиотек и архивов приоткрыл белорусист Андрей Котлярчук. Выходец с Туровщины, он защитил докторскую диссертацию в Санкт-Петербурге, затем уехал преподавать в Швецию. Насобирал материалов на три монографии (одна из них — «Шведы в истории и культуре белорусов» — уже выдержала два издания). Ему же удалось найти и описать неизвестный ранее белорусско-польский словарь, составленный Симеоном Полоцким.

Япония

Православная церковь в Хакодате (Япония). Рядом находилась миссия Н. Гошкевича.

...Что же можно искать в весьма отдаленной от нас Стране восходящего солнца? Конечно же, документы о дипломатической и научной деятельности уже упоминавшегося Иосифа Гошкевича. В свое время мне удалось установить место захоронения выдающегося ученого и дипломата, провести посвященные ему научные чтения.

В 2001-м году Министерство иностранных дел Японии пригласило меня познакомиться с местами, где развертывалась бурная деятельность Гошкевича. Тогда мы часто говорили и с японскими коллегами, и с работниками нашего посольства в Токио о том, как удалось ему так много сделать для сближения и взаимопонимания двух стран, двух народов. И многие соглашались: надо в архивах искать документы о конкретных взаимных шагах навстречу. Но то — долгая и кропотливая работа, требующая знания японского языка, конкретных реалий. Хорошо, что в Токио и Хакодате (там размещалась миссия Гошкевича) есть кому этим заняться.

Председатель японского общества белорусистов, профессор Джун Ичи-Сато, подготовил целое поколение славистов, более или менее знающих и белорусский язык. Руносуке Курода издал белорусско-японский и японско-белорусский словари и взялся за грамматику. Такадо Касичи, чьи предки помогали Гошкевичу, в своем частном музее в Хакодате в память о первом консуле России в Японии выделил отдельную комнату, где разместил бюст и оригинальные документы. А когда рядом с православной церковью (воздвигнутой на месте прежней деревянной, построенной Гошкевичем и потом сгоревшей) наперекор мнению скептиков, все-таки мы нашли могилу жены Гошкевича, одновременно, но независимо друг от друга пришли с Такадо Касичи к мысли: хорошо бы тут, невдалеке от бывшей миссии, воздвигнуть памятник «беловолосому консулу». Раз есть бюст в Островце, логично иметь для начала хотя бы памятный камень в Хакодате. И — опять для начала — общественный центр его имени.

А что же дальше?

В завершение разговора о белорусских ценностях, находящихся за рубежом

Пришло время подвести некоторые, может быть, пока предварительные итоги циклу статей под рубрикой «Сокровища». В них я ставил своей целью убедить читателя, что в сфере музейных, библиотечных и архивных ценностей белорусская земля была донором для иных стран, народов и их культур. Историческая судьба Беларуси сложилась так, что столетиями, входя в различные государственные объединения вместе с соседями, она обрекалась на добровольный или принудительный вывоз большей части своих материальных и духовных ценностей в общие столицы и культурные центры, оказавшиеся сегодня за рубежами нашей суверенной страны. Поэтому законы реституции, обязательного возвращения вывезенного, здесь действуют далеко не всегда. Приходится уповать на добрую волю нынешних владельцев ценностей, а также на совместное использование этих ценностей и, при возможности, взаимовыгодный обмен.

Но прежде чем использовать и обмениваться, такое достояние должно быть выявлено, описано и изучено, чтобы доказать исторические права на него и его значимость для белорусов. Собственно говоря, этим в меру сил и возможностей занимается вот уже двадцать лет общественная комиссия «Вяртанне» при Белорусском фонде культуры. Итогом ее работы стали семь сборников «Вяртанне» (подготовлена рукопись восьмого), ряд конкретных акций, а также упомянутый цикл статей.
И теперь уже возможно приступить к составлению каталогов утраченного достояния по направлениям или странам. Кстати, хороший пример здесь подает Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, воссоздающий виртуальным способом архив Радзивиллов, издающий совместные сборники документов (последний составлен усилиями минчан и петербуржцев и касается белорусских беженцев периода Первой мировой войны). Тем же путем идут и библиотековеды, составляя каталоги разбросанных по всей Европе богатых книжных собраний Радзивиллов, Сапегов, Румянцевых, в перспективе Хрептовичей и других собирателей. Остался самый сложный участок — музейный.

Мне как автору отрадно отметить, что (смею думать) в связи с выходом статей цикла «Сокровища» увеличился интерес к реституционной проблематике: возросло количество публикаций, теле- и радиопередач. Ко мне обращались самые разные редакции, в том числе зарубежные, с предложением дать им некий эксклюзивный материал. Но я отвечал, что основное изложено в статьях, опубликованных в газете «Советская Белоруссия» — берите и используйте, но только с обязательной ссылкой на первоисточник. Некоторые так и сделали (сошлюсь на большую статью Алеси Янович в московской газете «Версия» под названием «Вот тебе крест», помещенную в номере от 12—18 мая 2008 года).

И что особенно важно, в последнее время возросло внимание к проблемам возвращения и совместного использования материальных и духовных ценностей. Красноречивый пример тому — организация в мае 2008 года Министерством культуры Беларуси и Федеральным агентством по культуре и кинематографии Российской Федерации выставки «Слуцкие пояса» в Национальном художественном музее Беларуси. На ней экспо-

нировались шедевры декоративно-прикладного искусства как из белорусских хранилищ, так и из Государственного исторического музея в Москве.

Исключительная роль в организации выставки принадлежала председателю Счетной палаты Российской Федерации Сергею Степашину. В своем выступлении он говорил о возможности предоставления экспонируемых поясов в депозит принимающей стороне, обмене ценностями и, что самое важное, о необходимости создания белорусско-российской комиссии по культурному наследию, отсутствие которой чувствительно отражается на взаимных контактах.

По-деловому, компетентно

...Что касается реакции, откликов на все предыдущие публикации цикла, признаюсь, наиболее порадовал полученный не так давно от Национальной комиссии Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО «План Министерства иностранных дел по содействию возвращению в Республику Беларусь исторического и культурного наследия, оказавшегося в силу различных обстоятельств за пределами Беларуси, на 2008—2009 годы». Это весьма продуманный и конкретный документ на 13 страницах. Поэтому здесь я перечислю только некоторые его основные моменты. Это — подготовка соответствующей информации для заграничных учреждений МИДа, создание и деятельность специальной межведомственной комиссии при Совете Министров, составление реестра ценностей, программы работы экспертов в архивах и хранилищах зарубежных стран, организация, по примеру уже действующей белорусско-польской, двусторонних комиссий и групп по совместному использованию выявленных ценностей и т.д.

Отдельные разделы плана посвящены сотрудничеству с ЮНЕСКО, СНГ и другими международными организациями, участию в многосторонних проектах. Среди последних, наряду с организацией выставки частей логойской коллекции братьев Тышкевичей из фондов литовских, польских и русских музеев и передвижной экспозиции о роде Огинских, назван и «сбор материалов о жизни и творчестве художника И. Хруцкого в связи с празднованием его юбилея в 2010 г.». Портретист и пейзажист, автор многочисленных натюрмортов Иван Хруцкий (1810—1885) — один из наиболее вероятных (по значению творчества, наличию произведений на родине) претендентов на включение в так называемый список памятных дат ЮНЕСКО (после Беловежской пущи, 600-летие которой как заповедника отмечается в 2009 году).

И опять — по странам

Далее следуют разделы, посвященные сотрудничеству стран на двусторонней основе. Что касается Российской Федерации. В плане содержатся и совершенно новые, актуальные, но нереальные для осуществления комиссией «Вяртанне» пункты. Они предусматривают получение информации о ценностях, перемещенных из Германии в СССР после Второй мировой войны, которые теперь могут находиться в законсервированном фонде в Павловске (пригород Санкт-Петербурга) и хранилищах Новгорода, изготовление хотя бы электронных копий редчайших материалов, касающихся Отечественной войны 1812-го года, раньше находившихся в Борисове, в собраниях И. Колодеева, а теперь хранящихся в московских Государственном историческом музее и Государственной исторической библиотеке.

В польской части плана, как и следовало ожидать, основное место отводится Несвижу и коллекциям Радзивиллов, прежде всего их портретной галерее. Предполагается содействие изготовлению цифровых копий на холсте радзивилловских портретов и документов, изданию соответствующего совместного каталога, а также подписанию общего соглашения о культурном сотрудничестве между двумя странами.

Часть плана, касающаяся Литвы, также обширна и конкретна. Здесь — и содействие Министерству культуры в заключении договора с Литвой об охране историко-культурного наследия, организации совместных книжных выставок, научно-практических конференций, симпозиумов и семинаров, и реализация совместных белорусско-литовских проектов по программе «Вильнюс — европейская столица культуры—2009», и празднование 1000-летия первого летописного упоминания Литвы, и поиск рукописей нашей поэтессы Тетки (напомню, ее мужем, очевидно, вывезшим рукописи Тетки в США, был видный литовский деятель Степонас Кайрис), произведений белорусских художников 20—30-х годов прошлого столетия, учившихся в довоенном Вильно в университете под опекой известного живописца, уроженца Воложинщины Фердинанда Рущица. Лично я сожалею, что ничего не сказано о предложенном в статье «Собрано во граде Гедимина» возрождении в Вильнюсе Белорусского музея имени Ивана Луцкевича (речь идет только о «цифровом копировании документов и материалов этого музея для Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства»). Но подумалось, очевидно, для этого еще не наступило время.

Особо следует остановиться на Германии. Белорусская сторона предполагает подготовить предложения «по урегулированию спорных вопросов, препятствующих вступлению в силу белорусско-германского межправительственного соглашения о культурном сотрудничестве». А это сотрудничество может быть полезно для обеих сторон. Далее говорится о поисках материалов, связанных с перемещением в военное вре-

Леон Бакст «Царевна Ненаглядная Краса». 1910. Эскиз костюма к балету И. Стравинского «Жар-птица». Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства.

мя белорусских культурных ценностей по немецкой земле, отражение этих материалов на интернет-сайте Координационной службы в городе Магдебурге, презентации в Беларуси книг Библии, изданных Ф. Скориной и найденных в Верхнелужицкой библиотеке наук в городе Гёрлице. Презентация этой ценной находки (в Гёрлице нас могут ожидать и другие) предусмотрена, по предварительному соглашению, в Национальной библиотеке Беларуси, а также в Полоцке и Новогрудке.

Интересным, наполненным новой информацией получился раздел, посвященный Франции. Здесь белорусское литературоведение впервые наталкивается на факт существования в Департаменте западных манускриптов Национальной библиотеки Франции, таинственной лично для меня, «Размовы», написанной на «прастамоўі». С интересом буду ожидать намеченного изготовления электронной копии этого памятника. Перспективным кажется продолжение поиска информации о представите-

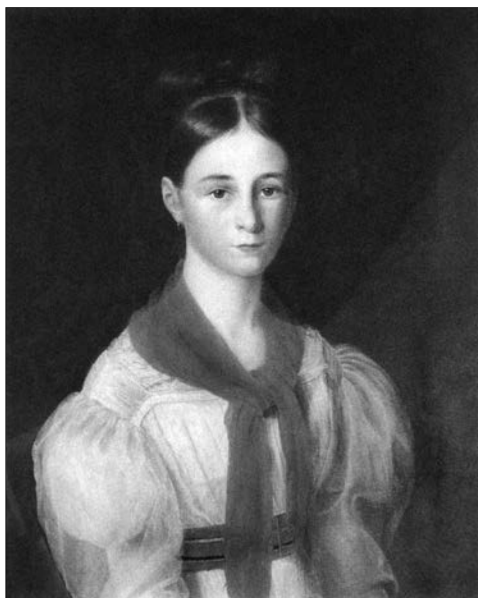

Иван Хруцкий. «Цветы и плоды». 1839 г. Государственная Третьяковская галерея.

лях белорусской интеллигенции и художниках белорусского происхождения, живших во Франции, а также наших соотечественниках, ставших гордостью парижской школы живописи. Предполагается продолжить переговоры об организации в Минске их выставки в обмен на выставку работ Ю. Пэна и современных белорусских художников.

Не буду пересказывать разделы, касающиеся других европейских и неевропейских стран. Некоторые моменты совпадают здесь с предложениями, высказанными в цикле статей «Сокровища», иные же (по Турции, Швеции) являются новыми, основанными на материалах, предложенных белорусскими посольствами в тех странах. Отрадно было отвечать мне на звонки из этих посольств (например, из Италии, Польши) с просьбой дополнить те или иные сведения, изложенные в публикациях «СБ». А наше посольство в Великобритании с помощью лондонских ученых уже организовало поиски сделанного из слоновой кости престола слуцких князей, о котором шла речь в разделе «В нетуманном Альбионе». Все это свидетельствует о целеустремленной, организующей деятельности нашего Министерства иностранных дел по возвращению культурного наследия, оказавшегося за рубежом.

Одновременно хотелось бы поделиться новыми сведениями, полученными за последние два месяца, а также некоторыми размышлениями и комментариями.

*Сергей Зарянко.
«Портрет девушки».
Вторая половина XIX века. Государственный художественный музей Латвии.*

Чем обмениваться?

Под номером 1.6. в плане имеется такая долгожданная запись: «Создание общенационального обменного фонда культурных ценностей и механизма использования уже существующих в соответствии с законодательством Республики Беларусь». Помнится, во время обсуждения этой проблемы на рабочем совещании в МИДе разговор велся преимущественно вокруг того, что в музеях и библиотеках надо отбирать для обмена произведения авторов, не имеющих прямого отношения к Беларуси (чаще всего фигурировали Айвазовский, Левитан и Шишкин). В целом это правильно — так ставился вопрос на последнем форуме ЮНЕСКО в Греции. Но второй упор, как мне видится, следовало бы делать на предметах искусства, конфискованных нашими таможенниками на западных рубежах державы у контрабандистов, следующих в Польшу и Литву не столько из Беларуси, сколько из России и Украины. Скажем, централизованно поменять задержанные в Бресте российские иконы на картины и предметы декоративно-прикладного искусства, вывезенные в Россию во время Первой мировой войны из имения Немцевичей в Скоках на окраине Беловежской пущи. Вариантов возможно множество.

Для Несвижского замка

В начале октября 2008-го года в Несвиже состоялось очередное заседание экспертной группы Белорусско-польской консультационной комиссии по вопросам культурного наследия, организованное министерствами культуры Беларуси и Польши при активном содействии посольства Беларуси в Польше. А накануне состоялась встреча белорусского посла Павла Латушко (с конца июня 2009 года П. Латушко — министр культуры Республики Беларусь) с проживающими в Польше Матеем и Каролем Радзивиллами, достойно представляющими несвижскую ветвь знаменитого рода. Они передали в дар Несвижскому замку две оригинальные прижизненные гравюры Януша и Николая Радзивиллов, приобретенные Матеем Радзивиллом на аукционах в Германии, а также цифровую копию портрета Барбары Радзивилл и обновленное генеалогическое древо рода. Дарители высказали пожелание увидеть эти подарки в реставрированном Несвижском замке и готовность оказать финансовую помощь в изготовлении качественных цифровых копий портретов Радзивиллов, находящихся в музеях Варшавы. По сведениям Министерства культуры Польши, таких портретов насчитывается 48.

Как сообщил мне почетный председатель совместной Белорусско-польской комиссии профессор Анджей Цехановецкий (Лондон), в ближайшее время польская сторона организует стажировку в Варшаве, на базе Королевского замка, Национального музея и Виляновского дворцово-замкового комплекса, группы белорусских специалистов, занимающихся созданием музейной экспозиции в историко-культурном заповеднике «Несвиж». Со своей стороны Анджей Цехановецкий, породненный с Радзивиллами, также объявил о дарах заповеднику в виде реликвий, хранящихся в его личном фонде при Королевском замке в Варшаве.

Непродуктивная версия

Мое авторское несогласие вызвали печатные отчеты с пресс-конференции, на которой шла речь о драматической судьбе Креста преподобной Евфросинии Полоцкой (кстати, почему-то при этом забывалась судьба других бесценных сокровищ, исчезнувших одновременно с реликвией). Прозвучала версия, будто Крест закопали на выезде из Могилева в июле 1941-го года, когда ценности эвакуировались в Москву под руководством тогдашнего секретаря ЦК ВКПБ(б) Пономаренко. Представьте себе конкретную ситуацию. На автомашинах вывозятся на восток бесценные сокровища, чтобы спасти их от наступающих нацистов. В одной из кабин сидит главный партийный политик БССР, который, несомненно, был специально послан из Смоленска за этими сокровищами.

И вдруг оно, это начальство, дает команду остановить транспорт «возле Могилева», вычленить из всех музейных экспонатов отдельно взятый Крест и для того, чтобы обречь его на верную гибель, дает команду закопать на виду реликвию в землю. Это выглядит тем более нелогично, что ведь был зафиксирован факт доставки ценностей целыми и невредимыми в Москву. Тем более что Пономаренко позже, под конец войны, будет дважды (еще раз напомню о соответствующих документах, найденных в архиве и опубликованных Виталием Скалабаном) уверенно говорить о Кресте как о реально существующей ценности, находящейся в поле его зрения (характерно, что после, очевидно, с появлением некоей новой ситуации, такие утверждения исчезнут). Мне кажется, последнюю точку в «околомогилевской» версии поставил профессор Николай Кузнецов, который, сопоставив все факты, совсем недавно («ЛіМ», 2008, 17 кастрычніка) еще раз констатировал: «Известно, что через два дня кортеж добрался до Москвы. Машины остановились около здания Управления кадров РСКА». Я согласен: надо проверять всякие версии, но не убаюкивающие, не уводящие в сторону от реальных поисков. Кстати, подобные версии (например, о том, что эвакуаторы бросили экспонаты в Смоленске, хотя на самом деле они обошли этот город стороной) регулярно всплывают из трудноопределимых источников. Более продуктивный путь поисков вывезенных в 1941-м году коллекций очерчивает в своих обстоятельных письмах-откликах читательница из Могилева Лариса Калинина. Она акцентирует внимание на двух моментах. В первую очередь надо попытаться найти опись того, что было доставлено в Москву (такой документ, безусловно, существовал, но мог затеряться осенью 1941-м года, когда архивы «упаковывались для эвакуации» в связи с фашистской угрозой). И второе. Может быть, возвращение Слуцкого Евангелия, находившегося, судя по описаниям музейных потерь, вместе с Крестом, подскажет путь и к остальным реликвиям.

Существенные дополнения

Кроме писем, поступали телефонные звонки. В некоторых сообщались достаточно ценные сведения.

В частности, мое внимание обратили на чудотворную икону заступницы Полесья Белорусского — Юровичской Божьей Матери. Икона украшала главный алтарь в монастырской святыне, искусно вырезанный местным мастером Тарасом Оршицким и позолоченный Степаном Петровским. Святыня была католическая, иезуитская, строилась в 1717—1756-х годах в барочном стиле при участии итальянских архитекторов. Но икона, бывшая ранее в Киеве, равно почиталась и православными, массово посещавшими Юровичи во время паломничеств.

Однако после поражения восстания 1863-го года по велению виленского генерал-губернатора Муравьева костел закрыли, а затем перестроили в православный храм. В центре иконостаса поместили копию чудотворной иконы (спасенная прихожанкой в 1937-м году, она существует и поныне). Оригинал в 1885-м году вывезла в Краков и передала на сохранение в костел Святой Барбары местная жительница Габриэлла Горват. Но не на вечное, а временное, с условием: икону вернуть в обновленный и восстановленный юровичский храм.

Мне кажется, такое время сегодня наступило. Правда, здание самого храма по-прежнему разрушено. Но рядом, в стенах иезуитской миссии, расположился женский православный монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Поскольку икона стала общехристианской реликвией, нет препятствий для возвращения оригинала чудотворной иконы в Юровичи. Этот акт был бы с пониманием и благодарностью встречен в рамках межконфессионального диалога.

Второй звонок касался ценностей, принадлежавших членам Общества любителей Минской земли и в 1920-м году вывезенных при отступлении польских войск в 36 тысячах ящиков в Варшаву. Находились там и вещи, книги и рукописи из частного музея Александра Ельского в Замостье. В статье я сетовал, что во время поездок в Польшу обнаружил в Варшаве и Кракове лишь крохи из собраний белорусского писателя и коллекционера. Позвонивший коллега сказал, что, возможно, я не совсем там и не так искал. Требовалось учесть, что, поскольку время было военное, первоначально ящики с ценностями доставили и сгрузили в создававшемся тогда музее Войска Польского. А поскольку он, пусть и в ином виде, существует поныне, то именно отсюда, с поиска описаний фондов и их распределения, следует двигаться в дальнейших изысканиях, которые, кстати, предусматриваются и в вышеупомянутом плане МИДа.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Беларусь: вчера и сегодня

МАЛЬДИС Адам Иосифович

БЕЛОРУССКИЕ СОКРОВИЩА ЗА РУБЕЖОМ

Редактор *Н. Н. Костюченко*
Художник *Е. А. Ждановская*
Стильредактор *Е. С. Голуб*
Компьютерная верстка *Л. В. Костюкевич*

Подписано в печать 11.12.2009. Формат 60х90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура Garamond.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 12,22. Тираж 2000 экз. Заказ .

Редакционно-издательское учреждение «Літаратура і Мастацтва».
ЛИ 02330/0494044 от 03.02.2009.
Ул. Захарова, 19, 220034, г. Минск.

Производственное республиканское унитарное предприятие
«Минская фабрика цветной печати».
ЛП 02330/0494156 от 03.04.2009.
Ул. Корженевского, 20, 220024, г. Минск.